В. К. Чичагов



ИЗ ИСТОРИИ РУССКИХ ИМЕН ОТЧЕСТВ И ФАМИЛИЙ

Учпедгиз
1959

В. К. Чичагов

ИЗ ИСТОРИИ РУССКИХ ИМЕН, ОТЧЕСТВ И ФАМИЛИЙ

(ВОПРОСЫ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ОНОМАСТИКИ XV—XVII вв.)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
Москва 1959

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагаемая работа доцента Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова Василия Константиновича Чичагова, умершего в 1955 году, представляет собой часть широко задуманного труда, посвященного истории русских имен, отчеств и фамилий. Возникший еще в студенческие годы под влиянием проф. А. М. Селищева интерес В. К. Чичагова к вопросам русской исторической ономастики не оставлял автора на протяжении всей его научной деятельности. Неожиданная болезнь и смерть помешали осуществлению больших научных планов в этой области.

Данная работа В. К. Чичагова подготовлена к печати после смерти автора О. Г. Гецовой.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная работа посвящена очень интересной, но мало разработанной в науке проблеме истории русских личных собственных имен, прозвищ, отчеств и фамилий. Русские личные имена в самом начале исторического (письменного) периода в результате и в связи с принятием Русью христианства в X веке начали заменяться христианскими именами греческого происхождения. Оттесненные на второй план, славянские русские имена еще долгое время существовали в быту русского народа, сначала в качестве личных имен, постепенно переходя затем на положение прозвищ, т. е. вторых, бытовых, имен, в употреблении не обязательных. Процесс превращения русских имен в прозвища, а также вопрос о дальнейшей судьбе этих прозвищ в истории русского народа и другие вопросы, тесно с ним связанные (о появлении и развитии отчеств и затем русских фамилий), до сих пор в науке очень мало изучены. Известен ряд статей по данному вопросу, например, неоконченная работа проф. А. М. Селищева «Происхождение русских фамилий, имен, прозвищ» («Ученые записки МГУ», вып. 128, М., 1948); статья В. И. Чернышева «Несколько замечаний об украинских и русских личных именах» («Мовознавство», «Наукові записки», том VI, Академия наук Української РСР, Інститут Мовознавства ім. О. О. Потебні, Київ, 1948) и некоторые другие.

Имеются и словари древнерусских имен. Среди них выделяется «Словарь древнерусских личных собственных имен» М. Н. Тупикова (Спб., 1903), являющийся наиболее полным собранием древнерусских имен и отчеств.

Предлагаемая работа В. К. Чичагова исследует на материале исторических документов русского народа вопросы становления и развития русских имен, прозвищ, отчеств и фамилий на протяжении XV—XVII веков. Этот период, переломный в истории русского народа и его языка, является чрезвычайно важным и интересным, ибо в XVII в. начинает складываться русская нация. Именно в этот период складывается и окончательно оформляется тот способ наименования лиц, который принят у нас в настоящее время: личное имя, отчество и фамилия.

ГЛАВА I

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. *Ономастикой* называется наука, изучающая имена собственные живых существ. К именам собственным живых существ относятся: 1) личные имена людей, 2) отчества, 3) прозвища людей, 4) прозвания, или фамилии, людей, 5) клички животных: лошадей, коров, собак, птиц и т. д.

Личными именами называются слова, которые присваиваются при рождении людям и под которыми они известны в обществе.

Отчествами называются слова, входящие в состав именования людей и обозначающие отца носителя того или иного имени.

Прозвищами называются слова, даваемые людям в разные периоды их жизни по тому или иному свойству или качеству этих людей и под которыми они известны обычно в определенном, часто довольно замкнутом кругу общества: «А зовут меня Касьяном, а по прозвищу Блоха» (Тургенев).

Фамилией называется наследственное наименование, переходящее из поколения к поколению: от отца или матери к сыну и дочери, от мужа к жене, или наоборот.

Кличками называются имена или обозначения домашних животных, птиц и других живых существ. Слово *кличка* в языке употребляется и в значении «прозвище».

§ 2. Среди личных имен различаются полные имена и полуимена. Полными являются такие имена, как, например: Николай, Василий, Михаил, а полуимена (уменьшительные имена) — это Коля, Вася, Миша или Колька, Васька, Мишка.

Среди прозвищ различают:

1) индивидуальные прозвища, например: Генаша *Блин*, Афрося *Кривая*, Ваня *Казак*.

2) Прозвища групповые:

а) Профессиональные: «*Гужеед* — бранное прозвище кучера»[1] или извозчика вообще. «И сейчас же окрикивает замешкавшегося возчика: — Заснул, гужеед!» (А. И. Куприн, Юнкера). «Фараоны — прозвище шапочников».

б) Возрастные: «Здесь, в небольшом пространстве классной комнаты, из которой вынесены парты, усердно танцуют дружка с дружкой, под звуки «взрослой» музыки, десятка два самых младших воспитанниц, в зеленых юбочках, совсем еще детей, «малявок», как их свысока называют старшие» (А. И. Куприн, Юнкера).

в) Территориальные: «Жителей дер. Девина зовут «бутаками» (ТДК, Х, стр. 42. См. стр. 34 данной книги). Срвн. у Даля: «*Будники* или *будакú*, бывшие будные, майданные крестьяне, некогда приписанные к казенным будным майданам; они в народе сохранили название это (в *пенз, нижг.*)»[2].

г) Территориально-диалектные: «У жителей этих деревень такой акающий говор, что луковские и другие крестьяне зовут их *хамами* и *заворотенями*». Орловск. г. (ТДК, Х, стр. 97).

д) Социально-групповые: «*Галман* м., *галманьё* ср. собр. *кур.*, *тул.*, *орл.*, *тмб.*, бран., мужик, олух, грубиян, невежа; в *вор.* так обзывают однодворцев» [государственных крестьян галмáны мн. Опд.].[3]

е) Прозвища других народов: *Таборь* — прозвище цыган (Герас., стр. 88)[4].

ж) Бытовые:

«Но едва успели шестеро юнкеров завернуть к началу широкой лестницы, спускающейся в прихожую, как увидели, что наперерез им, из бокового коридора, уже мчатся их соседи, юнкера второй роты, по училищному обиходу — «Звери» или, иначе, «Извозчики», прозванные так потому, что в эту роту искони подбираются, с начала службы, юноши коренастого сложения, с явными признаками усов и

---

[1] В. И. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, изд. 4, т. I, Спб. — М., 1912, стр. 1004.

[2] Там же, стр. 334.

[3] Там же, стр. 811.

[4] Список сокращений дан в конце книги.

бороды. А сзади уже подбежали и яростно напирают: третья рота — «Мазочки» и первая — «Жеребцы» (А. И. Куприн, Юнкера).

3) Партийные прозвища (или клички): В.И. Ульянов — *Ленин*, С. М. Костриков — *Киров*, М. В. Фрунзе — *Арсений* и другие.

4) Псевдонимы, например, литературные: Горький, Скиталец, Бедный.

Среди фамилий, или прозваний, различаются: собственно-фамилии (официальные) и уличные фамилии, или прозвища. Последние сохранились в говорах: сравн. Топников — при официальном Голованов, Облопохин —при официальном Осипов, Чуднихины — при официальном Обжигаловы и т. д.

§ 3. Русская ономастика, или наука о русских собственных личных именах, является в наше время одним из отстающих от требований жизни и советского языкознания отделов науки о русском языке. За советский период русской истории было опубликовано всего несколько статей, относящихся прямо или косвенно к изучению этой области лингвистического знания. Перечислим главнейшие из статей в порядке их опубликования в печати:

А. М. Селищев, Namenanderhungen in SSSR. Kulturgeschichtliche Zusammenfassung einer sprachwissenschaftlichen Studie, «Slaviche Rundschau», VI, Nr 1, 38—42.

В. И. Чернышев, Les prénoms russes: dormation et vitalité, «Revue des études slaves», 1934, t. XIV, fasc. 3 et 4.

В. И. Чернышев, Несколько замечаний об украинских и русских личных именах («Мовознавство», «Наукові записки», том VI, Академия наук Української РСР (Інститут Мовознавства ім. О. О. Потебні, Київ, 1948).

А. М. Селищев, Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ («Ученые записки», вып. 128. Труды кафедры русского языка, кн. 1, под ред. акад. В. В. Виноградова, Московский ордена Ленина государственный университет имени М. В. Ломоносова, изд. МГУ, М., 1948, стр. 128—152).

§ 4. Значение изучения истории личных собственных имен определяется прежде всего значением этого разряда слов в русской лексической системе.

Положение этого разряда слов в системе русской лексики своеобразно. Обращает на себя внимание прежде всего тот факт, что личные собственные имена не включаются в словари. Почему? Да, по-видимому, потому, что личные собственные имена не нуждаются в истолковании; следовательно, они лишены «значения» в собственном смысле этого слова. Достаточно указать, что то или иное слово является именем собственным, как потребность в истолковании этого слова отпадает.

Человеческие имена и их формы, восходящие к различным эпохам истории русского народа, красноречиво отражают состояние тогдашнего общества: уровень его культуры, положение их носителей в обществе, а вместе с тем и классовую структуру этого общества. Пожалуй, ни одна область языковой деятельности русского народа не была так тесно и непосредственно связана с его историей, как область ономастики.

Русская историческая ономастика как один из отделов науки об истории русского народа имеет свои особенности. Это наука прежде всего лингвистическая, являющаяся разделом истории русского языка, поскольку материалом ее изучения является языковая действительность — собственные личные имена русских людей различных эпох во всем многообразии их фонетического и грамматического оформления. Но русская историческая ономастика является одновременно и наукой культурно-исторической, поскольку история различных явлений и фактов этой науки была тесно связана с историей культуры русского общества, с историей борьбы классов этого общества. Нет ничего удивительного поэтому в том, что в истории указанного разряда слов русского языка ярко отразилась история русского народа.

Значение изучения русской исторической ономастики не исчерпывается сказанным. Разработка этой науки имеет большое значение для исторической лексикологии вообще. И не только как специальный отдел этой науки, но и как важный дополнительный источник основного раздела исторической лексикологии, занимающегося изучением основного словарного фонда и словарного состава русского языка. Изучение исторической ономастики существенно уточняет и обогащает наши представления о составе древней русской лексики. О существовании в древней Руси многих слов мы узнаем иногда только на основании

данных ономастики, в особенности слов, связанных с бытом. Например, о широко известном в современном русском языке слове «клуша» (наседка) мы ничего не узнаем из существующих словарей древнерусского языка. Между тем такое слово в XVI в. уже существовало, срвн.: «в холопстве родилась дочь Ненилка, прозвище *Клуша*», около 1565 г. (Зап. кн., стр. 159). Для XVII в. отмечено отчество «Клушин» (Туп., стр. 629). Слово «колыхать» не зарегистрировано в исторических словарях, между тем в XVII в. оно существовало, срвн.: «Микитка Колыхалин, чугуевец, 1648 г.» (Туп., стр. 638); или: «Федька Колыхалов — наименование крестьянина Лебедянского уезда, 1692 г.» (Яковлев, стр. 212). Слова «копыл» не найдем также в указанных собраниях, между тем в начале XV в. оно уже существовало, срвн.: «Василий *Копыл*, московский посол на Афон, 1515 г. (Туп., стр. 251; много раз). Можно было бы привести еще целый ряд других слов, которые не отмечены в исторических словарях, но о наличии которых издавна в русском языке мы узнаём из данных ономастики. Это относится, например, к словам «огарыш», «щеголь», «бирюк», «россомаха», «караул», «деньга», «колпак», «базар» и др.

В отношении целого ряда слов данные ономастики оказываются более древними, нежели данные исторических словарей, срвн.: *Башмак* — название обуви, 1642 г. (Срезн., I, стр. 46), «Данило Башмакъ», 1447 г. (Туп., стр. 99; у него же имеется ряд других примеров для XV—XVII вв.).

§ 5. В структурном отношении древнерусские именования были различны. Они могли состоять из одного слова, из двух, трех и даже многих слов. Это зависело от разных причин: от социального и семейного положения именуемого, от характера документа, в котором именование употреблено, от того, первый раз употреблено то или иное имя в документе или не первый раз. Отчасти это было связано и с формами, которые имели отдельные части именования, а также титулами. Люди одного и того же социального положения могли именоваться по-разному в зависимости от того, в какого рода документах им приходилось быть называемыми. Чем более обязывающим был документ по отношению к именуемому, тем полнее было его именование. В служилых кабалах, которые выдавали на себя крестьяне

и в которых перечислялись даже их физические приметы, они наименовались наиболее полно. В состав именования могли входить:

а) имя и отчество:

«Се язъ Бориско Олексѣевъ сынъ занялъ есми», 1598 г. (Новг. каб. кн., стр. 22); «Се язъ Данила Ивановъ сынъ занялъ есми» (там же, стр. 25); «Се язъ Макаръ Ѳоминъ сынъ» (там же, стр. 66); «Се язъ Улита Ермолина дочь» (там же, стр. 47); «Се язъ Степанида Самсонова дочь» (там же, стр. 186).

б) имя, отчество и прозвище:

«Се язъ Калинникъ Ивановъ сынъ, прозвище Кузко» (там же, стр. 46); «Се язъ Марко, а прозвище Осмина, Овдукимовъ сынъ» (там же, стр. 56); «Се язъ Ѳедка Микиѳоровъ сынъ, прозвище Первушка» (там же, стр. 74); «Се язъ Марѳа Григорьева дочь, прозвище Машуря» (там же, стр. 205).

в) имя и два отчества или имя, отчество и имя деда:

«Се язъ Семенъ Ѳилиповъ сынъ Леонтьева» (там же, стр. 51); «Се язъ Самойло Васильевъ сынъ Юркинъ» (там же, стр. 53); «Се язъ Марко Семеновъ сынъ Оксеновъ» (там же, стр. 58); «Се язъ Яковъ Микифоровъ сынъ Брехов» (там же, стр. 59).

г) имя, два отчества и прозвище:

«Се язъ Омоско Ѳедоровъ сынъ Нечаевъ, а прозвище Межага» (там же, стр. 62); «Се язъ Иванъ Ивановъ сынъ, прозвище Пентелейко» (там же, стр. 91); «Се язъ Иванъ Михайловъ сынъ Лудянинъ, прозвище Первой» (там же, стр. 93); «Се язъ Терентей Ивановъ сынъ Проскурнина, а прозвище Жданъ» (там же, стр. 236).

д) в состав именования могло включаться указание на местность, откуда происходит именуемый:

«Се язъ Романъ Оверкѣевь сынъ Новоторжетцъ» (там же, стр. 124).

е) в состав именования могло войти название профессии:

«Се язъ Иванъ Васильевъ сынъ Овчинникъ» (там же, стр. 132).

ж) именования женщин могли быть более подробными:

«Се язъ Полага Григорьева дочь, прозвище Маня Муромка, Ивановская жена Мелнянинова» (там же, стр. 133); «Се язъ вдова Овдотья Данилова дочь Ивановская жена» (там же, стр. 181); «Се язъ вдова Олена Никиѳорова дочь

Кузминская жена Ондрѣева сына Стеблева» (там же, стр. 184).

Иным был состав именований крестьян в писцовых книгах — документах, с которыми связывались лишь общегосударственные цели. Здесь крестьяне именуются обычно по одному имени или прозвищу, реже — по имени и прозвищу. Употреблялись и именования с отчествами. Срвн., например: отрывок из писцовых книг В. Г. Морозова и З. А. Постника-Сатина, 1519 г.: «Село Горки на Богоне.... А в нем крестьян: в. Оникей, в. Бориско, в. Гридка, в. Карпик, в. Степанко, в. Ивашко, в. Алексейко, в. Самойлик, ... в. Ивашко Жиравль, в. Беляйко, ... в. Некраско, ... в. Малей, ... в. Ивашко Тимохов, в. Воробей, в. Ладей, в. Ворывако» (Ак. феод. земл., стр. 42).

Одно и то же лицо, при одних и тех же условиях, могло именовать себя по-разному:

«А грамоту писал Осташ дьяк» (1392—1427 гг.) (Ак. с.-в. Р., стр. 29).—«А грамоту писал Осташ» (1410—1427 гг.) (там же, стр. 36, 38).—«А грамоту писал Осташ Опалишин» (1417—1427 гг.) (там же, стр. 35).

ГЛАВА II

ОБ ОТНОШЕНИИ РУССКИХ ИМЕН К ГРЕЧЕСКИМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XV—XVII вв.[1]

§ 6. Для различения людей в составе семьи или небольшого коллектива у восточных славян издавна служили особые слова — личные собственные имена. Это был разряд слов довольно многочисленный, а в семантическом и словообразовательном отношении — весьма многообразный.

В X веке в связи с принятием христианства, получившего в Киевском государстве значение государственной религии, у восточных славян появляются новые имена, ближайшим образом греческого происхождения[2].

[1] Более подробное рассмотрение этого вопроса см. в статье В. К. Чичагова «Вопросы русской исторической ономастики. Об отношении русских имен к греческим в русском языке XV—XVII вв.», напечатанной в журн. «Вопросы языкознания», № 6, 1957.

[2] Среди них были, как известно, и имена негреческого происхождения в собственном значении этих слов, например, еврейского, латинского. Выражение «греческие имена» употребляется ниже в значении «имена христианские», т. е. пришедшие из Византии в связи с принятием христианства.

Христианство, вместе с культом святых, а с ним и новые, греческие, имена вводились, как известно, церковью и господствующим классом эпохи феодализма принудительно[1]. Вполне понятно поэтому, что новые имена, к тому же темные в семантическом отношении, а также нередко трудные и для произношения, не могли сразу же заменить прежних русских имен эпохи языческих верований, складывавшихся в течение ряда веков на основе родного и привычного языкового материала. Таким образом, в X—XI вв. у восточных славян оказалось в употреблении два вида имен, а русский человек того времени назывался по меньшей мере двумя именами, срвн.: «Во своихъ си пріятелѣхъ именемъ Милонѣгъ, Петръ по крещенью» (Ипатьевская летопись, под 1199 г.). Или: «Зовемъ бяше Жданъ помирьску, а в крещении Микула»[2].

В связи с описанным выше положением, сложившимся в древнерусской ономастике, перед историком русского языка встает вопрос о том, какова была историческая судьба древнерусских двунаименований, или, иначе говоря, в каких отношениях находились русские и греческие имена в дальнейшей истории русского народа. Рассмотрение этих вопросов применительно к XV—XVII вв. русской истории и является задачей этой главы книги.

§ 7. Об отношении русских имен к именам греческим (христианским) в древние периоды русской истории в литературе по русской исторической ономастике речь заходила не раз. Наиболее подробно об этом говорится в статье Н. М. Тупикова под названием «Исторический очерк употребления древнерусских личных собственных имен», напечатанной в качестве предисловия к труду «Словарь древнерусских личных собственных имен». Вопрос об отношениях русских имен к греческим (христианским) ставится Н. М. Тупиковым в вышеуказанной статье следующим образом: «Рассмотрим теперь,— пишет он,— вопрос о том, как русские имена относятся к христианским, можно ли их считать (для X—XVII вв.) полноправными личными именами, или же их надо рассматривать как прозвища?» (стр. 65). В результате довольно подробного рассмотрения материа-

[1] См. «Очерки истории СССР. Период феодализма», ч. 1, изд. АН СССР, М., 1953, стр. 108.

[2] Е. Голубинский, История русской церкви, т. I (вторая половина тома), изд. 2, М., 1904, стр. 428. Примечание 1.

ла Н. М. Тупиков приходит к следующему выводу: «...русские имена до XVII в. включительно употреблялись подобно христианским в значении личных». В основу этого вывода положены следующие соображения:

1. О равноправном положении русских и христианских имен до XVII в. включительно свидетельствует, по мнению Н. М. Тупикова, прежде всего «самостоятельное употребление русских имен», «т. е. употребляется только русское имя (без христианского)», напр.: «Алмазъ Ивановъ, Баженъ Микитинъ..., Баимъ Болтинъ, Есенейковъ сынъ Баранъ, Балушъ Афанасьевичъ Маракушевъ и т. д.» (стр. 65).

2. «Иногда при русских именах мы находим в тексте памятника прямое указание, что здесь перед нами личное, а не прозывное имя. Такие примеры известны очень рано:

В XI в.: 1) «поваръ, именемъ Торчинъ»; 2) «бѣ имя ему Чернь».

1380 г.: «Акатьевичъ, нарицаемый Валуй» (Летоп., VIII, 40 (Но в Лаврент., 508 — «Тимофей Волуй»).

1522 г.: «на имя Грошъ» (З. А. II. 136)...

1591 г.: «Пономарь Огурцомъ зовутъ» (Гр. и Дог., II, 105). (Но также «Федотъ Офонасьевъ сынъ, прозвище Огурецъ») и т. д. (см. Туп., стр. 65).

3. Об одинаковом значении русских имен и христианских свидетельствует, по мнению Н. М. Тупикова, «употребление русских имен наряду с христианскими в значении личных», в частности «при наименовании лиц одной семьи, родных братьев... одни из них называются только христианским, а другие только русским именем». Например: «Хвороща и съ братомъ Иваномъ», 1388 г.; «Ивашко Дюкинъ да его дѣти Некрасъ да Ивашко», 1495 г. (Туп., стр. 67).

4. «От русских имен образуются отчества, как и от христианских» (там же, стр. 68).

5. «Даже в синодиках, подаваемых за упокой, усопшие назывались наряду с христианскими, и русскими именами, например, в Синодике Ивана IV (1582 или 1588 гг.) находим имена: Смирной, Брехъ, Жданъ, Кожара, Корепанъ, Быкъ, Рудакъ, Шарапъ, Мисюръ, Сарычъ и т. д...» (там же).

§ 8. Рассмотрим эти соображения М. Н. Тупикова. По мнению Н. М. Тупикова, «самостоятельное употребление русских имен» свидетельствует о том, что они «употреблялись подобно христианским в значении личных». Но дело

в том, что имена, имевшие значение прозвищ, также могли употребляться самостоятельно. На странице 71 «Очерка» Н. М. Тупиков сам пишет: «Русские имена как п р о з в и щ а (Разрядка моя.— *В. Ч.*) могли употребляться не только при христианских именах, но и самостоятельно». Напрасно только Н. М. Тупиков искусственно суживает круг русских имен-прозвищ. Под «прозвищами» он понимает только такие русские имена, перед которыми поставлено это слово. Русские имена, перед которыми это слово поставлено не было, являются, по его мнению, именами личными. Даже в таких наименованиях одного и того же лица, как, напр., «Иван Катунинъ, а прозвище Смиряй» (стр. 721) и «Смиряй Гордевъ с. (сын.— *В. Ч.*) Катунинъ», слово «Смиряй» считается прозвищем только в первом примере, во втором же примере оно принимается за личное имя. В наименовании «Ивашка Сергѣевъ, прозвище Муха» (стр. 71) слово «Муха», понятно, принимается за прозвище. Но в названии того же человека «Ивашко Муха» слово «Муха» принимается уже за второе личное имя. С таким пониманием прозвищ согласиться, конечно, нельзя, так как оно предполагает существование прозвищ только на бумаге, а не в живом употреблении. В самом деле, ведь если какой-либо человек носил имя «Иван», а, кроме того, имел еще прозвище «Смиряй», то разве не естественно ожидать, что в одних случаях его могли назвать «Иваном», а в других — «Смиряем»? Личным именем этого человека останется «Иван», хотя оно и не будет представлено в наименовании, а имя «Смиряй» не перестанет быть прозвищем, хотя оно и будет употреблено самостоятельно.

Взгляды Н. М. Тупикова находятся в противоречии и с показаниями памятников письменности. Имеются прямые указания на то, что прозвищами, например, в XVI в. считались и такие русские имена, перед которыми на письме этого слова и не стояло (см. об этом в следующем параграфе). Из сказанного следует, что такие древнерусские наименования, как *Алмаз Иванов*, *Бажен Микитин* и подобные, могут свидетельствовать лишь о том, что в письменном языке XV—XVI вв. русские люди могли называться не только христианскими именами, но и русскими. Но являются ли эти имена личными именами или прозвищами, на этот вопрос такие наименования не отвечают.

§ 9. Не представляется убедительным и второе соображение Н. М. Тупикова. Во всяком случае достоверных

подтверждений это соображение в приводимых ниже примерах не получает. Ни в одном из них нет указания на то, что представленное здесь русское имя является личным. В наибольшей степени на это могли бы указывать примеры, в которых перед русскими именами поставлено слово «имя»: «бѣ имя ему Чернь», «на имя Грошъ», и подобные. Остановимся на этих примерах. Следует обратить внимание прежде всего на то, что примеры эти — неодинакового значения: одни из них относятся к раннему периоду русской истории (XI в.), другие же — к сравнительно позднему (XVI—XVII вв.). О первых следует сказать следующее: весьма возможно, что слово «имя» в них употреблено и в значении «личное имя», так как представления о русских именах как об именах личных в XI—XII вв. были еще живыми, особенно среди трудового народа. Но весьма возможно, что слово «имя» употреблено здесь и в широком значении — «название вообще», так как в среде господствующего класса в эту эпоху различия между русскими и христианскими именами осознавались. На это указывают такие наименования, встречающиеся в памятниках письменности, как, например: «въ крыщении Иосиф, а мирьскы Остромиръ», 1056 г.; «князь Феодор, а мирьскы Мьстиславъ», 1125 г. Иногда указывалось на «русское» или «княжее» имя: «нареченный въ крещении Василий, Русьскым именемъ Владимиръ», 1096 г.; или: «Родися у Ярослава сынъ Михаилъ, а княже имя Изяславъ», 1190 г. (см. другие примеры: Туп., стр. 62). Выделялись русские имена и с помощью других слов: «прирокъ», «прозвание» — «Ефросѣнья, и прозваниемъ Изморагд», 1198 г. (стр. 85), «Микифоръ прирокомъ Станило», 1223 г. (стр. 62).

В примерах второй группы, взятых из памятников южной и западной письменности и относящихся к XVI—XVII вв., слово «имя» употребляется безусловно не в значении «личное имя», а в значении «имя, именование вообще». На это указывают такие случаи употребления слова «имя» в «Старинных описях Литовской метрики» (XVI в.):

«Жалоба чоловека гдръского Волъковыского сторожа Рд҃ȣницъкого, на ꙇмꙗ Ѳедора Кȣнъцевича Дꙗгина» (Лет. арх. ком., стр. 12), где форма «на имя» относится не к одному личному имени, а ко всему наименованию в целом. Слово «имя» может относиться и сразу к двум или несколь-

ким наименованиям: «на̂ ма на Павла Турика, Ивана Коитовъского, а на Павла Лощина» (стр. 14); «...Намесниковъ Луцькихъ имена кнз Борыс Васиеви Гѹубкинъ..., а другы намесникъ Иванъ Петровичъ...» (там же, стр. 37). Форма «на имя» могла находиться и не перед личным именем, а перед другими формами наименований: «на люде двухъ у Пинскомъ повете, на ма Боландичовъ» (там же, стр. 106). В том же значении слово «имя» употреблялось в топонимических названиях, срвн.: «... въ ѡзере, на ма у Вирове...», «... село въ Киевскомъ повете, на ма Соколовичи...» (стр. 33 и 106).

Что касается примеров, в которых русским именам предшествуют слова «нарицаемый», «звали», «зовут», «называемый», то не представляется ясным, почему эти слова являются «прямым указанием» на личное имя. С этим утверждением не согласуется прежде всего материал, приводимый самим Н. М. Тупиковым. Например, в наименовании «Акатьевичъ, нарицаемый Валуй», слово «Валуй» могло и не быть личным именем, так как бесспорным личным именем этого человека было Тимофей, как показывает именование, приведенное в скобках («Тимофей Волуй»). В другом примере: «Пономарь, Огурцомъ зовутъ», слово «Огурец»— прозвище, об этом прямо сказано в полном наименовании того же человека — «Ѳедотъ Офонасьевъ сынъ, прозвище Огурецъ», 1591 г. (дано в скобках). Следовательно, слово «зовут» употребляли и при прозвищах.

Слово «звать» сочеталось со словом «прозвище» и в топонимике. Срвн.: «... какъ тотъ лугъ зовутъ прозвищемъ? И Якушъ сказалъ: прозвища, государь, тому лугу нѣть...» (Ак. Калач., т. I, стр. 231).

Таким образом, слово «звать» отнюдь не указывает на то, что находящееся при нем наименование человека обязательно является личным именем.

§ 10. Не представляется убедительным и третье соображение, приводимое Н. М. Тупиковым.

Оно, как было указано выше, состоит в том, что члены одной семьи, например родные братья, могли называться по-разному: «Одни из них ... только христианским, а дру-

гие только русским именем» (стр. 67). Дело в том, что в наименованиях подобного рода русские имена могли иметь значение не личных имен, а прозвищ, подобно тому, как такое же значение они могли иметь и при самостоятельном употреблении (см. § 8). Следовательно, такие наименования, как: «Хвороща и с братом Иваном», могли представлять собой прозвище и идущее за ним личное имя. Весьма возможно, что подобные наименования возникали в связи с тем, что члены одной семьи носили одинаковые христианские имена. Такие случаи, как известно, бывали нередко. Напр., в Казанских писцовых книгах упоминается о трех братьях, называвшихся Иванами. В одной из «Родословных книг» (начало XVII в.) читаем: «Князь Костянтинъ Юрьевичъ Ѳоминской; а у него три сына, и вси Ѳедоры, а прозвища имъ были: большому Красной, а среднему Слѣпой, а третьему Меншой» (Врем., X, стр. 106).

Что касается четвертого, беглого, указания Н. М. Тупикова на то, «что от русских имен образуются отчества, как и от христианских», то это указание могло бы свидетельствовать о том, что «русские имена до XVII в. включительно употреблялись подобно христианским в значении личных» только в том случае, если бы среди так называемых отчеств не существовало разных видов, а между тем отчества, как мы покажем это в другой главе, были разные.

Пятое соображение Н. М. Тупикова также не может свидетельствовать о том, что русские имена до XVII в. включительно имели значение личных имен. В качестве примера автор приводит данные из синодика Ивана Грозного. Между тем нельзя не учитывать те исторические факты, с которыми была связана запись усопших в этот синодик. Эта запись была произведена по приказу царя, который сам личных христианских имен усопших мог и не знать. Вот какое примечательное вступление предпосылается этой записи усопших в Нижегородском синодике XVI века: «Сих опалных людей поминати по грамотѣ царевѣ, и понахиды по нихъ пѣти, а которые в семъ сенаники, не имены писаны прозвищи или в которомъ мѣсте писано 10 или 20 или 50, ино 17 бы тѣх поминали Ты Господи самъ вѣси имена ихъ» [1].

[1] «Материалы по истории Нижегородского края. Синодик нижегородского Печерского монастыря 1552 года», под ред. Н. И. Левитского, в кн. «Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Сборник», т. XV, вып. I, Н.-Новгород, 1913, стр. 27, второй пагин,

Из этой приписки, относящейся к XVI веку, ясно видно, что те русские имена, которые встречаются в синодике Ивана Грозного и которые, по мнению Н. М. Тупикова, являются личными именами, для современников этой записи были «не имены», а «прозвищи».

Мы рассмотрели все соображения Н. М. Тупикова. Выяснилось, что ни одно из этих соображений не является состоятельным. А вместе с тем оказывается также, что вопрос об отношениях между русскими и христианскими именами в XV—XVII вв. русской истории продолжает оставаться открытым.

§ 11. В памятниках письменности есть такие данные, на основании которых можно было бы ответить на вопрос, в каких отношениях находились русские и греческие (христианские) имена в русском языке XV—XVII вв. Одни из них очень хорошо были известны и Н. М. Тупикову, другие же этим исследователем учтены не были.

Для правильного ответа на поставленный выше вопрос необходимо принять во внимание прежде всего обстоятельство, которое хорошо известно было и Н. М. Тупикову, что «начиная с XV в., мы встречаем ряд примеров, где русское имя, употребленное при христианском, прямо называется прозвищем, т. е. грамотеи не хотят признавать эти слова именами.

1436. Князь Литовскій Иванъ, а прозвище ему Баба...

1507. Отрохимъ Семеновичъ, прозвище Курвель...

1552. Иванецъ с Луцка, Кошель прозваніемъ...» (Туп., стр. 68).

В труде Н. М. Тупикова приводится далее, в тексте и в сноске, более ста таких примеров. В памятниках письменности они, действительно, встречаются нередко. Вот еще несколько таких примеров: «Филка, прозвище Утка», 1544 г. (Зап. кн., стр. 37); «Иван, прозвищо Первой, Ондрѣевъ сынъ», 1595 г. (Новг. каб. кн., стр. 20); «Алексѣй, прозвище Будила, Семеновъ сынъ» (там же, 20).

В памятниках письменности представлены, правда гораздо реже, и такие наименования, в которых греческое и русское имя расположены в ином порядке, а именно: русское имя находится в начале наименования, а греческое имя следует за ним. В таких случаях перед русским именем не ставится слово «прозвище», а перед греческим именем, как правило, употребляется слово «имя». Например:

«Латышъ Матца, а по крещенью имя ему Левка», 1591 г. (Зап. кн., стр. 143); «а выдана де она замуж за стариннової человѣка за Малыша, а имя ему Волотка», XVI в. (там же, 62); «Да Улиткинъ сынъ Кайбалъ от нихъ збежалъ, а имя ему Гришка», XVI в. (там же, 197); «а женат Оѳонка на Овдотьи на Жирове дочери, имя Онкудинъ», XVI в. (там же, 212).

§ 12. Приведенный в предыдущем параграфе материал ясно указывает, что в XVI—XVII вв. в русском языке различалось два вида имен: имена в собственном смысле, т. е. личные имена и имена-прозвища.

Об этом отличии имен от прозвищ в XVI и XVII вв. свидетельствуют и факты другого рода. В одном из судебных дел 1649 г. читаем: «И истец Данилко сказал: ... а как де прозвище в кабале написано, и он де про то не ведает, что грамоте не умеет, а *имени* де и *прозвища* он себе не переменивал» (Яковлев, стр. 518). Из этой цитаты видно, что в середине XVII в. имена противопоставлялись прозвищам, и различение это сознавалось не только писцами различного рода документов, но и *носителями* соответствующих имен и прозвищ.

Различение имен и прозвищ нашло свое отражение, между прочим, в особых формулах наименований, употреблявшихся в официальной письменности, напр.: «велѣли переписати дворы и во дворехъ крестьянъ, по имяномъ, съ прозвищи», 1610 г. (Самокв., II, 121); или: «и салдатъ отпускныхъ и бѣглыхъ, старых и даточныхъ... велѣлъ переписать имяны, съ отцы и съ прозвищи», 1668 г. (там же, 287).

Количество подобных цитаций можно было бы легко увеличить, однако не видим в этом необходимости. И из приведенных цитат ясно видно, что в XVI и XVII вв. функцию личных имен в обществе выполняли имена христианские, русские же имена употреблялись в значении прозвищ и назывались словом «прозвище».

§ 13. Случаи употребления слова «прозвище» перед русскими именами, как уже было сказано, очень хорошо были известны и Н. М. Тупикову. Под влиянием этих фактов он внес существенную поправку в свое первое заключение, приведенное нами выше.

Хотя необходимость быть последовательным заставила Н. М. Тупикова повторить свой первый вывод («русские

имена до XVII века включительно имели одно значение личных имен, как и христианские»), однако далее, вступая в противоречие с этим выводом, он вынужден заявить, что по крайней мере «иногда русские имена имели значение прозвищ». Правильно ли, что русские имена имели значение прозвищ только «иногда»? Полагаем, что это неправильно. Неправильно потому, что слово «прозвище» перед русскими именами употреблялось вовсе не «иногда», а довольно часто. Во-вторых, памятники письменности, например Нижегородский синодик, показывают, что отсутствие слова «прозвище» перед русскими именами не может служить доказательством того, что соответствующие имена были личными именами. Наконец, в-третьих, и это самое главное, Н. М. Тупиков не обратил внимания на то, что в именованиях, состоящих из греческого и русского имени, отношения между указанными именами определялись не столько при помощи постановки перед русским именем слова «прозвище», сколько расположением имен в составе наименования. Расположение указанных имен в составе наименований не было произвольным. Оно подчинялось определенному правилу, а именно: греческое имя стоит всегда на первом месте, а русское имя или следует за ним, или стоит после отчества (в конце наименования).

При описании наименований, в которых перед русскими именами стоит слово «прозвище», мы уже обратили внимание на указанный выше порядок расположения имен. Но эта закономерность наблюдается и в именованиях, в которых перед русскими именами слово «прозвище» не употреблено. Примеры подобного рода представлены в огромном количестве не только в памятниках письменности XVI—XVII вв., но и в памятниках письменности XV века. Ниже мы ограничимся приведением лишь некоторых примеров из памятников XV и XVI вв.

XV век. Из «Актов социально-экономической истории северо-восточной Руси», том I; «Кли[м] Молотило», 1392—1427 гг. (стр. 32), «Иван Сватко», 1392—1427 гг. (стр. 32), «Федор Беклемиш», 1410—1427 гг. (стр. 36), «Яковъ Копыто», 1410—1427 гг. (стр. 37), «Дмитрока Щека», 1410—1427 гг. (стр. 37), «Иван Репех», 1410—1427 гг. (стр. 38), «Иван Арбуз», 1410—1427 гг. (стр. 40) и много других.

XVI век. Из «Книги ключей и денежных оброков» (1547—1561 гг.): «Мите Безстужему» (стр. 56), «Иван Бе-

логлаз» (стр. 24), «Васюку Бородке» (стр. 54), «Васка Бык» (стр. 24), «Федару Вихляю» (стр. 23), «Титу Горбатому» (стр. 54), «Грише Горбуну» (стр. 61), «Ивану Дьяку» (стр. 65), «Иванку Заглодышу» (стр. 13, 19, 25), «Сеньке Кривому» (стр. 32, 38, 50, 68), «Илейке Кудрявому» (стр. 33), «Федор Курышка», (стр. 53, 57), «Кузьме Каменому» (стр. 79), «Фомке Кувале» (стр. 64), «Паньке Лодышке (Лодыжке)» (стр. 34, 39), «Митя Ленко» (стр. 24, 39 и др.), «Гаврилу Медведю» (стр. 14 и др.), «Федько Репа» (стр. 70), «Афоньке Свинке (Офоньке Свиньке)» (стр. 19, 35 и др.) и много других.

Таким же образом обстояло дело и с наименованиями женщин. Срвн.: «на его жену Анницу Кокору», 1580 (Зап. кн., стр. 16), «да на его жену Анницу Нѣмку», 1581 г. (там же, стр. 47), «да его жену Огаѳьицу Чернаву», 1541 г. (там же, 21).

Случаи нарушения фиксируемой приведенными примерами структуры наименования встречаются редко. В указанных выше документах XV в. нам встретился только один случай употребления греческого имени после русского: «Загреба Тараско», 1498 г. (Ак. феод. земл., стр. 111). Но и этот случай представляет собой явную описку, так как в других местах того же документа это лицо называется: «Тараско Загреба», «Тараску Загребе» (там же), «с Тараском Загребою» (стр. 108).

Отметим, что и в других памятниках такое расположение имен встречается как исключение. Например, в Казанских писцовых книгах XV и XVI вв., при обычном расположении русских имен после христианских, встретилось нам только три случая, когда русское имя находится в начале наименования перед именем греческим.

Итак, наименования людей, состоявшие из греческих и русских имен, в XV в. имели определенную и устойчивую структуру: греческие имена занимали в них всегда первое место, а русские — второе или третье место. Такое распределение имен было обусловлено их значением в языке и в составе наименования.

Расположение греческих имен на первом месте, а также то, что перед ними ставилось слово «имя», если они оказывались на втором месте, свидетельствует о том, что греческие имена в XV—XVIII вв. имели значение личных имен, т. е. имен, признанных официально и обязательных для всех русских людей того времени. Расположение русских имен после греческих, как и то, что перед ними не-

редко ставилось слово «прозвище», свидетельствует о том, что в указанное время они не имели уже значения личных имен, а имели значение имен-прозвищ, т. е. имен второстепенных (бытовых), в употреблении не обязательных. Слово «прозвище» ставилось перед ними не всегда потому, что в нем не было необходимости: взаимные отношения между именами достаточно точно определялись их расположением в составе наименования. Поэтому в объяснении нуждается не тот факт, что слово «прозвище» ставилось перед русскими именами не всегда, а то, почему оно, и при этом нередко, все-таки ставилось. Следовательно, в русском языке XV—XVII вв. в наименованиях, состоявших из греческих и русских имен, первые всегда были именами личными, а вторые всегда были прозвищами. Описанные отношения между личными именами и прозвищами продолжали сохраняться и после XVII в.; они продолжают сохраняться и в диалектной речи нашего времени, ср., например; Ванька Голос, Ванька Чевря, Васенка Шевеленок, Васька Купало, Ваня Челночек, Анка Грязнуха и многие другие[1].

§ 14. В связи с выводами, сделанными в конце предшествующего параграфа, возникает вопрос о том, имеют ли они силу и для других видов наименований, т. е. значение общих выводов об отношениях русских имен к греческим в XV—XVII вв., или они имеют значение только для рассмотренных выше наименований. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть соответствующий материал.

В памятниках письменности встречаются, хотя и не часто, наименования, в которых на первом и на втором месте стоят русские имена; перед вторым из них может быть поставлено слово «прозвище». Ряд таких примеров имеется в труде Н. М. Тупикова (стр. 74 и 75): «Упирь Лихый», 1047 г.; «Добрыня Долгой», 1177 г., «Корманъ Постникъ», 1343 г., «Язык Мошна», 1427 г.; «Тонкой Скоморохъ», 1539 г.; «Злобка Софоновъ с. Чормной», 1530 г.; «Дубинка Строчекъ», 1557 г.; «Субота Осетр», 1572 г.; «Нечай Рябъ», 1598 г.; «Дружинко Тумакъ», 1601 г.; «Шумило Швецъ», 1609 г.; «Баженъ Кулакъ», 1613 г.; «Второй Семеновъ сынъ,

[1] С. А. Копорский, О говоре севера Пошехоно-Володарского уезда Ярославской губернии. Труды Ярославского педагогического института, том II, вып. 3-й, Ярославль, 1929, стр. 175—176.

а прозвищемъ Холопъ», 1613 г.; «Неупокой Карга», 1614 г.; «Второй Кубанецъ», 1625 г. и др.

Вот еще несколько дополнительных примеров из памятников XVI в. Из «Записной книги»: «Правилко прозвищо Палица» (стр. 21), «Третьякъ прозвище Козелъ» (стр. 190); из «Книги ключей»: «Быку Зубатому» (стр. 77), «Горемыке Старому» (стр. 78).

Происхождение наименований с двумя нехристианскими именами различное. В одних случаях прозвищное имя наслаивается на имя нерусского (но и негреческого) происхождения: Сентюря Ситник, Шемет Безногой, Мурза Черной. Так как нерусские имена в системе русских личных имен осознавались как прозвища, то здесь перед нами одно прозвище как бы наслаивалось на второе.

Часто, что отметил уже Н. М. Тупиков, русское имя идет после числительных: Шестой Щека, Пятой Моромец, Второй Кубанецъ, Первой Мефедья сын Ершъ, Третьячко Шило, Первуша Черепанъ, Вторко Теленок и др.

Русское имя стоит после русских имен, часто повторявшихся в семье или коллективе: Истома Бусла, Истомка Мороз, Истома Мижуй, Истома Нешара и т. п.

По образцу именований христианское имя + русское: Иван, прозвище Боран, возникли и наименования: Истома, прозвище Бусла. Для правильного понимания этих наименований важно обратить внимание на их структуру, на значение вторых русских имен в таких наименованиях. Одни из них представляли собой сочетания имен существительных с прилагательными: Негодяй Черьмной, Ермак Молодой, Горемыка Старой, Третьяк Малой, Дягиль Молодой, Томилко Слѣпой и др. Как правильно заметил Н. М. Тупиков, такие вторые русские имена «указывают на происхождение известного лица, род его занятий, черту характера и т. д.», т. е. они, следовательно, всегда конкретнее предшествующих им русских имен, срвн.: Треня Ус, Вторко Теленок, Дружинко Тумак, Бажен Кулак и подобные, или они являются определениями к ним, см. предшествующие примеры, а также: Упырь Лихой, Добрыня Долгой, Тропка Малой и подобные.

Вторые имена, будучи определениями к предшествующим именам, являются едиными в своем целом и могут быть рассматриваемы как простые имена.

Другую группу составляют наименования, состоящие из двух имен существительных или субстантивированных

родовых слов и существительных. Вероятно и среди этих наименований имелись такие, в которых второе имя относилось к первому как определение, однако среди этих именований, несомненно, были и такие, в которых указанных отношений не существовало. Поэтому мы не будем разграничивать эти две группы наименований.

Не являются ли первые русские имена во всех этих примерах личными именами? Полагаем, что нет. Полагаем на том основании, что все эти первые русские имена в положении после греческих имен могли употребляться в значении прозвищ. Ср., например, приведенное выше наименование: «Тонкой скоморох» и наименование — «Карпик прозвище Тонкой, Ѳедосѣевъ сынъ», XVI в. (Зап. кн., стр. 58). Или: «Первуша Черепан» и «Осташко, прозвище Первушка, Сенкинъ сынъ», XVI в. (там же, стр. 57); «Истомка Мороз» и «Онисим, а прозвище Истома Негодяевъ сынъ», 1603 г. (Новг. каб. кн., ч. II, стр. 96); «Третьячко Шило» и «Терентей Ондриев сын, прозвеще Третьяк» (там же, стр. 28); «Дружинко Тумакъ» и «Овдоким Васильев сынъ, а прозвище Дружинка» (там же. 344), «Томилко Слѣпой» и «Спирко Иванов сын, прозвище Томилка» (там же, стр. 321).

Кроме того, приходится иметь в виду, что носители приведенных выше наименований из двух русских имен имели еще и греческие имена. В труде Н. М. Тупикова, например, находим: «Василій Копылъ Спячей», 1515 г. (стр. 74); «Дмитрій Чубаръ Зварыка», 1476 г. (там же); «Иванъ Свѣтило Рыжко», 1609 г. (там же). И другие носители рассматриваемых наименований имели греческие имена, так как невозможно допустить, чтобы в XVI—XVII вв. кто-нибудь из русских не получил греческого имени при крещении. Эти имена, полученные русскими людьми при крещении, только и могли быть их личными именами.

Таким образом, первые имена в таких наименованиях, как «Третьячко Шило», могли быть только прозвищами по отношению к христианским греческим именам соответствующих лиц. Вторые русские имена этих наименований были вторыми прозвищами этих лиц (по отношению к предшествующим им русским именам). Функция этих вторых прозвищ в именованиях, состоявших из двух русских имен, была такой же, как и функция прозвищ при христианских именах: в именовании «Иван... прозвище «Ждан» (Новг. каб. кн., ч. I, стр. 146) слово «Ждан» выделяло

именуемое лицо из числа «Ива́нов». Точно так же в наименовании «Третьячко Шило» прозвище «Шило» выделяло именуемое лицо из числа «Третьяков». В наименованиях, состоявших из двух русских имен, первые часто бывают отвлеченного значения, например *Первой*, *Второй*, *Третей* и под., или же они представляют собой наиболее употребительные русские имена, вроде: *Ждан*, *Бажен*, *Томило*, *Истома*, *Злоба* и подобные. Наоборот, вторые имена имели обычно конкретное значение, срвн.: Треня Ус, Вторко Теленок, Бажен Кулак и другие, и служили, следовательно, дополнительным средством для выделения именуемого из состава коллектива или лиц с одинаковыми русскими именами.

Итак, наличие в памятниках письменности XV—XVII вв. именований, состоявших из двух русских имен, не свидетельствует о том, что в указанное время русские имена могли быть личными именами.

§ 16. В памятниках письменности XV —XVII вв. часто встречаются наименования, состоящие из одного греческого или одного русского имени:

1. «Порука по нем Володя», «порука по нем брат его Ермола», «Нестерику да Сеньке подчашником», «Митьке Лужникову пол 13 алтын», «Митьке Михалеву сыну 12 алтын» и др. (Кн. ключ., стр. 13).

2. «Бабке дал истобнику» (там же, стр. 15); «порука Белоглаз» (там же, стр. 14); «Берсеню» (там же, стр. 17, 21, 28); «Бурку дал полтину» (там же, стр. 14); «Как было за Верещагою» (там же, стр. 16); «Горемыке... с выти по 2 алтына» (там же, стр. 16) и др.

Значение греческих имен в первой из этих групп примеров не может вызывать сомнений: это личные имена. Примеры второй группы, как уже было выяснено выше (см. § 13), представляют собой наименования по прозвищу.

Подведем итоги. Рассмотрение различных случаев употребления русских и греческих имен в памятниках XV—XVII вв. приводит к заключению, что те выводы об отношениях русских имен к греческим, которые были сделаны в § 8 применительно к наименованиям, состоящим из русских и греческих имен, в действительности имеют общее значение: они относятся ко всем видам наименований, употреблявшимся в указанное время. Следовательно, *все*

русские имена (за исключением, разумеется, тех, которые попали в святцы) *имели в XV—XVII вв. значение прозвищ*, а *все греческие имена*, за исключением тех случаев, когда они шли после греческих же имен, *имели значение личных имен.*

§ 17. В памятниках письменности XV—XVII вв. представлены и такие данные, которые свидетельствуют о том, что к указанному времени русские имена не только изменились в прозвища, но уже и развивались как прозвища. Это нашло свое отражение в том, что русские имена в составе наименования могли находиться не только на втором месте, т. е. следовать непосредственно после имен греческих, но и на третьем месте — после отчества или в конце наименования. Приведем несколько примеров таких наименований из Новгородских кабальных книг XVI в. (ч. I): «Писана служивая кабала ... на Онтонка на Игнатьева сына, а прозвище Жданко», 1593 г. (стр. 150), «Илья Титовъ сынъ, прозвище Косикъ», 1593 г. (стр. 190); «на Олександра на Ѳедорова сына, а прозвище Крикъ», 1593 г. (стр. 153); «Гаврило Ивановъ сынъ, прозвище Попокъ», 1593 г. (стр. 189); «Сергей Никитинъ сынъ, прозвище Скорко», 1593 г. (стр. 187); Ѳирсъ Ермолинъ сынъ, прозвище Русакъ», 1595 г. (стр. 120); «Гаврилка Михайлова сына, прозвище Томилка», 1596 г. (стр. 29) и т. п.

По этому образцу могли строиться и женские наименования: «Даная на женку Овдотьицу Семенову дочь, прозвище Нешеру, да и на дѣвку Домницу Яковлеву дочь, прозвище Собину», 1575 г. (Зап. кн., стр. 24—25); «съ Овдотьицею съ Матѳеевою дочерью, а прозвище з Голубою», 1595 г. (Нов. каб. кн., ч. I, стр. 144); «Марьица Онисимова дочь, прозвище Бѣлка», XVI в. (Зап. кн., стр. 193).

Употребление слова «прозвище» было не обязательно и в этого вида наименованиях. Вот несколько таких примеров:

X V в е к. Из «Актов феодального землевладения»: «Григорей Яковль сын Измайлова Ярец», 1456 г. (стр. 107); «Григорей Микулич Соболь», 1461—1464 гг. (стр. 208); «у Ивана у Федоровича у Судока», ранее 1473 г. (стр. 253); «Иван Терентьев Рагоза», 1473—1489 гг. (стр. 83).

X V I в е к. Из «Книги ключей»: «Проньке Олферову сыну Жельне», 1548 г. (стр 19); «Иванку Омельянову Трегубу», 1550 г. (стр. 32); «Гаврилу Карпову, сыну Медведю»,

1553 г. (стр. 48); «Грише Кузьмину сыну Горбуну», 1556 г. (стр. 58); «Василию Никитину сыну Жеребяте», 1556 г. (стр. 57); «Семену Савельеву сыну Кривому», 1556 г. (стр. 58); «Ивану Карпову сыну Крохе», 1556 г. (стр. 57); «Ивашке Горогову Сопле», 1556 г. (стр. 63) и многие другие. В памятниках письменности XVI—XVII вв. такие наименования могут быть найдены в неограниченном количестве.

Итак, прозвище могло находиться в наименовании не только на втором, но и на третьем месте. Какого рода тенденции в развитии прозвищ отражаются в этих фактах словорасположения? Выше было уже указано, что основному значению прозвищ — значению второстепенного и необязательного личного имени — соответствовало расположение прозвищ в наименовании на втором месте, т. е. после личных имен. Новые возможности для развития значения прозвищ заключались в расположении прозвищ на третьем месте или в конце наименования. В указанном положении прозвища могли утрачивать значение второстепенных личных имен и приближаться по своему значению к родовым прозваниям, за которыми это место в наименовании в конце концов и было закреплено обычаем.

§ 18. В заключение остановимся еще на двух выводах Н. М. Тупикова, приведенных нами выше, но оставшихся не рассмотренными. Указав, что «русские имена иногда переходили в прозвища», Н. М. Тупиков пишет: «Какие имена и когда переходили в прозвище, решить невозможно». Данные, приведенные выше, позволяют предложить более определенные ответы на эти вопросы.

Какие имена переходили в прозвища? Первоначально, после принятия христианства, в прозвища переходили русские имена, и не по отдельности, как думает Н. М. Тупиков, а все, какие были в употреблении. Процесс изменения русских имен в прозвища мог позднее распространиться и на некоторые греческие имена.

Когда происходили изменения русских имен в прозвища? Исходным моментом этих изменений было введение христианства и греческих имен. В XV в. русские имена употреблялись уже как прозвища. Но весьма возможно, что процесс этот закончился и раньше. Выяснить это можно будет лишь при помощи специального исследования употребления греческих и русских имен с X по XIV в. вклю-

чительно. Такого исследования пока не произведено. Не следует, однако, представлять себе дело так, что вопрос об изменении русских имен в прозвища может быть сведен к вопросу о какой-либо дате. Хотя русские имена изменялись в прозвища все и изменения эти начались с одного времени, однако процесс этот протекал в различных слоях русского общества не одновременно. В среде господствующего класса эпохи феодализма процесс этот протекал быстрее, нежели в среде масс трудового народа. По данным Н. М. Тупикова, уже с конца XIII в. «исчезает обычай именовать князей двумя именами» (стр. 63). С указанного времени князья именуются только греческими именами. В «Тысячной книге» времени Ивана Грозного (1555 г.) бояре именуются только греческими именами. Однако еще и в XVII в. у царя Алексея Михайловича был боярин Богдан Матвеевич Хитрово, настоящее имя которого — Иов — стало известно лишь после его смерти.

Что касается заключительной части выводов Н. М. Тупикова, в которой говорится, что «признание русского имени равноправным с христианским или же имеющим значение только прозвища зависело от воли отдельных лиц, носивших это имя или писавших документ, куда заносился владелец имени», то она основана на недоразумении, на неправильном истолковании таких наименований одного и того же лица, как, например, «Иван Катунин, а прозвище Смиряй» и «Смиряй Гордеев сын Катунин». Выше было выяснено, что наименование того или иного лица по одному прозвищу вовсе не делало это прозвище личным именем. Личным именем вышеупомянутого Ивана Катунина не переставало быть имя «Иван» и тогда, когда его называли просто «Смиряем». В воле именуемого было назвать себя только греческим или только русским именем, точно так же, как в воле писца было (до известной степени) назвать на бумаге то или иное лицо греческим или русским именем, однако и тот и другой были бессильны сделать то или иное русское или греческое имя личным именем или прозвищем. Личное имя и прозвище существовали не только на бумаге. Они представляли собой факты лингвистические, а кроме того, и культурно-исторические. Принятие греческих имен в качестве личных и изменение русских имен в прозвища были обусловлены закономерностями русского исторического процесса, а не волею отдельных лиц.

ГЛАВА III

ПРОЗВИЩА

1. О СРАВНИТЕЛЬНОЙ ДРЕВНОСТИ ПРОЗВИЩ

§ 19. В ходе предшествующих наблюдений и рассуждений нами было установлено, что в XV—XVI вв. в русском обществе того времени имена личные и имена прозвищные различались. Эти различия нашли отражение в письменности. Для обозначения одного вида наименований входит в употребление специальное слово «прозвище». Если то или иное лицо называется двумя именами, то прозвищное имя обычно ставится на втором месте. Из этого следует, что к XV—XVI вв. древнерусские личные имена, т. е. те имена, которые сложились в эпоху, предшествовавшую введению христианства, подверглись существенным изменениям: в указанное время они были уже не именами, а прозвищами. Следовательно, «Словарь древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тупикова в действительности является словарем «древнерусских прозвищ», по крайней мере те примеры этого собрания, которые относятся к XV в. и позднее. В связи с этим и возникает вопрос о том, что же представляли собой древнерусские, т. е. дохристианские восточнославянские имена,— проблема, представляющая не только лингвистический, но и большой культурно-исторический интерес.

Какие данные имеются в руках исследователя для ответа на этот вопрос? Поскольку древнерусские имена к XV—XVI вв. изменились в прозвища, то изучение прозвищ указанного времени и позднейшего может дать в руки исследователя данные для ответа на поставленный выше вопрос. Для этого нужно только суметь установить, какие из прозвищ XV—XVI вв. восходят к древнерусским именам и какие из этих прозвищ появились как прозвища.

Полагаем, что прозвища, возникавшие не из прежних, дохристианских собственных имен, стали появляться в ту пору, когда древнерусские имена уже были осознаны как прозвища. Прозвища, появлявшиеся как прозвища, возникали на указанной основе. Они представляли собой развитие тех функций, которые приняли на себя древнерусские имена, став прозвищами.

§ 20. Для определения сравнительной древности прозвищ XV—XVII вв., т.е. для выяснения вопроса о том, которые из этих прозвищ восходят к русским именам дохристианской эпохи, важное значение имеет рассмотрение значения основ, от которых образовывались прозвища XV—XVII вв. Классификацию «личных имен и прозвищ, от которых образованы затем фамилии», находим в незаконченном труде А. М. Селищева: «Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ»[1].

А. М. Селищев намечает («в качестве примеров») следующую группировку личных имен и прозвищ по значению основы:

1) Обстоятельства появления нового члена семьи (найден, подкинут, взят у других), выражение ожидания и неожиданности появления нового члена, чувство родителей: Найден, Проданец, Бажен, Любим, Милюта.

2) Профилактика: Бессон, Бессмертной, Бесчастной, Горе, Мертвой, Неудача и др.

3) Семейные отношения: Порядок и время рождения — Первой, Второй, Третий... Малюта, Меньшик, Поздей, Внук, Дед и др.

4) Внешний вид, физические недостатки: Безбородой, Беззуб, Безнос, Беляна, Большой, Брюхан, Сухой, Шадра.

5) Свойства: Балуй, Баламут, Бирюк, Буй, Брыкун, Булгак, Бурнаш и др.

6) Социальное и экономическое положение: Селянин, Холоп, Бобыль, Гольтепа.

7) Профессия, занятия, должность: Гончар, Дегтярь, Дьяк, Кожевник, Коновал...

8) Пришельцы, место происхождения: Несвой, Ненаш, Инозем, Казанец, Салмозерец, Серпуховитин.

9) Церковные отношения и элементы: Аминь, Богомаз, Богомол, Игумен, Грех, Келарь.

10) Насмешливые клички: Беспортошник, Болван, Дурак, Олух, Поганый поп.

11) Животные: Баран, Вол, Волк, Лиса, Лось.

12) Птицы: Беркут, Воробей, Ворона.

13) Насекомые: Блоха, Гнида, Жук.

14) Рыба: Ерш, Лещ, Окунь.

15) Растения: Арбуз, Береза, Горох, Дуб.

16) Пища: Бардук, Блин, Борщ, Оладья.

---

[1] «Ученые записки МГУ», вып. 128, М., 1948.

17) Имена и прозвища по разным предметам: Алмаз, Атлас, Базар, Бардак (стакан), Бархат, Роспута.

18) Татарские имена.

19) Имя народа: Варяжко, Гречанин, Казарин, Немчин.

§ 21. Уже из этой группировки, автор которой отнюдь не претендовал на полноту, видно, что древнерусские имена в собрании Тупикова, т. е. до XVII в., были разной давности и разного происхождения.

В нем должны быть выделены прежде всего имена неславянского происхождения: сюда относится группа татарских имен, большая часть имен — «названий народов».

За имена собственные принимаются иногда слова, которые именами собственными не являются. Это относится к образованиям от названий стран, городов, а также названиям профессий. Особенно часто с указанными погрешностями имеем дело в «Указателях имен», но не только у Тупикова.

Не могут считаться исконными русскими личными именами прозвища, восходящие к названиям народов: Чудин, Черемисин, Казарин, Татарин и т. д. Без объяснений понятно, что такие прозвища восходят к словам, указывающим первоначально на народность именуемого. Например, в наименовании «Чудин» в русских летописях (под 1068 г., 1072 г., 1078 г.) историки видят не просто название человека, но и указание на его происхождение: «При киевских князьях дружинниками служили выходцы из чуди (разрядка моя.— *В. Ч.*) — таков Микула Чудин. Он — современник сыновей Ярослава Мудрого... Брат Микулы-Тукы («Тукы братъ Чудинь», под 1068 г.— *В. Ч.*) был в дружине князя Изяслава в дни киевского восстания 1068 г...»[1]. Слово «Чудин» очень часто встречается при других именах в Новгородских писцовых книгах XV—XVI вв. (см. Туп., стр. 487).

Вряд ли может быть сомнение в том, что во многих из этих случаев, в особенности, когда это слово идет за именами нерусскими, оно обозначает всего-навсего указание на происхождение именуемого: Игамас Чудин, крестьянин, 1500 г.; Вишуй Чудин, крестьянин, 1500 г. Но и в таких именованиях, как Ивашко Чудин, крестьянин, 1495 г.,

---

[1] См. «Очерки истории СССР. Период феодализма», ч. I, изд. АН СССР, М., 1953, стр. 689.

Игнатко Чудин, Яшко Чудин, крестьяне, 1500 г. и подобные, слово «Чудин» могло, по крайней мере первоначально, указывать лишь на народность именуемого. Понятно, что в таких именованиях, когда лицо называется одним словом «Чудин» (ѿ князя Василия се стоялъ «Чюдине), до 1250 г.[1]; или в таких именованиях, как «Чюдин Митрофанов, дьяк Московский», 1514 г., «Чудин и Шеремет Чертовы, вотчинники костромские», слово «Чудин» воспринимается как личное имя. Тем более это относится к уменьшительным образованиям:«Чюдинко Михайлов, 1606 г.», «Чудинко Ременников, 1609 г.»; «Чюдинко Микитинъ, 1622 г.».

Не следует, однако, думать, что названия по имени какого-либо народа всегда и непременно указывают на происхождение данного лица из этого народа. Такие имена могли и не соответствовать действительному происхождению именуемого. Например, именем «Колмак» мог называться не обязательно человек калмыцкого происхождения. Так назывался, например, правнук Владимира Даниловича Красного Скабди — боярина Дмитрия Ивановича Донского. У его внука Ивана был сын Колмак. Его родные братья носили имена: Василей, Ондрей, Остафей, Семен, Федор, Василей Мень (Родосл., стр. 120); в другой редакции: Федор Колмак (там же, стр. 189).

Точно так же именем Козарин-Казарин могли называть лицо не хозарского происхождения. Так назывался, например, потомок в седьмом колене князя Редеги (Родосл., стр. 122). Его братья носили имена: Пусторосл, Посол, Савинко, Шарап.

Один из потомков князей Ромодановских носил имя Корѣлка: Князь Петръ Корѣлка. Его братья назывались: Петръ, Василей, Федор, Иван, Михайло, Иван. (Родосл., стр. 66).

В самом деле, как складывались прозвища по географическому признаку?

В существовании прозвищ, восходящих к простому определению называемого лица по географическому признаку, не может быть сомнений. Отчасти на это указывает возможность образований от этих имен прозвищных отчеств: срвн.: *Балахонцев*, 1682 г. (от «Балахонец» , житель Балахны, Туп., стр. 525); *Корелинов*, 1693—1696 гг. (от

---

[1] И. И. Срезневский, Древние памятники русского письма и языка, изд. 2, Спб., 1882, стр. 120.

«Корелин», Туп., стр. 643); *Корелин*, 1677 г. (Туп., стр. 643. От прозвища «Корела»); *Новгородцев*, 1672 г. (Туп., стр. 724. От «Новгородец»); *Москвин*, нач. XVI в. (Туп., стр. 707, от «Москва») и др.

Но еще более убедительно на это указывают такие позднейшие фамилии: *Астраханцев*, *Карелин*, *Ярославцев*, *Веневитинов*, *Москвинов*, *Фрязинов*, *Гречанинов*, *Татаринцев*, *Калмыков*, *Лопарев*, *Сибиряков* и многие другие.

Должны быть выделены группы имен под названием «Пришельцы, место происхождения». Имена этих групп могли даваться только взрослым людям, а не детям.

Изучение истории перечисленных выше групп прозвищ представляет большой интерес для понимания происхождения прозвищ.

Например, прозвища по месту происхождения возникали, разумеется, не как прозвища, а как дополнительный знак описания того или иного человека, как указание на прямое место происхождения. Очень легко принять такие указания за прозвища. В тексте документов они часто следуют непосредственно за личным именем, и издатели документов без достаточных оснований выделяют их заглавными буквами, указывая тем самым, что эти слова являются прозвищами. Например, в конце купчей 1568 г. читаем: «А у сѣй купчей сидели въ мужехъ: староста Турчясовской Михайло Семеновъ сынъ Турабьевъ, да Иванъ Никитинъ сынъ Сидорова, да Павелъ Зиновьевъ сынъ Каргополецъ» (Арх. Стр., т. I, стр. 486. Этот пример приводится и у Туп., стр. 230). Но в какой степени слово «Каргополец» является здесь прозвищем? Не является ли оно просто указанием на происхождение данного лица? Сам он себя во всяком случае каргопольцем не называет. В конце грамоты среди послухов читаем: «Послухъ Павелъ Зиновьевъ руку приложил» (стр. 487).

Точно так же могли даваться только взрослым людям, а не детям, имена, входящие в названия: ««Профессия, занятие, должность», «Социальное и экономическое положение».

Должна быть выделена группа имен, в которых отразились «церковные отношения и элементы». Они могли войти в употребление самое раннее в X веке.

Особые группы имен, перечисленные у А. М. Селищева, представляют: 11) названия животных, 12) птиц, 13) насекомых, 14) рыб, 15) растений, 16) пищи, 17) разных предметов.

Все эти имена, какова бы ни была их давность, являются «чужими» именами».

Таким образом, остаются четыре группы слов: 1) Обстоятельства появления, 2) Профилактика, 3) Внешний вид, физические недостатки, 4) Свойства. В этих группах имен мы и должны искать имена в собственном значении этих слов, т. е. слова, которые в других значениях не употреблялись.

2. СВЯЗЬ ДРЕВНЕРУССКИХ ПРОЗВИЩ С СОВРЕМЕННЫМИ РУССКИМИ ПРОЗВИЩАМИ. ПРОЗВИЩА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 22. Для истории древнерусских собственных имен и их судьбы в истории русского языка и русского народа большое значение имеет изучение современных прозвищ, имеющих широкое применение в различных кругах современного советского общества, а особенно, естественно, в речи диалектной. К сожалению, внимания диалектологов не привлек еще этот слой диалектной лексики.

Материал для изучения современных прозвищ извлечен из следующих работ:

1. С. А. Копорский, О говоре севера Пошехоно-Володарского уезда Ярославской губернии. Труды Ярославского пединститута, т. II, Ярославль, 1929 г. (91 мужских прозвищ и 36 женских). Далее обозначаем Коп.

2. М. К. Герасимов, Словарь уездного Череповецкого говора. Сб. ОРЯС, т. 87, № 3, Спб., 1910 г. (500 прозвищ мужских и женских). Далее обозначаем Гер.

3. «Труды Комиссии по диалектологии русского языка, выпуски X, XI, XII, изд. АН СССР, Л., 1928, 1930, 1931 г. (всего 240 прозвищ). Далее обозначаем ТДК.

4. Из собственных наблюдений в современных русских говорах (более 200 прозвищ). Далее обозначаем собст.

В отношении значения основ, от которых образуются прозвища в современном русском языке, следуѐт сказать, что они те же самые, что и в древнерусском (по классификации А. М. Селищева).

В современных русских говорах представлены прозвища тех же семантических групп, которые намечены А. М. Селищевым для прозвищ до XVII в.

1) Обстоятельства появления нового члена семьи. Выражение ожидания и неожиданности появления нового члена. Чувство родителей. Семейные отношения. Порядок и время рождения.

Третуха (Гер., стр. 88), срвн. «Третьякъ», XV в. и позднее; «Третьячко», XVI в. и позднее; «Тренька», XVI в. (Туп., стр. 454—458).

Меньшута — меньшой (Гер., стр. 57), срвн.: «Меньшой», XV в., «Меньшик», XVI в. (Туп., стр. 303—305). Малко — «Сашка Малко» (Костромск,, 1920 г., собств.), срвн.: «Малко» (Malко), «Малой» и др. (Туп., стр. 297—298). Мальга — младшая из сестер с одинаковыми именами: «Анка — мальга» (Гер., стр. 55), срвн.: «Мальга» применительно к мужчинам, XV в. (Туп., стр. 299).

2) Внешний вид:

а) Фигура.

Бутуз — низкий, толстый (Гер., стр. 25); срвн.: «Бутусинъ», «Бутусовъ», XVII в. (Туп. стр. 551).

Дрочень — неженка (Гер., стр. 37), срвн.: «Дрока», XV в.; «Дрокъ», XVI в.; «Дрочило», XIV или XV в (Туп., стр. 190—191).

Карлик: «В(олодя) Карлик» (Коп., стр. 175); срвн.: «Карло», XVI в. (Туп., стр. 231).

б) Цвет лица, тела.

Бѣлýн — белотелый (Гер., стр. 25), срвн.: «Бѣляй», XV в.; «Бѣляна», XVI в.; «Бѣлятъ», XVII в. (Туп., стр. 134—135).

Красноносый: «Федор Красноносой» (Коп., стр. 175). Рыжий: «Мишка Рыжий», пошехоно-володарск., 1929 г. (Коп., стр. 175); срвн.: «Ѳофанец Рыжей», 1472 г., (Туп., стр. 400); «Ръжко», XV в. (там же, стр. 400).

3) Одна из группировок носит название «свойства». Приведем примеры близости или совпадения прозвищ, бытовавших до XVII в. и бытующих в XX в.

Черты характера.

Басалáй — озорник (Гер., стр. 25). «Николай Басалай посадил кошку в сарай...» Костромск., 1920 г. (собств.) и «Басалай», 1501 г. (Туп., стр. 97); Батýра (Гер., стр. 24); срвн.: «Батура тяглый человек в Жабенском погосте, 1495 г.» (Туп., стр. 98). Буй (Гер., стр. 24) и «Буй Кузмин, крестьянин Коломенского погоста, 1539 г.» (Туп.,

стр. 124) К о ч ю р а — хилый (Гер., стр. 51) и «Ивашко Кочюра, своеземец в Лядцком погосте, 1498 г.» (Туп., стр. 260) и т. д.

4 (6)[1] Социальное и экономическое положение: Г о л ы ш — бездомовник (Гер., стр. 33); С(анко) Г о л е х а, пошехоно-володарск., 1929 (Коп., стр. 175); С е л я, С е л я н и к, С е л ь ч и х а — хозяин (Гер., стр. 85); С е л я н и н, владимирск., 1927 г. (ТДК, XI, стр. 40); срвн.: «Селя Иванов, московский стрелец, 1605 г.» (Туп., стр. 409), «Селянин боярин, в Дмитрове», 1472 г. (там же).

5(7) Профессия, занятия, должность.

Б о ч к а р ь, пермск., 1912 г. (ТДК, в. XII, стр. 132); В о р о в к а, костромск., 1927 г. (ТДК, в. XI, стр. 168), срвн.: «Юрий Вор, поверенный Киевского митрополита, 1631 г.» (Туп., стр. 153); Г у б е р н а т о р, архангельск., 1912 г. (ТДК, в. XI, стр. 26); Д у г а р ь — мастер дуг, череповецк. (Гер., стр. 36); И н ж е н е р, калужск. (?), 1927 г. (ТДК, в. X, стр. 42); И с п р а в н и к, архангельск., 1912 г. (ТДК, в. XI, стр. 26); К о в а л ь — кузнец, череповецк., 1910 г. (Гер., стр. 50), срвн.: «Митка Васильев сын Коваль, вологжанин, 1568 г.» (Туп., стр. 240); К о м и с с а р, пермск., 1912 г. (ТДК, в. XII, стр. 132).

6(8) Пришельцы, место происхождения.

Н о в о ж и л, череповецк., 1910 г. (Гер., стр. 61); срвн.: «Петрушка Новожил, крестьянин Вологодского уезда, 1641 г.» (Туп., стр. 336); П е р е в е з е н е ц (см. там же, стр. 75); С о л и к а м, пермск., 1912 г. (ТДК, в. XII, стр. 132).

7(11) Животные.

Б а р с у к, пошехоно-володарск., 1929г. (Коп., стр. 175), срвн.: «Иван Барсук, ратненский крестьянин, 1565» (Туп., стр. 96); Б и з о н, калужск., 1927 г. (ТДК, в. X, стр. 42); Б ы к, Б ы н я, «Бык коногорской или черкасской», костромск., 1920 г. (собств.); срвн.: «Кирилко Бык, крестьянин Буховского погоста, 1495 г.» (Туп., стр. 130); Ж е р е б е н о к, костромск., 1920 г. (собств.); срвн.: «Жеребец, боярин Костромской, 1306 г.» (Туп., стр. 204); З а я ц, архангельск., 1912 г. (ТДК, в. XI, стр. 26).

---

[1] В скобках дана нумерация по указанной статье А. М. Селищева.

Среди современных прозвищ найдем много таких, которые образованы от основ, известных по именам в словаре Тупикова, но с помощью иных суффиксов: Головешка — «Ваня Головешка» (костромск., собств.), срвн.: «Головня» (Туп., стр. 166); Мятовик, череповецк. (Гер., стр. 57), ср. «Мятиво» (Туп., стр. 320); Мизяк, череповецк. (Гер., стр. 57), срвн.: «Мизин»: «Мизиновская жена Лызлова Матрена», 1613 г. (Туп., стр. 306), также отчество «Мизинов», 1654 г. (Туп., стр. 699) и много других.

Прозвища — сложения с другими составными частями.

Мукозоб — обжора (Гер., стр. 57), срвн.: «Муковоз», «Мукосей», «Мукосея» (Туп., стр. 316), также в отчествах: «Мукосѣин», «Мукосѣев».

§ 23. Приведенного в предшествующем параграфе материала вполне достаточно для того, чтобы убедиться в наличии связи между современными прозвищами и прозвищами XV—XVII вв. Таким образом, бытующие в настоящее время в диалектах прозвища являются продолжением прозвищ XV—XVII вв. Однако не следует думать, что изменения состояли только в том, что изменилась сфера бытования прозвищ: бытовавшие когда-то и в устном языке и в письменности прозвища стали бытовать только в языке устном. За время, истекшее после XVII в., произошел и ряд других изменений в этой сфере ономастики. Изменения эти коснулись как состава прозвищ, так и условий их употребления.

Среди современных прозвищ мы найдем много и таких, которые не встречаются в словаре Тупикова ни среди имен, ни среди отчеств, а также и таких, которые не могли существовать в древнерусском языке вообще.

Современные прозвища даются:

1) по сходству человека с внешним видом предмета, название которого является его прозвищем.

Так, в пошехоно-володарских говорах отмечено: «Ваня Челночек»; носитель прозвища «Челночек», «мал был, как челночек» (Коп., стр. 175). В других северных говорах прозвище «Грибок» было дано мужчине за его «приземистый рост и крепкое сложение». «Блином» прозвали мальчика за то, что у него было круглое, пухлое лицо («Енашка Блин»). По-видимому, сюда же надо отнести прозвище «Бык».

Прозвища подобного рода нередко встречаются в художественной литературе. Срвн.:

«Павел же Ефимыч, наоборот, усы, как уже известно, носит по-украински, а бороду бреет; глаза у него остренькие, серые, хитроватые, брови жиденькие; лицо круглое, красное, можно сказать, сдобное. За такое обличье он и прозвище получил в юности — «Помидор». Весь он какой-то круглый со всех сторон. Думается, положи ему мешок на плечи — соскочит». (Г. Троепольский, Соседи.)

Один из героев произведения А. И. Куприна «Юнкера» называется на протяжении произведения не по настоящему имени и отчеству, а по прозвищу, и только один раз в скобках указывается его фамилия. «А вот коренным москвичам туго. Изволь являться трижды в неделю в училище, да еще ровно к семи часам утра, и только для того, чтоб на приветствие Дрозда (командира четвертой роты капитана Фофанова) проорать: «Здравия желаю, ваше высокоблагородие».

2) По сходству характера человека со свойствами того или иного предмета.

«...только произнеси «Макар-Горчица» — любой младенец укажет путь к его хате. Почему такое прозвище ему дано, не сразу сообразишь...» (Г. Троепольский, Соседи.)

Значение прозвища раскрывается далее, срвн. его разговор с председателем колхоза. «— У людей по...семь рублей на трудодень, а мы...мы прошлой осенью всю овощь поморозили. У людей по три килограмма, а у нас подсолнух попрел. А ты водку глушишь... Веры в тебе нету, веры нету, председатель...

Черепков вдруг выпалил:

— Дали тебе прозвище «Горчица» — ты и есть горчица! Указывать — вас много, а работать — «выходи десятый».

3) Прозвища по особенностям речи:

«А(нка) Хебя (так просила хлеба)» (Коп., стр. 175);

«С(анко) Хеко (так говорил)» (там же);

«Федя Капка (так звал шапку)» (там же); «Тарарыка» — человек с плохим выговором, картавый (ТДК, X, стр. 93).

4) Прозвища могут быть простыми определениями. Срвн.: Олеха Кривой, Груня Горбатая, Петя Безносый и т. д. (Коп., стр. 175).

ГЛАВА IV

ОТЧЕСТВА

§ 24. Вопрос об изучении русских отчеств давно требует пересмотра. Мы не можем не быть благодарны Н. М. Тупикову, составившему словарь «древнерусских отчеств» и тем самым заложившему основание изучения этого разряда слов в русском языке. Тем не менее теоретические положения автора, изложенные им во введении к «Словарю», не отвечают требованиям современного советского языкознания.

В своем теоретическом введении Н. М. Тупиков поставил перед собой задачу прежде всего доказать, что древнерусские отчества нельзя отличить от фамилий, и после соответствующей аргументации он объединяет тот и другой разряды слов, называя их «отчествами». Он пишет: «Невозможностью точно разграничить отчества и фамилии объясняется то, что мы соединяем их в один отдел» (стр. 79). При этом автор говорит об отчествах, как о чем-то само собой разумеющемся, не требующем ни определений, ни разъяснений. «В более раннее время,— пишет он,— выделять отчества нетрудно, ибо они оканчиваются на *-ичь*, да, кроме того, в то время и не встречаем фамилий, но позже окончания отчеств и фамилий совпадают. Руководящим принципом для выделения отчеств можно бы считать присутствие слова «сын», но и этот принцип не приведет нас к совершенно верным результатам. Иногда в одном месте после патронимической формы на *-ов* или *-ин* прибавляется слово «сын», а в другом нет, так что во втором случае не знаем, имеем ли дело с отчеством лица или с фамилией, полученной этим лицом от более или менее отдаленных предков. Например: «Григорий Злобин с. Петров и Григорий Злобин», XVI в...» (стр. 78).

С ходом рассуждений, представленным в этой цитате, вряд ли можно согласиться. Непонятно, почему нельзя разграничить отчества и фамилии в наименовании «Григорий Злобин сын Петров» на основании указанного в цитате принципа — присутствия после отчества слова «сын». В соответствии с принимаемым критерием слово «*Злобин*» должно быть признано отчеством, а *Петров* — фамилией. Именование «Григорий Злобин» может быть вообще оставлено в стороне: вопрос о выделении отчеств и фамилий может быть поставлен применительно только к трехчленным наименованиям, в состав которых входят две патронимические формы.

Но это наименование может быть рассмотрено и на основании разграничения, произведенного в составе полного наименования: «Злобин» должно быть признано также отчеством, хотя после него слово «сын» и не поставлено.

Иначе обстоит дело с такими наименованиями, как *Климко Ондрѣевъ сынъ Хрипуновъ* и *Климко Хрипунов сын*, о которых говорится ниже на той же странице. В соответствии с принимаемым критерием слово «Ондрѣев» должно быть признано отчеством (за ним следует слово «сын»), слово «Хрипунов» — фамилией. Во втором наименовании слово «Хрипунов», однако, должно быть принято за отчество, так как за ним следует слово «сын». Здесь мы, действительно, сталкиваемся с противоречием. Это противоречие послужило основанием для отказа от разграничения отчеств и фамилий, но оно могло бы послужить и началом постановки проблемы об отчествах и фамилиях в древнерусском языке.

В самом деле, о чем свидетельствует наличие слова «сын» не только после слова «Ондрѣев», но и после слова «Хрипунов»? Оно свидетельствует не о том, что отчества и фамилии не могут быть разграничены, а о том, что в наименовании «Климко Ондрѣевъ сынъ Хрипуновъ» имеется два отчества: одно произведено от христианского имени, а другое — от русского. Н. М. Тупиков не ставит проблемы о двух отчествах. На странице 83 он говорит, что «отчества производятся не только от христианского имени отца, но и от русского имени или прозвища», но вопрос об отношениях их к христианским отчествам не ставится. Вполне понятно поэтому, что ни вопрос об отчествах, ни тем более вопрос о фамилиях не получает у Н. М. Тупикова ни правильной постановки, ни правильного решения. Отказ от разграничения отчеств и фамилий представляет, конечно, известные удобства для составителя словаря, но он не содействует продвижению вперед изучения истории русских отчеств и фамилий.

§ 25. Имена, личные и прозвищные, представляют собой главный и первый состав русских наименований XV—XVII вв. Вторым составом этих наименований, если они были представлены, были отчества, или слова, указывавшие на отношение лица, названного до этого по имени, к известному отцу. Отчества невозможно было смешать с именами, так как они, как правило, выражались словами иной части речи (притяжательные прилагательные), нежели имена (существительные). А если иногда в отношении части

речи они и совпадали, что, впрочем, относится только к прозвищным именам-прилагательным («Иван Великой»), то тогда они отличались друг от друга формами соответствующего «прозвища» («Иван Великой», но: «Петра сына Великого»). Так обстояло дело, по крайней мере в исходе (подробнее об этом см. ниже). На местонахождение отчества в составе наименования указывало также слово «сын», часто писавшееся после него; впрочем, это было не обязательно.

Необходимость в отчестве возникала по тем же причинам, по которым возникала необходимость в прозвище, например, при названии двух людей, носивших одинаковое имя: «..благословилъ... старинным человѣком Демиткомъ... да с Ыгнашкомъ, он з друж/ны/мъ с Ыгнашкомъ *Ивановымъ*». (Зап. кн., стр. 1. Курсив мой.— *В. Ч.*)

В русском языке XV—XVII вв. различались, как было сказано выше, два вида имен: собственно-имена, или личные имена, и прозвищные имена, или «прозвища». В соответствии с указанными видами имен различалось и д в а в и д а о т ч е с т в: с о б с т в е н н о-о т ч е с т в а, образовывавшиеся от личных имен, и п р о з в и щ н ы е о т ч е с т в а, или «п р о з в и щ а», образовывавшиеся от прозвищных имен, или «прозвищ». Эти различия сознавались ясно, что в XVI—XVII вв. и нашло свое отражение в письменности. Укажем прежде всего на официальные формулы наименований. Срвн.: «и салдатъ отпускных и бѣглыхъ старыхъ и даточныхъ ... велѣлъ переписать имяны, съ отцы и съ прозвищи», 1668 г. (Ак. Калач., т. 1, стр. 268). Или: «переписывали крестьянские и бобыльские дворы, а во дворѣхъ людей по имяномъ съ отцы и съ прозвищи», 1678 г. (Переп. кн., стр. 356). Слово «прозвище» в этих формулах стоит после слова «с отцы» и указывает, следовательно, на тот состав наименований, который находился после собственно-отчеств.

О различении собственно-отчеств и прозвищных отчеств свидетельствуют и данные более надежные: перед первыми как словами, значение которых представлялось очевидным, никогда не писалось никаких объяснительных слов, перед вторыми же могло ставиться пояснительное слово «прозвище». Слово «прозвище» перед указанными составами наименований употреблялось, правда, сравнительно редко, однако не до такой степени редко, чтобы употребление это можно было объяснить какими-нибудь случайными причинами. Приведем примеры употребления слова «прозвище» в указан-

ном положении, расположив их в хронологическом порядке.

X V I век. «Язъ Левонко, Мосѣев сынъ, прозвище Коростелевъ, вольной человѣкъ», 1555 г. (Самокв. II, стр. 69); «Максимъ Григорьевъ сынъ, прозвище Скоковъ», 1588 г. (Зап. кн., стр. 180); «Тимофей Ерофѣев сынъ, прозвище Ташлыков сынъ», 1588 г. (там же, стр. 179); «Петеля да Гриша, прозвище Вотола, Дмѣтриевы, а прозвище Худяковы дѣти», 1588 г. (там же, стр. 180); «Яким Ѳедосѣевъ сынъ, прозвище Шевелевъ», 1592 г. (Новг. каб. кн., стр. 183) и др.

X V I I век. «Иван Яковлев сын, а прозвище Первушин», 1603 г. (Новг. каб. кн., стр. 117); «Онтоней Ондреев сын, а прозвище Истомин», 1603 г.(там же, стр. 90); «Сергей Киприянов сын, а прозвище Королев» ..., 1603 г. (там же, стр. 63); «Филат Иванов сын, а прозвище Сваин», 1603 г. (там же, стр. 132); «Ефим Июдин сын, прозвище Истомин», 1603 г. (там же, стр. 183); «Ондрюшка Володимеров сын, прозвище Ерохов», 1646 г. (Каз. писц. кн., стр. 83); «бобыль Ивашко Родионов, прозвище Морковкин», 1646 г. (там же, стр. 105).

Слово «прозвище» ставилось иногда и перед соответствующими образованиями в наименованиях женщин: «Ографина Огафонова дочь, а прозвище Ушакова», 1603 г. (Новг. каб. кн., стр. 105); «с Матреною с Карповою дочерью, а прозвище с Жюковою», 1603 г. (там же, стр. 117); «зовут де ее Овдотьицею, Микифорова дочь, прозвище Бородулина», 1649 г. (Яковлев, стр. 99).

§ 26. Параллель между собственно-отчествами и отчествами-прозвищами, с одной стороны, и собственно-именами и прозвищными именами, с другой, должна быть продолжена еще в одном отношении. В разделе об именах и прозвищах указано, что слово «прозвище» перед последними ставилось далеко не всегда, потому что в этом не было необходимости. Отношения между ними в составе наименования достаточно ясно определялись их взаимным расположением, а также различиями основ, от которых они были образованы. То же самое следует сказать и об отчествах. И при употреблении отчеств не было особенной нужды ставить слово «прозвище», так как отношения между ними в составе наименования достаточно хорошо определялись и их взаимным расположением, а также видами основ, от которых они были образованы. Поэтому в памятниках письменности слово «прозвище» перед русскими отчествами и употреблялось сравнительно редко.

Писали обычно так: «Борис Иванов сын Перепечин», срвн., наименование отца: «Иван Перепеча Мартьемьянов сын Посульщикова» (Ак. феод. земл., стр. 143).

§ 27. Мы должны поставить теперь вопрос о том, что же общего было между собственно-отчествами и прозвищными отчествами, а также, в чем состояли различия между ними.

Общее между ними заключалось в том, что, во-первых, те и другие из них образовывались от имен отца, и те и другие из них указывали на отношение именуемого к известному отцу. Это и дает нам право называть их общим именем «отчество».

Одна из важных черт, характерных для обоих видов отчеств, состояла, во-вторых, в том, что они, как и имена, подлежали смене из поколения в поколение. Вот несколько примеров такой смены прозвищных отчеств.

1. Наименование отца — «Иванъ Лобанъ Ондрѣевичь Колычевъ», 1495 г. (Туп., стр. 285); сын— «Иван Умной Ивановъ с. Лобанова Колычева» (там же, стр. 464); внук — «Федор Иванович Умного» (Тетр. двор., стр. 113, л. 87). Обычно пишется еще и «Колычев/а/». Во втором из приведенных наименований отчествами являются «Иванов» и «Лобанова»; хотя слово «Колычева» сохранилось и в наименовании этого поколения, однако оно не имеет здесь уже значения отчества. В третьем наименовании отчествами являются «Иванович» и «Умного». И здесь произошла смена отчеств. То обстоятельство, что в наименованиях представителей предшествующего поколения отчество образовывалось также от имени «Иван», вовсе не означает, что оно перешло в следующее поколение, так как хотя у представителей последнего отчество и образовано от того же имени «Иван», однако носителем его было другое лицо.

2. Наименование отца — «Иван Васильевич Булгак» (например, в Московском летописном своде под 1481 г. говорится, что великий князь послал в немецкие земли «воевод своих с силою, князя Ивана Васильевича Булгака да князя Ярослава Васильевича Оболеньского» (стр. 329).

Сыновья Ивана Булгака: «Михаило Голица» и «Ондрей Курака». Именовались в документах они обыкновенно без прозвищ: «Михаило Ивановичь Булгаков», 1579 г. (Врем. кн. 14-я, стр. 3), «Ондрей Ивановичь Булгаков» (там же).

Внуки: «Юрьи Михаиловичь Голицын» (там же, стр. 16), но и: «Юрьи Михаиловичь Булгаков» (стр. 8): «Федора Ондрѣ-

евича Куракина» (Врем. кн. 14-я, стр. 16—17. Так же в Тетр. двор., стр. 58 и Тыс. кн. стр. 56). Но и «Григорей Ондрѣевичь Булгаков» (Врем. кн. XIV, стр. 11); так же в «Тысячной книге 1550 г.», стр. 138 и в «Дворовой тетради 50-х годов XVI в.», стр. 111. И в этих наименованиях представлена смена обоих отчеств-прозвищ. Но прозвищное отчество отца могло переходить и к детям, однако в таком случае оно уже не могло иметь значения прозвищного отчества, но об этом см. ниже.

§ 28. В чем состояли различия между собственно-отчествами и прозвищными отчествами?

Они состояли, как показывает название вторых из них — «прозвище», прежде всего в том, что собственно-отчества образовывались только от личных имен (христианских), т. е. так же, как и в наше время, а вторые — от «прозвищных имен», или «прозвищ». Вот примеры собственно-отчеств. «Федьке Софронову сыну с Михальцева, порука отец его Софрон» (Кн. ключ., стр. 49); «Михалку Васильеву сыну, порука отец ево Василей» (там же, стр. 49); «Истомьке Грезе Кузьмину сыну 9 алтын, а порука отец его Кузьма»(там же, стр. 14). Примеры прозвищных отчеств смотрите ниже.

Различались собственно-отчества и прозвищные отчества также отчасти в отношении суффиксов, с помощью которых они образовывались. Собственно-отчества, кроме суффиксов, общих с прозвищными отчествами, могли образовываться с помощью суффиксов *-ович*, *-евич*, *-ич* («Иванович», «Васильевич», «Никитич»); в свою очередь прозвищные отчества могли иметь некоторые «свои» суффиксы и они могли представлять собой такие формы, которые не встречались среди собственно-отчеств, например, «Горбатого», «Великого» и подобные. (См. об этом подробно ниже, в соответствующем разделе.)

Прозвищные отчества отличались от собственно-отчеств также следующим. Отчества, образованные от личных имен, занимают в составе наименований всегда одно определенное место: собственно-отчество всегда следует непосредственно за именем («Иван Федоров сын Алексеева»). Прозвищные отчества также могут следовать непосредственно за именами, однако только в том случае, если собственно-отчество по каким-нибудь причинам не представлено в наименовании, пропущено («Павлин Чудинов сын Окинфова»). Если же собственно-отчество представлено в наименовании, то про-

звищное отчество будет занимать в нем всегда третье место, т. е. оно будет следовать после собственно-отчества, и никогда — наоборот. Следовательно, между собственно-отчествами и прозвищными отчествами существовали те же отношения, что и между личными именами и прозвищными именами. Срвн. какое-нибудь: «Иван Перепеча Мартьемьянов сын Посульщикова» — наименование отца и «Борис Иванов сын Перепечин», 1526 г. (Ак. феод. земл., стр. 143). В связи с сказанным будет вполне понятно, что если одно и то же лицо в одном случае будет названо по имени и прозвищному отчеству, а в другом—по имени и с двумя отчествами, то первое место среди них будет занимать отчество, образованное от личного имени, прозвищное же отчество займет в наименовании третье место. Срвн., например: «Федору Вышегородову» (Кн. ключ., стр. 67) и «Федор Васильев сын Вышегородов» (стр. 38).

Итак, следовательно, прозвищные отчества отличались от собственно-отчеств не только тем, что образовывались от разных имен, не только в отношении суффиксов, но и по своему значению, по своей функции в составе наименования. Эти различия в отношении значения отражались в том, что собственно-отчество занимало одно постоянное место, второе, в составе наименования, прозвищное же отчество могло занимать при определенных условиях и второе место (при отсутствии в именовании собственно-отчества) и третье место; нормальным местом прозвищного отчества было третье место, т. е. после собственно-отчества.

Указанные различия были связаны с разным значением, которое принадлежало обоим отчествам в языке: указывать на принадлежность сына известному отцу, а в верхушечных слоях и на «честь» именуемого было функцией собственно-отчеств. Прозвищные отчества также могли указывать на принадлежность именуемого определенному отцу, особенно в наименованиях, в которых не было представлено собственно-отчество, однако основная функция прозвищного отчества состояла не в этом, а в том, чтобы служить дополнительным различительным признаком именуемого в обществе, т. е. функция, приближающаяся к той, которая свойственна современным фамилиям. См. об этом подробнее ниже.

Следующее отличие между собственно-отчествами и отчествами-прозвищами. Отчества обоих видов, будучи по происхождению своему притяжательными прилагательными,

должны были в соответствии с действовавшими в русском языке XV—XVI вв. нормами согласовываться с именами, к которым они относились. В действительности же дело обстояло следующим образом: собственно-отчества, какого бы образования они не были, постоянно согласованы с именем («Иван Петров сын», «Иван Петрович»), прозвищные отчества иногда не согласуются с личным именем и имеют форму родительного падежа на *-а*. Например, в данной грамоте около 1430 г. в числе послухов указан «Иван Федоровичь Сабуров» (Ак. с.-в. Р., стр. 63), где оба отчества в соответствии с наименованием отца — «Федор Сабур» — согласованы с именем. Но в другой грамоте, относящейся приблизительно к тому же времени, он же, в числе послухов, назван так: «Иван Федорович/ь/ Сабурова» (там же, стр. 64).

В «Книге ключей» на стр. 26, л. 26, читаем: «Петреше Иванову сыну Болдина пол полтины, порука по нем отец его Болда». Ожидали бы: «Болдину», так как это — прозвищное отчество; срвн. ниже: «Петруше Иванову сыну Болдину пол 11 алтын, порука по нем отець его Болда» (стр. 37).

В словаре Н. М. Тупикова приведено из документа 1537 г. наименование «Иванъ Умной Ивановъ с/ынъ/ Лобанова Колычева» (стр. 464). Ожидали бы: «Лобанов Колычева», так как отца его звали: «Иванъ Лобанъ Ондрѣевичъ Колычев», 1495 г. (там же, стр. 285).

В разделе об именах было указано, что в XV—XVI вв. каждый русский человек был носителем личного имени, но не всякий русский человек одновременно был носителем и прозвищного имени. Наличие личного имени было обязательным; на страже этого стояла церковь, неукоснительно осуществлявшая догматы христианской религии. Наличие или отсутствие прозвища регулировалось в частном семейном быту и могло зависеть, вероятно, в частности от уровня культуры той или иной семьи. Во всяком случае употребление прозвищных имен было необязательным. Указанное обстоятельство не могло не отразиться на употреблении и соответствующих отчеств, а именно: собственно-отчество было обязательным в наименовании каждого русского человека указанной поры, наличие же прозвищного отчества было необязательным.

Собственно-отчества и прозвищные отчества различались, наконец, и по своей дальнейшей судьбе как в русском языке, так и в русской истории XVI—XVII вв. Об этом см. ниже.

1. СОБСТВЕННО-ОТЧЕСТВА

§ 29. Для образования собственно-отчеств, как мы уже говорили, служили разные суффиксы: -jь, *-ин*, *-ов/-ев/*, *-ович /-евич/*, *ич*.

Первый из этих суффиксов употреблялся в XV—XVII вв. уже очень редко: «Никита Яковль сын Борисова», 1520—1521 гг. (Ак. феод. земл., стр. 84). Суффикс *-ин* был продуктивным суффиксом. Самыми продуктивными суффиксами были суффиксы *-ов*, *-ев*. Продуктивными же были и суффиксы *-ов-ич*, *-ев-ич*, при этом суффикс *-ич* употреблялся соответственно суффиксу *-ов-ич* (*ев-ич*) от имен на *-ин*: «Григореи Никитинич» (Моск. лет. св., стр. 308).

§ 30. На употреблении отчеств с суффиксами *-ов-ич*, *ев-ич* и *-ич* следует остановиться особо. Указанные суффиксы хотя и были продуктивными, однако употребление их было ограничено. Отчествами с этими суффиксами или с *-вичем*, как говорили в свое время, именовались только представители высших социальных слоев эпохи феодализма. Так именовались:

а) Великие князья: «Се яз князь великий: Борис Костянтинович пожаловал есми...», 1393 г. (Ак. феод. земл., стр. 201); «Се яз князь великий Василей Дмитреевич», 1410—1425 гг. (там же, стр. 24); 1420—1421 гг. (там же, стр. 200); «Се яз князь великий Василей Васильевич», 1425—1462 гг. (там же, стр. 104); «Святого деля Спаса и святого для Благовещениа се аз князь великий Данило Борисович пожаловал есмь архимандрита ...», конец 20 — начало 30-х годов XV в. (там же, стр. 204); «Святого ради Благовещениа, се яз князь великий Дмитрий Юрьевич пожаловал есмь...», 1446 г. (там же, стр. 203); «князь великий Иван Васильевич», 1475 г. (там же, стр. 271).

б) Князья: «князь Федор Семенович Ряполовской», 1491—1492 гг. (Ак. феод. земл., стр. 201); «князь Василей Иванович Голенин», 1492 г. (там же, стр. 53); «князь Иван Иванович Ухтомской», около1500 г. (там же, стр. 220); «по княжу Васильеву слову Даниловичя Холмского», 1504 г. (там же, стр. 163).

в) Бояре: «Се кȣписа Михаило Ѳедорович/ь/ своим с/ы/ном...», около 1380—1417 гг. (Ак. с.-в. Р., стр. 26); «Михаил Федорович Крюков Фоминский — боярин Ивана III (Весел., стр. 157); «Иван Дмитреевич Бобров, да Захарья Андреевич Постник Сатин», 1537 г. (Ак. феод. земл., стр. 34); «Василья

Григорьевича Морозова», 1519 г. (там же, стр. 42); «Федор Александрович Белеутов», 1454 г. (там же, стр. 49); «Федор Наумович Дроздов», 1582 г. (стр. 66); «Федор Никитич Бутурлин», 1510—1511 гг. (стр. 67); «Федор Федорович Сурмин», 1515—1516 гг. (стр. 68).

Так обстояло дело и позднее — в XVI—XVII вв. Например, в «Тысячной книге 1550 г.» с *-вичем* именуются только следующие разряды лиц, принадлежавших к социальным верхам: царь — Иван Грозный: «царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии»; бояре-князья и бояре некняжеских родов: «Дмитрей Федорович Бельской», «Иван Федорович Мстиславской», «Петр Михайлович Щенятев», «Дмитрей Федорович Палетцкой», «Александр Борисович Горбатого», «Семен Иванович Микулинской», «Петр Иванович Шуйской», «Володимер Иванович Воротынской», «Иван Васильевич Шереметев», «Василей Семенович Серебреного» и др.; окольничие: «Семен Дмитреевич Пешков», «Федор Григорьевич Адашев», «Федор Михайлович Нагой», «Долмат Федорович Карпов», «Иван Умной Иванович Колычев», «Володимер да Петр Васильевич Морозовы» оружнечей: «Лев Ондреевич Салтыков»; казначеи: «Фома Петрович Головин», «Федор Иванович Сукин».

Все остальные лица, перечисляемые в указанной книге,— разных статей дети боярские, в том числе и дети лиц, именовавшихся с *-вичем*, именуются с отчествами на *-ов* и *-ин*. Например: «Петр да Иван Степановы дети Злобина. Князь Онтон княж Михайлов сын Ромодановского. Алексей Иванов сын Скрябин. Степан Семенов сын Морозов» и т. п. (там же, стр. 65).

В связи с изменением положения того или иного лица могло изменяться и его отчество. Так, например, в указанном же источнике, относящемся к 1550 г., небезызвестный Андрей Курбский именуется еще с отчеством «Михайлов»: «князь Ондрей княж Михайлов сын Курбского» — сын боярский 1-й статьи, однако в «Тетради дворовой», которая была составлена несколько позднее, он значится уже среди бояр и именуется: «князь Андрей Михайлович Курбской» (стр. 112).

Срвн. еще несколько наименований в тех же источниках:

«Тысячная книга 1550 г.»	«Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в.»
Князь Иван княж Михайло/в/ сын Троекуров — статья I детей боярских.	Князь Иван Михайлович Троекуров — боярин.

Князь Дмитрей княж Иванов сын Хилков — статья I детей боярских.	Князь Дмитрей Иванович Хилков — боярин.
Князь Юрьи княж Иванов сын Кашин — статья I детей боярских (стр. 56).	Князь Юрьи Иванович Кашин — боярин (стр. 112).

Положение с наименованиями с *-вичем* и без него сохранялось и в XVII веке. И в это время с *-вичами* именуются, как уже указывалось выше, только представители верхушечных слоев господствующего класса. И в это время родовые прозвания на *-ович* заменяются в приказном языке Московского государства именованиями на *-ов* или пропускаются. Вот несколько таких примеров из дипломатических актов середины XVII в.

В 1652 г. полковник войска запорожского Иван Ничипорович, один из сподвижников Богдана Хмельницкого, выдал охранный лист торговым людям из г. Нежина, в котором пишет: «упрошаю за жильцами обивателями ніжинскими, на ім'я і прозвиска — Корніем Ананічем, Борисом Пісарченком» [1] и т. д. В другом документе украинского же происхождения он называется: «Корній Ананевич» (1652 г.) [2]. Упомянутый в приведенной цитате Корней Ананиевич в документах русского происхождения называется в согласии с действовавшей нормой «Корнюшкою, Ананьин сын» [3].

В статейном списке русского посла на Украину И. Фомина, написанном в 1653 г., упоминаются «гетманские (Богдана Хмельницкого) посланники Герасим Яцкович да Павел Обрамович» (там же, стр. 352). Первый из них так же именуется в «Листе Богдана Хмельницкого», посланном в 1653 г. патриарху Никону (там же, стр. 364). Однако в документах московского происхождения они именуются почти всегда с суффиксом *-ов*: первый — Герасимом Яковлевым («Герасиму Яковлеву», там же, стр. 371), «Герасим Яковлев», стр. 371 и 372, второй — «Павел Аврамов» (там же, стр. 371).

В списке с грамоты Богдана Хмельницкого 1652 г. говорится о посылке в Москву «посла... Самуйла Богдановича» (там же, стр. 240), срвн. также в другой грамоте Богдана

---

[1] «Воссоединение Украины с Россией», т. III, изд. АН СССР, М., 1954, стр. 224.

[2] Там же, стр. 225.

[3] Там же, стр. 231.

Хмельницкого, 1654 г. (там же, стр. 548). В документах московского происхождения посол постоянно именуется «Самойло Богданов» (см. там же, стр. 245, 284, 553 и др.).

«Полковника Онтона Ждановича» (указанный источник, стр. 307, 316, 352) переделывают в «Онтона Жданова» (там же, стр. 349).

Небезынтересно, что формы на *-ович*, *-евич* в переписке с западными соседями, у которых образования эти не имели сословно-классового значения, также переделывались в канцеляриях Московского государства XVI в. в формы на *-ов* и *-ин*. Например, родовое прозвание великого гетмана Литовского — Григория Александровича Ходкевича — переделывается в посланиях к нему московских бояр в «Хоткеева» [1]. Но делается это только в наименованиях, состоящих из двух слов, в которых форма «Ходкевич», если бы она была оставлена, могла быть принята за отчество, а между тем это было родовое прозвание. В таких случаях и в документах Московского государства употреблялись формы на *-ов* и *-ин*, срвн.: *Иван Петрович Федорова*. Переделка эта явно имела целью унизить именуемое лицо, так как в двухсловном наименовании *Григорий Ходкеев* форма родового прозвания легко могла быть принята за отчество. Именование вышеуказанного *Ивана Петровича Федорова* не могло выступать в Московской письменности в виде *Иван Федоров*, так как *Федоров* также легко могло быть принято за отчество, а это для именуемого было бы оскорбительным.

К XVII веку относится ряд документов, в которых правительством регулируется употребление *-вича*. К 1649 г. относится указ о писании с *-вичем* отчества казненного в связи с московским восстанием 1648 г. окольничьего П. Т. Траханиотова, ведавшего Пушкарским приказом. Вот что говорится в этом указе:

Царский указ «О писании имени убитого народом Траханиотова по-прежнему с *-вичом*.

В нынѣшнемъ во 157 году 1 юля въ 13 день билъ челомъ Государю Царю к Великому Князю Алексѣю Михайловичю всеа Русiи Иванъ Тихоновъ сынъ Траханiотовъ, а въ челобитной ево написано: Брат де ево Петръ убитъ безъ вины. Государевы кручины и опалы никакой на брата ево не было. И нынѣ де послѣ брата ево смерти изъ Помѣстного Приказу,

---

[1] «Послания Ивана Грозного», изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 247, 255. См. комментарий к посланию на стр. 671—672 под цифрой 6.

и изъ иныхъ Приказовъ посылаютъ Государевы Грамоты въ городы и на Москвѣ изъ Приказу въ Приказъ памяти, а пишутъ въ государевыхъ грамотахъ и въ памятѣхъ имя братаево Петра не окольничимъ безъ *-вича*. И Государь бы ево пожаловалъ, велѣлъ брата ево Петра въ своихъ Государевыхъ грамотахъ и въ памятѣхъ писать по прежнему своему Государеву жалованью окольничимъ съ *-вичомъ*, чтобъ ему Ивану и роду ево въ вѣки передъ своею братьею въ позорѣ не быть. А на челобитной ево помѣта думнаго дьяка Михайла Волошенинова: 157 года 1 юля въ 13 день Государь пожаловалъ велѣлъ изъ челобитнаго Приказу окольничему Богдану Матвѣевичю Хитрово во все приказы послать памяти, а велѣлъ во всякихъ дѣлѣхъ въ грамотахъ и въ памятѣхъ и челобитчикомъ въ челобитныхъ и въ приставныхъ памятѣхъ окольничего Петра Тихоновича имя писать окольничимъ съ *-вичомъ*» [1].

К 1685 году относится следующий Указ: «Будет кто напишет думного дворянина жену без *-вича*, и им на тех людех Великие Государи и сестра их Великая Государыня, благородная царевна указали за то править бесчестіе» [2].

Указ 1692 года: «Великие Государи указали: имена дьяков в боярских книгах и списках ныне и впредь писать по прежнему и по сему своему Великих Государей указу с отчеством» [3].

§ 31. Выше уже было сказано, что с *-вичем* в XV—XVI вв. именовались только представители высших слоев господствующего класса эпохи феодализма и централизованного русского государства. Отчества с *-вичем*, оказываясь в наименованиях детей на правах отчеств отца, переделывались в формы на *-ов* и *-ин*, срвн. приведенное выше наименование полководца Ивана Грозного — «Иван Петрович Федорова» при наименовании отца: «Петр Федорович».

Однако и формы отчеств отца иногда приобретали значение показателя чести именуемого лица. Вот какой эпизод из русской истории, связанный, кстати сказать, с вышеупомянутым воеводой, свидетельствует об этом.

В 1567 г. польский король Сигизмунд II Август и гетман Григорий Ходкевич послали виднейшим боярам Ивана

---

[1] «Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете», кн. 3 за 1880 г., М., 1880, стр. 4—5.

[2] «Полное собрание законов», № 1436 и 1106.

[3] «Энциклопедический словарь», изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, Спб., 1897, т. XXII, стр. 476.

Грозного И. Д. Бельскому, И. Ф. Мстиславскому, М. И. Воротынскому и И. П. Федорову грамоты, в которых перечисленным лицам предлагалось изменить Ивану Грозному. Доставщиком этих грамот был служилый человек князей Воротынских — Иван Козлов, именовавшийся в посланиях Сигизмунда и Ходкевича — «Иван Петрович Козлов» и называвшийся «дворянином» и «слугой верным». В ответных письмах бояр Московского государства, к написанию которых, по мнению Д. С. Лихачева, был причастен сам Иван Грозный, беглец называется «Ивашка Козлов», «Ивашка Петров сын Козлов», а в тех случаях, где он называется «Иван Петрович» скрыто явное издевательство. Срвн.: «Што присылал еси к нам з листом своим слугу своего верного Ивашка Козлова, а в листе своем к нам писал еси, штож тебе поведал слуга твой верный Иван Петрович Козлов» (Из послания от имени Бельского) (Посл. Ив. Гр., стр. 242).

В письме дается далее следующая убийственная характеристика изменника: «А что еси писал брат наш в листе своем, описуючи слугою верным князей Воротынских молодого хлопца Ивашка Козлова, а описуешь его своим верным слугою; и годитца ли то тебе, великому государю, такова страдника верным слугою описывати? Ано такий хлопец не токма што у нас, но и у наших моложайших братей должен есть дворовый сор окоповати. А што он собака, злодейским обычаем, яко змий, яд испустил и твоя препростейшая слуха, якож Овжина наполнил, и ты, брат наш, жалуешь того неподобно».

Всего скорее, что в отместку за это, за возвеличение Ивашки Козлова, в частности за наименование его «Петровичем», в послании И. Д. Бельского гетману Ходкевичу, последний в самой торжественной вступительной части называется не Ходкевичем, а: «Григорью *Хоткееву*» (стр. 247). В кратком, но очень резком ответе от имени Бельского говорится: «а пригоже ли было тебе, подданому нашему, так к нам писати и без нашего повеления к нам совет чинити? А хоти и было тебе и подобно что писати, ино было тебе писати к нашему служебнику, и он бы твой лист до нас донес, а у нас царского величества милостью служебники в твою версту есть, Пивовы и иные, заньже они были околничие смоленские, а вы бояре киевские, як же были уряды у вас в Киеве, так и у них в Смоленске» (там же).

Еще резче, но по существу то же, высказывается в ответе И. Ф. Мстиславского: «И к нам пишешь изумевся, што

бешеная собака, а называешься нам братом; и то подобно ли разумному человѣку так делати? Достойно язык твой от челюстей исторгнути и с прочим телом псом предати за твое изуменье. То ли наша достаточная честь, што ты нам брат, страдник и холоп, коли государю живет брат» и т. д. В адресе пишется еще унизительнее, чем у Бельского: «Грише Хоткееву» (стр. 255).

Постоял за свою честь не только в письме в целом, но и в своем именовании и И. П. Федоров. В официальных документах Московского государства он именуется в указанное время *Иваном Петровичем Федорова:*

В «Меновой грамоте» 1566 г.: «с-Ываном с Петровичемъ Ѳедорова» (Дух. и дог. гр., стр. 420), так же в другой Меновой грамоте того же года (там же, стр. 423); в «Тысячной книге» 1550 г.: «Иван Петрович Федоров» (стр. 54); в «Дворовой тетради»: «Иван Петрович Федорова» (стр. 112). Как известно, форма отчества отца в именовании не прибавляла чести, поэтому форма «Федорова» не была унизительной. Однако, чтобы это не было воспринято именно так, в направлении читаем: «Ивана Петровича Федоровича», может быть, в связи с тем, что в ответе Ходкевичу последний именуется: «Григорью Александровичю Хоткевича», т. е. с двумя *-вичами* [1].

За формами на *-ич, -ович* с течением времени укрепилось значение *только отчеств.* Но случилось это не сразу. Самое важное здесь то, что эти формы в третье поколение не переходили, а если переходили, то только в виде *-ов*, т. е. с иным суффиксом.

Нельзя еще раз специально не подчеркнуть, что отчества с суффиксами *-ович, -евич, -ич* производились только от л и ч н ы х и м е н отцов, а не от прозвищ. Это обстоятельство лишний раз указывает, во-первых, на то, что в указанную эпоху различались собственно-отчества и прозвищные отчества, а, во-вторых, на то, что собственно-отчествам придавалось в наименованиях более важное значение, нежели прозвищным отчествам, именно они, собственно-отчества, призваны были указывать на отношения именуемого лица к тому или иному отцу, поскольку с ними была связана «честь» носителя отчества.

Напомним также, что в наименованиях собственно-отче-

---

[1] Об отношении Москвы к именованиям на *-ич, -ович* на Западе и на Украине см. в статье А. М. Селищева.

ства располагались раньше прозвищных отчеств, находясь на втором месте.

Итак, следовательно, отчествами в XV—XVII вв. считались такие слова в составе наименования, которые образовывались от личных имен отцов, занимали первое место и всегда согласовывались с именем называемого лица, а в отношении значения они указывали на принадлежность именуемого известному отцу и указывали на общественное положение этого лица.

Что касается определения отчеств-прозвищ, то лучше это сделать после того, как рассмотрим значение согласуемых и несогласуемых форм.

2. ПРОЗВИЩНЫЕ ОТЧЕСТВА

§ 32. Перейдем к рассмотрению более подробно прозвищных отчеств.

Прозвищные отчества, как показывает самое их название и как мы уже говорили выше, образовывались от прозвищных имен. Срвн., например: «Павлин Чудинов сын Окинфова» и «Чудин Окинфов» (наименование отца), 1525 г. (Ак. феод. земл., стр. 21). Или: «Борис Голочелов сын Дмитриева», 1550 г. (Тыс. кн., стр. 75) и: «Иван Голочолъ Дмитреев сын Давыдов», 1509 г. (Туп., стр. 168); «...Юрьи да Иванец Меншой Булгаковы дети Денисьева», 1550 г. (Тыс. кн., стр. 72, л. 137); отец их — «Матфей Булгакъ» (Врем. кн. 9-я, стр. 120); «Федор да Михайло Безнины дети Олферьева», 1550 г. (Тыс. кн., стр. 76).

Другие наименования этого вида: «Василей да Иванец Молчановы дети Ильина», 1550 г. (Тыс. кн., стр. 62); «Васюк Ошанин сын Ильина» (там же, стр. 62),; «Петр да Канбар Чюдиновы дети Окинфова» (там же, стр. 67); «Григорей Злобин сын Петрова» (там же, стр. 72); «Иван Большой Чиркин сын Романова» (там же, стр. 98); «Степанко Чепчюгов сын Клементьева» (там же, стр. 100).

Сло́ва «сын» (или «дети») после отчества могло и не быть: «Грише Болдину, порука отець его Болда» (Кн. ключ., стр. 24), «Данилку Курышкину, порука по нем отець его Курышка» (стр. 26 и др.).

В приведенных выше примерах за прозвищным отчеством следует христианское отчество отца. Употреблялись и наименования, в которых за прозвищным отчеством шло прозвищное же отчество отца (см. об этом ниже, в § 35).

§ **33.** Прозвищные отчества возникали как и христианские отчества и являлись притяжательными прилагательными, образованными главным образом с помощью суффиксов *-ов*, *-ин*. Например: «Клокъ Семеновъ сынъ Лупандинъ» и, Василей Клоковъ сынъ Лупандинъ, Безсона К л о к о в а сына Лупандина», 1577 г. (Зап. кн., стр. 41—42); «Иван Перепеча Мартьемьянов сын Посульщикова»; «Борис Иванов сын П е р е п е ч и н», 1526 г. (Ак. феод. земл., стр. 142).

§ **34.** Выше уже было отмечено, что прозвищные отчества могли занимать в наименовании второе место. Однако это происходит только тогда, когда в наименовании не было собственно-отчества, т. е. когда была нарушена основная норма наименования. Обычным местом прозвищного отчества в наименовании являлось место после собственно-отчества, т. е. третье место.

Например: «Федор Иванов сын Шолохов», 1510—1511 гг.; отца его звали «Иван Михайлов сын Чертова Шолох» (Ак. феод. земл., стр. 68); «Иван Васильев сын Лысков», 1518 г. (там же, стр. 79); отца его звали: «[Василей] Лыско Чертов» (Туп., стр. 290); «Денис [Иванов] Рагозин», 70-е годы XV в.; его отец «Рагоза Терентиев» (в той же грамоте) или «Иван Терентьев Рагоза», 1473—1489 гг. (Ак. феод. земл., стр. 83); «Костя Ширяй Иванов сын Близнецов»; его отец «Иван Близнец Иванов сын Ларионова», 1508—1509 гг. (там же, стр. 161) Ѳилька да Васька Дмитреевы дѣти Кобякова»; срвн. наименование отца: «Митьку Иванова сына Кобяка», 1570 г. (Самокв., II, стр. 598).

Также без слова «сын» перед прозвищным отчеством: «Григорей Федорович Колычев», около 1450-1470-х годов. (Ак. с.-в. Р., стр. 202). Отец его — «Федор Колыч» (указ. изд., прим. № 282, а также см. Врем., кн. IX, стр. 160). Срвн. также приведенное уже выше: «Денис [Иванов] Рагозин», 70-е годы XV в.

§ **35.** Однако в древнерусских памятниках встречаются наименования с двумя отчествами, причем оба отчества русские, прозвищные. В таких случаях одно прозвищное отчество стоит на втором месте в наименовании, а другое следует за ним, т. е. находится на третьем месте в наименовании.

«2 полка Васьки Истомина сына Шеломова» (Казанск. писц. кн., стр. 64); «[illegible] Левки Неклюдова сына Мышкина» (там же, стр. 65); «[illegible] Никитки Ширяева сына Ерошкина»

(стр. 61); «Алексей Басманов сын Плещеев», 1550 г. (Тыс. кн., 56); «Офоня Жданов сын Нащокин» (там же, стр. 91); «Иванец Угримов сын Судаков» (там же, стр. 96); «Русин Лихачев сын Палицын» (там же, стр. 97); «Костянтин Неклюдов сын Вышеславцов» (там же, стр. 98); «Гриша Нечаев сын Лопатин» (там же, стр. 99) и др.

Не являются ли в этих наименованиях первые патронимические формы собственно-отчествами? Полагаем, что нет. Полагаем на том основании, что в положении после патронимических форм они выступают в значении «прозвищ». Срвн.: «Басман Нечаев сын Колычев» и «Игнатий Игнатьев сын Нечаев», 1671 г. (Туп., стр. 723) или: «Гришка Бобров сын Шетнев» и «Андрей Данилов сын Бобров», (Тетр. двор., стр. 176) и т. п. Следует далее иметь в виду, что носители приведенных патронимических форм имели и отчества в собственном смысле этого слова. Так «Алексей Басманов Плещеев», как известно, имел отчество Данилович: «Алексей Данилович Плещеев» (Тетр. двор., стр. 113). Упомянутый выше из «Тысячной книги» «Григорей Нечаев сын Карамышев» имел отчество «Яковлев», срвн.: «Григорей Яковлев сын Карамышев» (Тетр. двор., стр. 124). И другие лица приведенного списка, разумеется, имели христианские отчества, так как в XV и XVI вв. не могло быть русских людей, которые не были бы носителями христианских (личных) имен.

Таким образом, первая из двух патронимических форм, образованных от русских имен, могла быть только прозвищной формой. Что касается второй формы, то она являлась прозвищной формой одного из предков именуемого. Отцом названного выше Алексея [Даниловича] Басманова Плещеева был Данила Андреевич Басман Плещеева.

Следовательно, наличие в памятниках письменности таких наименований, в которых представлены две патронимические формы, образованные от русских имен, не противоречит предложенному выше пониманию отчеств и прозвищных отчеств.

§ 36. Перед прозвищным отчеством, занимавшим в наименовании, как правило, третье место, нередко, как мы уже видели, ставилось слово «прозвище». То же самое слово, как нам известно из предшествующего изложения, ставилось и перед прозвищными именами, которые в отличие от личных имен могли занимать и второе и третье (последнее) место в наименованиях.

Почему же писцы одним и тем же словом называли хотя и родственные, однако по образованию своему все-таки различные формы? Мы полагаем, что случилось это именно потому, что были сходны функции этих слов. Рассматривая прозвищные имена, мы указали, что в тех случаях, когда имена эти занимали в наименованиях третье место (*Михаило Иванович Булгак*), они были не просто вторыми русскими именами, но они принимали на себя значение слова, которым данное лицо отличалось по наименованию от других, например, Михаилов Ивановичей, т. е. то значение, которому с течением времени в наиболее сильной степени стали служить фамилии [1]. В дальнейшей истории русских наименований эта функция с имен-прозвищ перешла к прозвищным отчествам. Именно поэтому по отношению к ним и стали употреблять то же самое слово «прозвище».

§ 37. В связи с тем, что основной функцией прозвищных отчеств было служить средством различения, становится вполне понятным, почему образования на *-ов* и *-ин* в составе наименований могли восходить не только к собственно-прозвищам, но и ко всяким другим словам, которые служили характеристикой того или иного человека. Особенно часто — и это вполне понятно — такие образования возникали от названий профессий тех или иных отцов. И бывает трудно провести границы между прозвищным отчеством и собственно притяжательным прилагательным, основываясь только на составе наименования.

Например: «Иванку Игнатову сыну Колесникову» и просто: «Иванку Колесникову» (Кн. ключ., первый пример на стр. 36—37, второй — на стр. 48); отец его — «Игнат Колесник» (там же, стр. 37). Срвн. «Игнату Колеснику полтина, сыну его Иванку 10 алтын» (там же, стр. 26).

«Иванку Игнатову сыну Сторожеву» (там же, стр. 14, 19) ;«Иван Игнатьев сын Сторожов» (стр. 53). Его отец— сторож. В той же книге он значится: «Сторожем городовым: Игнатью Офонасьяву сыну — 4 гривны» (стр. 58, стр. 49), «Игнаше денному сторожу у Святых ворот пол полтины» (стр. 32).

«[Максим] Федоров Кузне[цов]» (там же, стр. 53, л. 120); отец его: «Федор кузнец из Успенского» (там же, стр. 33).

«Степанку Дворникову сыну Туравского» (там же,

---

[1] На этом мы далее остановимся подробнее.

стр. 26). Не был ли отцом его: «Дворник» по имени «Стенька», о котором упоминается на стр. 65?

§ 38. Хотя случаи употребления слова «прозвище» перед отчествами в памятниках письменности XVI—XVII вв. и не являются редкостью, как на это мы указывали выше [1], тем не менее употребление этого слова перед соответствующими отчествами не составляло правила. Более того, в трехчленных образованиях интересующего нас вида слово «прозвище», как правило, не употреблялось. Объяснение этому следует видеть в том, что значение обоих видов «отчеств» и отношения между ними были понятны и без этого специального обозначения отчества-прозвища. Их значения в языке и взаимные отношения достаточно четко определялись, во-первых, их расположением в наименовании, а во-вторых, характером основ, от которых оба отчества образовывались.

Выражение отношений между двумя патронимическими формами с помощью слова «прозвище» было не обязательным, ибо любая христианская патронимическая форма, согласованная с предшествующим именем и за которой следовала другая патронимическая форма, являлась отчеством. И наоборот, любая патронимическая форма, образованная от русского имени и следовавшая после христианского отчества, являлась прозвищной формой, независимо от того, была ли она согласована с именем или не согласована с ним.

Примеры трехчленных наименований указанного вида (без слова «прозвище» перед соответствующими образованиями) встречаются в памятниках письменности интересующего нас времени очень часто. Поэтому мы ограничимся приведением лишь очень небольшого количества таких примеров. Они послужат для нас при этом не только иллюстрацией к только что изложенному положению, но и несколько расширят материал для наших последующих наблюдений. Вот эти примеры.

«Пятой Иванов сын Болобонов» (Ак. феод. земл., стр. 210); «Якимко Борисов сын Шухобалов», 1416—1417 гг. (там же, стр. 210); «Семен Остафьев сын Урывков», около

---

[1] Самый старший пример употребления слова «прозвище», приведенный выше (§ 25), относится к 1555 г., однако на основании данных словорасположения собственно-отчеств и прозвищных отчеств мы можем с уверенностью сказать, что различение между указанными отчествами осознавалось уже и в начале XV в.

1450 г. (там же, стр. 118); «Василей Алексеев сын Стогинин», 1495—1511 гг. (там же, стр. 248); «Андрей Тимофеев сын Рчинов», 1495—1511 гг. (там же, стр. 77); «Илейка Кузмин сын Овчинников», 1496 г. (там же, стр. 63); «Иван Голова Семенов сын Лыков», 1499 г. (стр. 232); «Михайло Губа Микулин сын Стогинин», 1501—1502 гг. (стр. 254);«Якуш Иванов сын Попов», 1504 г. (стр. 165); «Окул Васильев сын Деревлев», 1504—1505 гг. (стр. 63); «Яков Федоров сын Ушаков», 1505—1506 гг. (стр. 85); «Семен Лызло Михайлов сын Бортенев», 1507 г. (стр. 99); «Костя Ширяй Иванов сын Близнецов», 1508—1509 гг. (стр. 161); «Настасья Алексеева дочь Абабурова», 1525—1526 гг. (стр. 81).

Также без слова «сын» перед прозвищным отчеством: «Игнатей Федоров Метлин», 1416—1417 гг. (там же, стр. 210); «Гаврило Костянтинов Пушкин», 1448—1461 гг. (стр. 82); «Ивашко Матфеев Чюрьяков», 1462—1505 гг. (стр. 135); «А на розъезде были... Андрей Рчинов, Илья Гаврилов сын Мяхкоедов, Ивашко Борисов Елдегин», 1486 г. (стр. 58).

§ 39. Отчества в собственном смысле этого слова, как уже было сказано выше, выступают в наименовании всегда в одном виде — они согласуются с именем называемого. Состав наименования, который следует за отчествами, может иметь разные формы: он может быть согласован с именем, но может стоять и в форме родительного падежа. С чем связаны эти различия третьих составов наименования? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо выяснить происхождение этих составов наименований.

Остановимся сначала на случаях, когда третий состав наименования имеет ту же форму, что и собственно-отчество, т. е. когда он, как и отчество, согласован с именем. Вот примеры таких наименований.

После христианского отчества может находиться слово «сын» или «дети».

«дв. (-двор.— *В. Ч.*) сына боярского Замятни Андреева сына Безстужева» (Каз. писц. кн., 1566—1568 гг., стр. 29); «[л]авка] Федота Федорова сына Болотникова», 1566 г. (там же, стр. 60, 67, 19); «дв. князя Ивана княж Федорова сына Гагарина» (там же, стр. 23); «[л] Осипка Тимофеева сына Глухова» (стр. 60); «дв. Ивана Михайлова сына Головина» (стр. 15); «дв. Григорья Васильева сына Дятлова» (стр. 22); «дв. сына боярского Федосея Терентьева сына Заболоцкого», 1566 г. (стр. 15); «дв. князя Михайлов княж Федорова сына

Засекина» (стр. 26); «дв. Ивана Федорова сына Застолбского» (стр. 22); «[л] Богдана Васильева сына Каблукова» (стр. 60); «Прибору Суботы Григорьева сына Чаадаева» (стр. 38); «дв. князь Василья княж Григорьева сына Чеснокова» (стр. 28); «[л] Демки Иванова сына Шабалина» (стр. 63).

То же в наименованиях, в которых нет слова «сын»: «дв. Василья Микитича Бороздина» (стр. 28); «у Третьяка у Васильева Корноухова» (стр. 26).

Прозвищные отчества могли иметь форму родительного падежа, не согласованную со вторым составом наименования.

Если прозвищное отчество представляло собой притяжательное прилагательное, родительный падеж его имел формы на *-а*. Приведем примеры таких несогласованных прозвищных отчеств.

В наименованиях, имеющих слово «прозвище» перед прозвищным отчеством: «Трешка ... да Савка Терешкины дети, прозвище Парыгина», XVI в. (Зап. кн., стр. 23); «И Анница де замужемъ за Васкою Михайловымъ сыномъ, прозвище Стрельцова», 1576 г. (там же, стр. 30); «Оська Кирилов прозвище Посчеева сапожник з детьми», 1646 г. (Каз. писц. кн., стр. 83); «У посадцкова человека у Матюшки Олексеева сына, прозвище Сущина», 1646 г. (там же, стр. 106).

Точно так же — в наименованиях, не имеющих слова «прозвище».

«Елизар Собака Михайлов сын Неронова», 1498—1499 гг. (Ак. феод. земл., стр. 194); «Семен Иванов сын Шастина», 1498—1499 гг. (стр. 259); «Микула Михайлов сын Чертова» (стр. 27), «з Гришею с Васильевым сыном Соболева», 1499—1500 гг. (стр. 168); «Гришук Кузьмин сын Рагозина», 1499—1500 гг. (стр. 169); «Михайло Иванов сын Внукова», 1495—1511 гг. (стр. 135); «Иван Кривой Андреев сын Некрасова, да Остр Микулин сын Чертова, да Истома Борисов сын Елдегина, да Неклюд Семенов сын Якшилова», 1506—1507 гг. (стр. 60); «Андрейко Михайлов сын Гнездина», 1516—1517 гг. (стр. 175); «Семен Васильев сын Буженинина», 1515 г. (стр. 162); «Угрим Васильев сын Внукова», 1515 г. (стр. 162); «Нечай Юрятин сын Новикова», 1515 г. (стр. 162); «перед Богданом Семеновым сыном Москотиньева», 1525 г. (стр. 166); «перед Шатилом Никитиным сыном Макашева», 1525 г. (стр. 166); «Басалай Григорьев сын Рагозина», 1528 г. (стр. 194); «Василей Федоров сын Сурмина», 1526 г. (стр. 80) и т. д.

В памятниках представлены и наименования, где прозвищное отчество имеет форму родительного падежа, но перед

ним слово «сын» не стоит: «Иван Федорович/ь/ Сабурова» (Ак. с.-в. Р., стр. 64); «Иван Никифоров Пополутова», 1453 г. (Ак. феод. земл., стр. 256); «с Александром з Григорьевым Сурватского», 1501—1502 гг. (там же, стр. 184); «Семен Сокол Григорьев Чертова», 1512—1513 гг. (там же, стр. 78); «Нечай Никитин Новикова», 1526 г. (там же, стр. 74, 80) и др.

Не может быть никакого сомнения в том, что формы на *-а* приведенного вида появились в этих прозвищных отчествах под влиянием очень употребительных наименований, в в которых они возникали вполне закономерно, см. об этом выше.

§ 40. Прозвищные отчества не всегда по форме были сходны с притяжательными прилагательными. Они могли иметь форму обыкновенных прилагательных. В таких случаях форма родительного падежа этих прилагательных-отчеств была, разумеется, иной.

Со словом «сын» перед прозвищным отчеством: «Кабала на Ульяна Лазарева сына, прозвищо Первово...», 1588 г. (Зап. кн., стр. 7); «Ивашко Иванов сын, прозвище Косого», 1646 г. (Каз. писц. кн., стр. 74); «князь Петр княж Семенов сын Серебреного» (Тыс. кн., стр. 55).

Без слова «сын»: «на Володимера на Долгоруково», 1496 г. (Ак. с.-в. Р.,стр. 500); отец Володимера —«Иван Долгорукой» (Врем. 9, стр. 49); «Федор Иванович Умного», боярин (Тетр. двор., стр. 187, л. 113), он же: «Федор Иванович Умного Колычов», окольничей (там же, стр. 113, л. 87 об.), он же: «Федор Иванов сын Умного Колычов», сын боярский (Тыс. кн., стр. 60, л. 121 об.), он же с братом: «Федор да Василей Ивановы дети Умного Колычова» (Тетр. двор., стр. 198, л. 148 об.); наименование отца: «Иван Умной Иванович Колычев», окольничий (Тыс. кн., стр. 55, л. 114); «Князь Василей Семенович Серебреного», «князь Василей, да князь Петр Семенович Серебреного» (Тетр. двор., стр. 112); отец их — «Князь Семенъ Серебряной» (Врем. 9, стр. 49) или «князь Семенъ Дмтрiевичь Серебряной», 1579 г. (Врем., кн. 14, стр. 12).

§ 41. Явление, обратное описанному, его можно было бы назвать диссимиляцией форм, наблюдаем в наименованиях с формами отчеств, представляющих собой формы родительного падежа единственного числа. Закономерно, по требованиям грамматики, существовавшие в этих наименованиях формы родительного падежа прилагательных заменяются

формами, согласуемыми с именем, т. е. формами именительного падежа. Например, выше было приведено наименование: «Федор Иванович Умного» и другие подобные, что и отвечает действительным отношениям «Федора» к «Ивану Умному», однако брат его именуется так: «Василей Ивановичъ Умной Колычевъ», 1571 г. (Туп., стр. 464).

В указанном же параграфе было приведено наименование «Петр Семенович Серебреного» (отец его — «Семен Серебряной») и другие такие же наименования. Между тем в другом источнике он именуется: «Петръ Серебряной», «Петръ Семеновичь Серебряной», «Петру Семеновичу Серебряному» (Врем. кн., 14, стр. 6, 7).

У Федора Ушатого («Федор Ушатой», Врем. кн. 9, стр. 151) среди сыновей были: Василий и Константин. Вместо ожидаемой формы отчества в родит. пад. единств. числа они именуются обычно с формой, согласуемой с именем. Первый из них уже в родословной назван «Василей Ушатой» (указ. источник, стр. 61) Срвн. также: «У князя у Василья Ушатого», около 1460—1470-х годов (Ак. с.-в. Р., № 391, стр. 284); «княжо Васил/ь/во Ушатого жеребец», перед 1497 г. (там же, № 612, стр. 523). Другой сын Федора, брат Василия, постоянно именуется «Костянтин Федоровичь Ушатой», перед 1491 г. (там же, стр. 442). Так же в «Разрядной книге»: «Константин Федорович Ушатой», под 1492 г. (стр. 15) и в других местах.

В «Разрядной книге» так же постоянно именуется брат (?) Константина: «князь Іван княж Федоровъ сынъ Ушатой», 1502 г. (стр. 31); «Иван Ушатой», 1503 г. (стр. 33); «Ивану Ушатому», 1509 г. (стр. 42); «Івану Федоровичу Ушатому», 1512 г. (стр. 44, 47) и т. д.

§ 42. Прозвищные отчества могли представлять собой также прилагательные, образованные с помощью суффикса *-/ь/ск*. Срвн.: «Бориско Григорьев сын, прозвище Сухановской», 1646 г. (Каз. писц. кн., стр. 89); «Федько Микитин сын Зубцевской», до 1509 г. (Ак. феод. земл., стр. 121); «Дмитрей Лазарев Смердовской», 1467 г. (там же, стр. 134); «Третьяк Васильев сын Сурогодцкой», 1600 г. (там же, стр. 240) и т. п.

Также — в форме родительного падежа: «Афонасей Михайлов сын Кучецкого», 1496 г. (Ак. феод. земл., стр. 56); «Остафей Михеев сын Рычковского», 1526—1527 гг. (там же, стр. 114); «Иван Микулин сын Кузминского», 1499 г.

(стр. 141); «на Лобане на Федорове сыне на Всеволожского», 1519—1520 гг. (стр. 144); «Гриша Юрьев сын Масленицкого», 1514—1515 гг. (стр. 163); «Родион Иванов сын Волкушского», 1516—1517 гг. (стр. 175); «князь Иван княжь Романов сын Болховского», 1521 г. (стр. 177); «Се яз Семен Степанов сын Рознежского», первая половина XV в. (стр. 206) и т. п.

Также без слова «сын»: «с Александром з Григорьевым Сурватского», 1501—1502 гг. (там же, стр. 184).

Итак, как мы уже указывали выше, собственно-отчества и отчества-прозвища, кроме суффиксов, которые были для тех и других слов общими, имели еще суффиксы, служившие для образования только одного определенного вида отчеств.

ГЛАВА V

РАЗВИТИЕ ОТЧЕСТВ

1. СОСТАВ ДРЕВНЕРУССКОГО НАИМЕНОВАНИЯ

§ 43. Прежде чем переходить к вопросу о дальнейшей истории, о дальнейшем развитии отчеств в русском языке, остановимся на том, каким было древнерусское наименование лица. Каков был состав древнерусского наименования?

Как мы уже говорили, в древней Руси XIV—XV вв. наличие прозвищного отчества именуемого, как и прозвища, было не обязательным. В связи с этим станет ясно, что в русском языке XIV—XVI вв. наименования нередко должны были состоять всего из двух слов — из имени и собственно-отчества (или прозвищного отчества). Действительно, такие наименования были в употреблении. В памятниках письменности может быть найдено весьма большое количество наименований подобного рода. В наименованиях, состоящих из имени и христианского отчества, последние выступают в значении собственно-отчеств, т. е. являются образованиями от личного имени отца. На это может указывать:

1) слово «сыну», идущее после христианского отчества и приводимое тут же имя отца: «Федьке Софронову сыну с Михальцева, порука отець его Софрон» (Кн. ключ., стр. 49).

«Михалку Васильеву сыну, порука отець его Василей» (там же, стр. 49); «Истомьке Грезе Кузьмину сыну 9 алтын, а порука отец его Кузьма» (там же, стр. 14); «Ваське Деменину сыну пол 9 алтын, порука по нем

отець его Деменя» (стр. 26, л. 36); «Тимошке Фролову сыну, порука отець его Фрол» (стр. 48).

Слово «сын» могло и опускаться. Срвн.:«Медведю Карпову сыну» (там же, стр. 25) и «Медведю Карпову... а порука по нем отець его Карп» (стр. 19); «Худяку Ермакову сыну, порука отець его Ермак» (стр. 13) и «Худяк Ермолин, порука отец его Ермола» (стр. 69).

2) Только имя отца, приводимое рядом:

«Федько Софронов, порука отец его Софрон», 1557 г. (Кн. ключ., стр. 69); «Ваське Петрову, порука по нем отец его Петр» (там же, стр. 14); «Сеньке Микифорову, порука отець его Микифор» (там же, стр. 14); «Тимофей Фролов, порука отец его Фрол» (там же, стр. 69); «Федько Макеев, порука отец его Мокей» (там же, стр. 69).

3) Только форма на *-ов*, *-ин*:

«Володьке Иванову 4 гривны» (там же, стр. 69); «Козлу Ермолину»; «Климу Кузьмину»; «Левону Парфенову» (там же, стр. 69); «Федьке Иванову... Мелеху Тимофееву... Ортюшке Павлову», (стр. 69—70) и многих других.

Двучленные наименования могли состоять также из имени и прозвищного отчества именуемого. Это именования с одним русским отчеством, образованным от прозвищного имени отца.

Приведем сначала примеры, где вместе с таким неполным двучленным именованием указано и русское прозвищное имя отца.

«Грише Болдину, порука отец его Болда» (Кн. ключ., стр. 24); «Данилку Курышкину, порука по нем отець его Курышка» (там же, стр. 26). «Микифору Соколову пасынку, порука Сакол» (там же, стр. 48).

Именования подобного рода особенно часты при повторении. «/л/ Демки Иванова сына Шабалина» (Каз. писц. кн., стр. 63) и: «/в/ Демка Шабалин» (там же, стр. 18); «/л/авка/ Федота Федорова сына Болотникова (стр. 60, 67, 19)» и: «2 лавки сряду Федота Болотникова» (стр. 60 и 65); «/л/ Истомки Дементьева сына Оботурова стрельца» (стр. 61) и: «/в/ Истомка Оботуров» (стр. 39); «дв. сына боярского Мансура Матфеева сына Товарыщева» (стр. 28) и: «у Мансура у Товарыщева» (стр. 28).

§ 44. Однако подобные двучленные наименования могли быть надежным средством для различения людей в пределах сравнительно небольшого района или хозяйства и были вов-

се недостаточны для различения людей в пределах государства. Поэтому в государственной официальной письменности была тенденция именовать людей более полно: не двучленными наименованиями, а трехчленными. И даже трехчленные наименования не всегда оказывались достаточными.

В связи с этим представляет интерес следующий эпизод из истории русского народа XVII в. В 1629 г. заспорили два сына боярские: ярославец Василий Михайлов сын Малыгин и тверитин Иван Прохоров сын Воейков. Первый предъявил иск ко второму, у которого искал «беглова своего человека Игнашки Степанова з женою и з детьми, да сносу 30-ти двух рублей с полтиною» (Яковлев, стр. 442). Второй встречно бил челом «на беглова своего на стариннова человека Куземку Михайлова сына», который якобы сбежал от него к Малыгину. Как показал ход судебного разбирательства, поводом для встречного иска явилось совпадение имен и отчеств одного из крепостных Воейкова с крепостным Малыгина. Разбирательство свелось к установлению родословных «беглецов». Оказалось, что отец «Куземки Михайлова», который бежал от Воейкова, был «Горяйков сын Михалко», а дед его — «Дениско, прозвище Горяйко Кузьмин сын». Возражая истцу, Малыгин говорил: «вось де у него и был Куземко, да не тот; а тот де Куземко ево Васильев старинной. А холоп сказал — зовут де ево Куземкою Михайлов сын Денисов, а Денис — Васильев сын, а прозвище Денису Жук, а не Горяйко» (стр. 447). Истец заявил на это: «Будет де в кабальных книгах написан тот человек Жюков, хочю де тем прав и виноват быть. И ответчик Василей сказал: пишут де в кабалы отца человеку да деда, а прозвище деду мало пишут» (Яковлев, стр. 446).

Если именование состоит из одного личного имени (Иван, Верига), вопроса о составе наименования не возникает. Если именование состоит из двух личных имен (Дмитрей Щербак, Иванко Горяин), возникает вопрос об отношениях между этими личными именами. Об этом речь шла выше (см. главу II). Когда в именование, кроме личного имени (или двух личных имен), входит еще форма на *-ов* и *-ин*, вполне естественно считать ее отчеством. Когда в именование входит две таких формы, возникает вопрос о значении этих форм самих по себе и в составе наименования. Об этом мы также уже говорили (глава IV).

Хотя, как показывает приведенный пример, даже трехчленные наименования не всегда были достаточными, тем

не менее именно трехчленные наименования оказались наиболее жизненными. Возникали они прежде всего на основе тех наименований, отцы носителей которых имели личное имя и прозвище. Срвн. какое-нибудь «Борис Иванов сын Перепечин», отца которого звали *Иван Перепеча.*

Каким же образом при описанных условиях должны были именоваться дети, отцы которых не были носителями прозвищных имен? В указанных случаях пользовались следующими двумя возможностями: в состав наименования лица, отец которого не имел прозвища, кроме отчества, образованного от личного имени отца, включали еще отчество отца: отчество в собственном смысле слова или прозвищное отчество. Остановимся на каждом из этих двух наименований по отдельности.

§ 45. В памятниках письменности часто встречаются наименования, в которых в качестве третьего члена наименования, как уже говорилось в предшествующем параграфе, бывает представлено не прозвищное отчество именуемого, а отчество отца или прозвищное отчество отца именуемого лица.

Наименования с собственно-отчеством отца именуемого лица.

В таких случаях отчества отца, понятно, образовывались, как и собственно-отчества, от христианских, греческих имен и, как правило, имели форму родительного падежа.

«Григорей Никитин сын Данилова» 1499—1500 гг. (Ак. феод. земл., стр. 168, 169); отец его: «Никита Данилович», 1486 г. (там же, стр. 51); срвн. также:« За Никитою за Даниловым», 1497—1498 гг. (там же, стр. 149);

«Иван Данилов сын Лазарева», 1524—1525 гг. (там же, стр. 138); срвн.: «Данило Лазарев да сын его Иван», 1495—1511 гг. (там же, стр. 135);

«Иван Андреев Потапова», 1514—1515 гг. (там же, стр. 163); отец: «Андрей/ко/ Потапов», 1504 г. (там же, стр. 164), первая четверть XVI в. (там же, стр. 165).

«Неклюд Семенов сын Якшилова», 1506—1507 гг. (там же, стр. 60), 1526 г. (там же, стр. 72, 73, 74). Отец его «волостель селецкой Семен Якшилов»,1495—1496 гг. (там же, стр. 61, 63, 64, 65);

«Иванку Семенову сыну Власова, порука по нем отец его Семен» (Кн. ключ., стр. 19). В другом месте отец его назван: «Семен Власов» (там же, стр. 30, сноска);

«Оладья Андреев сын Климентьева», подьячий, 1464—1473 гг. (там же, стр. 252); «яз Близнець Иванов сын Ларионова», 1495—1511 гг. (там же, стр. 135); 1499—1500 гг. (там же, стр. 169) и др.; «Борис да Костянтин Никитины дети Григорьева», 1499 г. (там же, стр. 141); «Первой Борисов сын Яковлева», крестьянин 1600 г. (стр. 240) и др. Наименования такого рода встречаются очень часто.

§ 46. Во всех приведенных выше примерах отчество отца именуемого всегда выступает в форме притяжательного прилагательного на *-ов*, *-ин*, даже в тех случаях, когда в наименовании отца было представлено отчество с *-вичем* (срвн.: «Григорей Никитин сын Данилова» и «Никита Данилович»). Однако не всегда было так: отчество отца могло перейти в наименование сына и в той форме, в какой оно выступает в наименовании отца, срвн., например: «Семен Фомин сын Даниловича», 1496 г. (Ак. феод. земл., стр. 56) и отец: «Фома Данилович», 1458 г. (там же, стр. 118), 1467 г. (стр. 134); «Костянтин Богдан Федоров сын Юрьевичя», 1522 г. (там же, стр. 112) и отец: «Федор Юрьевич», 1486 г. (там же, стр. 51), 1467 г. (стр. 133), 1474 г. (там же, стр. 53);

«Русин Федоров сын Фомичя», 1525—1526 гг. (там же, стр. 70, 72), 1526 г. (стр. 79, 80, 142 и др.) и отец: «Федор Фомич»; «Честной Васильев сын Юрьевича», 1509 г. (Ак. феод. земл., стр. 121); отец: «Василей Юрьевич», 1497 г. (там же, стр. 26), «Василей Юрьевич Степанов», 1486 г. (там же, стр. 51); «Иван да Василей Петровы дети Яковлевича» (Тетр. двор., стр. 158); отец: «Перед Петром Яковлевичем Захарьича», 1527 г. (Дух. и дог. гр., стр. 472), и наименование деда: «Захарья Иванович/ь/», 1438 г. (Ак. с.-в. Р., стр. 100).

§ 47. Трехчленные наименования с прозвищным отчеством отца именуемого.

Прозвищные отчества отцов именуемых образовывались от прозвищных имен и также могли иметь формы родительного падежа. Рассмотрим случаи, когда третий состав наименования имеет форму родительного падежа.

«Се яз Юрьи да яз Федор Борисовы дети Перепечина» 1519—1520 гг. Дед их: «Иван Перепеча Мартьемьянов сын Посулыщикова» и отец: «Борис Иванов сын Перепечин», 1526 г. (Ак. феод. земл., стр. 143).

«Федько, да Ондрейко, да Якуш Ивановы дети Струнина»; дед их называл себя: «Се яз Федор Струна Сухерин», 1498.

(Ак. феод. земл., стр. 109). Форма «Струнина» восходит, следовательно, к имени деда, это — прозвищное отчество отца.

«... перед Богданом Семеновым сыном Москотиньева»; отец носителя этого наименования был «Семен Москотиньев» (Врем. IX, стр. 101), а дед — «Петр Москотинье» (Врем. 9, стр. 101); «Семен Михайлов сын Ощерина был послухом на духовной грамоте князя Андрея Ивановича Стародубского» в 1557 г. (Лет. арх. ком., отд. 1, Исследования, стр. 76). Брат отца Семена Михайловича именуется: «Иванъ Ивановичъ Ощерин», 1514 г. (там же, стр. 76), а дед, как и следовало ожидать: «Иванъ Василіевич Ощѣра» (Дух. и дог. гр., стр. 224) или «Иван Ощѣра», 1446 г. (Моск. лет. св., стр. 68).

У упомянутого выше Семена Федоровича Сабурова (Пешка) был брат «Иван Федорович Сабуров», около 1430 г., который не имел прозвищного имени (Ак. с.-в. Р., стр. 63, 64). У Ивана Федоровича было два сына. Они именуются в источниках по-разному — по отчеству и отчеству отца: «меня, Федора, да брата моево Семена Ивановых детей Федорович/а/»; по отчеству и прозвищному отчеству отца: «Яз, Федор Ивановичь да яз брат ево Семен Ивановичь, Сабуровы...» 1474—1484 гг. (там же, стр. 332); тем и другим способом: «Се ꙗз, Федор да ꙗз, Семен, Ивановы дѣти Федорович/а/ Сабурова», (там же, стр. 333, 334).

Собственно-отчество именуемых лиц могло быть в наименовании и не представлено. Прозвищные отчества отца могли следовать не только после христианских отчеств (см. в предыдущем параграфе), но и после прозвищных отчеств. Тогда в связи с названием именуемого «сын» («дети»), которое ставилось после прозвищного отчества, отчество отца могло также иметь форму родительного падежа.

«Григорей да Степан Папины дети Вислоухова» (Тыс. кн., стр. 84). Отец их: «Федор Папа сын Семена Вислоуха Ивановича Сабурова» (Врем., 9, стр. 163). В именовании не представлено, таким образом, собственно-отчество («Федоровы»), форма Вислоухова — прозвищное отчество отца.

Другие примеры:

«Денис Шеметов сын Воробьева» (Тыс. кн., стр. 66); «Микита Казаринов сын Голохвастова» (там же, стр. 71); «Урак Булатов сын Мордвинова» (там же, стр. 72); «Бровка Коптев сын Кондырева» (там же стр. 73); «Сенка Ширяев сын Пушечникова» (там же, стр. 75); «Иван да Василей да Ондрей Рахманиновы дети Суседова» (там же, стр. 76); «До·

машней да Меншик Чюдиновы дети Новасильцова» (там же, стр. 76) и др.

§ 48. До сих пор речь шла о трехчленных наименованиях, в которых после личного имени шли отчество и прозвищное отчество именуемого, или отчество и отчество отца, или прозвищное отчество отца именуемого, или, наконец, отчество или прозвищное отчество деда или другого представителя старших поколений.

Наименования этого вида могли оказаться распространенными прозвищными отчествами или прозвищными отчествами отцов именуемых, и тогда они принимали вид четырехчленных наименований, подобных следующим:

«Кузьма Андреев сын Стригина Ларионова», 1521 г. (Ак. феод.земл., стр. 177); «Кузьма да Митроша Андреевы дети Стригина Ларионова», 1508—1509 гг. (там же, стр. 161). Вероятно, это более полная форма наименования: «Кузяй Андреев сын Стригин», 1515 г. (там же, стр. 162). На это указывает наличие в акте 1521 года наименования «Иван Близнецов», отец которого упоминается в акте 1515 г. Оба акта относятся к Владимирскому уезду. «Гришук да Костя Кузмины дети Ларионова Рагозина», 1499—1500 гг. (Ак. феод. земл., стр. 169); «Шарап Семенов сын Гаврилова Баскаков», 1519 г. (там же, стр. 122); «Иван Васильев сын Юрьева Сурмина», 1499 г. (там же, стр. 160); «Будай Угримов сын Болтин-Хрущов» (Тыс. кн., стр. 99); «Матвей Третьяков сын Колычев Лошаков» (там же, стр. 90).

§ 49. Прозвищные отчества-прилагательные, имеющие значение отчеств отца именуемых, выступают в разных видах.

Дети упомянутого выше Василия Ушатого, отцом которого был «Федор Ушатой», именуются в «Разрядной книге» по-разному.

В форме родительного падежа:
«Княз Юрьи княж Васильевъ снъ Ушатого», 1519 г. (стр. 65); «Князь Василей Чюлокъ княж Васильевъ снъ Ушатого» или: «Ушатаго», 1531 г. (стр. 82), 1515 г. (стр. 57), 1524 г. (стр. 75), 1536 г. (стр. 99), 1516 г. (стр. 62), «княз Юрьи болшой княж Васильевъ снъ Ушатого», 1532 г. (стр. 88); «Князю Василью Чулку княж Васильеву сну Ушатого», 1538 г. (стр. 104).

В форме именительного падежа:

«Князь Юрьи Ушатой», 1520 г. (стр. 68), 1521 г. (стр. 71); «Княз Василей княж Васильевъ снъ Чулокъ Ушатой», 1513 г. (стр. 53), 1542 г. (стр. 115); «Князь Василей Чюлок Ушатой» 1517 г. (стр. 63), 1520 г. (стр. 65), 1521 г. (стр. 70), 1539 г. (стр. 107); «Княз Василей Чулок Васильевичь Ушатой», 1538 г. (стр. 105), 1540 г. (стр. 188), 1541 г. (стр. 113).

В форме множественного числа:

«Князю Юрью да князю Василью Чюлку Ушатым», 1527 г. (стр. 76); «Князь Юрьи да князь Василей Чюлок Ушатые», 1527 г. (стр. 76, 77); «князя Василья Чюлка да князя Юрья Ушатых», 1533 г. (стр. 90).

Другие примеры отчеств отца — прилагательных:

«Борис Иванович/ь/ Горбатой купил еси» ...1503—1504 гг. (Ак. с.-в. Р., стр. 564). Он же «Борисъ Горбатой» (Врем., кн. 14, стр. 4), 1514 г. (Туп., стр. 169); отца звали Иваном, деда тоже Иваном; от последнего и идет это отчество отца. Дед упоминается в грамоте 1448—1455 гг., но без прозвища: «Иванъ Васил/ь/евич/ь/» (Ак. с.-в. Р., стр. 159); «По князя по Федора но княжо Володимерова сына Долгоруково», 1503—1504 гг. (Акт. с.-в. Р., стр. 564).

Но прозвищное отчество отца могло сохраниться в наименовании и при наличии в нем уже другого прозвищного отчества именуемого лица.

У Ивана III и Василия III, великих князей московских, был воевода боярин «Федор Сабур» (Тип. лет., прил. 1-е, стр. 231). Сам он называл себя «Федор Иванович» — см. его подпись в грамоте 1423 г. (Ак. с.-в. Р., стр. 47).

Среди детей «Федора Сабура», оставивших потомство, были «Иван» и «Семен Пешок». Они именуются с двумя отчествами — христианским и прозвищным: «Иван Федоровичь Сабуров», послух, около 1430 г. (там же, стр. 63); «Семен Федоровичь Сабуров», послух 1468—1472 гг. (там же, стр. 277); 1471 г. (Тип. лет., стр. 191). Прозвище «Пешок» во встретившихся нам наименованиях не употреблялось. О его сыне в «Дворовой тетради 50-х годов XVI в.» говорится: «Дмитрей Семенов сын Пешков-Сабуров. Умре» (стр. 148). Здесь представлены и прозвищное отчество именуемого и прозвищное отчество отца именуемого. Но в наименовании представителя следующего поколения прозвищного отчества отца именуемого могло и не быть. Сын Дмитрия, окольничий, написан в том же источнике и с прозвищным отчеством отца: «Семен Дмитреев Пешков-Сабуров» (Тетр. двор., стр. 113),

и без этого отчества: «Семен Дмитреевич Пешков» (там же и в Тысячн. кн., стр. 54), так как отец его прозвища не имел.

У Дмитрия Пешкова-Сабурова был брат Федор Муса; у него был сын Михаил, у которого, в свою очередь, был сын Михаил. Последний в «Тысячи. книге» и записан следующим образом: «Михайло Михайлов сын Мусин-Пешков-Сабуров» (Тыс. кн., стр. 54, л. 119).

Вполне понятно, что отчества отца именуемых подлежали смене из поколения в поколение, как и собственно-отчества.

Срвн., например, наименование отца: «Андрей Потапов сын Есипова», кон. XV — нач. XVI вв. (Ак. феод. земл., стр. 178); наименование сына: «Иван Андреев Потапова», 1514—1515 гг. (там же, стр. 163).

Наименование отца: «Перед Петром Яковлевичем Захарьича», 1527 г. (опись 1626 г., Дух. и дог. гр., стр. 472); наименования сыновей: «Иван да Василей Петровы дети Яковлевича» (Тетр. двор., стр. 158), «Василей Петров сын Яковля» (в другой редакции: «Яковлева», Тыс. кн., стр. 59), «Иван Петрович Яковля» (в другой редакции «Яковлева») (Тетр. двор., стр. 112), «Захарей Петрович Яковлев» (Тетр. двор., стр. 112).

Из приведенного материала следует, что отчество отца именуемого могло выступать в его наименовании в нескольких видах: с суффиксом *-ов*, *-ин*, с суффиксом — *jь* и с так называемым *-вичем*.

2. РАЗВИТИЕ ПРОЗВИЩНЫХ ОТЧЕСТВ

§ 50. Перейдем к вопросу о том, как развивались в своей истории п р о з в и щ н ы е о т ч е с т в а.

Принципиально они развивались так же, как и собственно-отчества. Значение прозвищных отчеств изменялось также из поколения в поколение, оно изменялось в именовании представителей следующего же поколения. Для этого были соответствующие условия, если представители поколений были носителями не только личных имен, но и имен прозвищных. Но в то время как развитие собственно-отчеств начиналось с того, что в именованиях последующего поколения они становились отчеством отца именуемого и в связи с этим занимали в наименовании третье место, развитие прозвищных отчеств начиналось с перехода их в другое поколение как прозвищных отчеств отца. При этом им не приходилось изменять своего положения в наименовании, так как они и до этого занимали в наименовании третье место.

Приведем примеры смены прозвищных отчеств. В конце XV в. при Иване III был воевода Иван Булгак. В «Московском летописном своде под 1481 г.», например, говорится, что великий князь послал в Немецкие земли «воеводъ своих с силою, князя Ивана Васильевича Булгака да князя Ярослава Васильевича Оболеньского» (стр. 329).

У Ивана Булгака было несколько сыновей. Среди них двое именовались, как и отец, по имени и прозвищу: «Михайло Голица» и «Ондрей Курака». Тот и другой из них в зрелом возрасте именовались с двумя отчествами, одно из которых, было прозвищным; срвн.: «Михайло Ивановичь Булгаков» 1579 г. (Врем., кн. 14, стр. 3); «Ондрей Ивановичь Булгаков», 1579 г. (там же); прозвища в наименованиях не представлены.

Сын Михаила-Голицы именуется уже так: «Юрьи Михайловичь Голицын (там же , стр. 16), но мог именоваться и иначе — с прозвищным отчеством отца, что было привычнее: «Юрьи Михайловичь Булгаков» (стр. 8); так же именуется он и в «Дворовой тетради 50-х годов XVI в.» (см. стр. 111).

Дети Юрья — Иван и Василий — именуются также поразному: «Ивану Юрьевичу Голицыну» (Врем., кн. 14, стр. 6, 7, 17 и др.), но и «Иван Юрьевич Булгаков» (там же, стр. 7); «Василей Юрьевич Голицын» (стр. 12), и «князь Иван да князь Василей княж Юрьевы дети Булгакова» (Тетр. двор., стр. 138) — дети боярские по Переславлю-Залесскому. «Васюкъ Булгаковъ» бил челом Ивану Грозному в 1582 г. «Иван Юрьевич», новгородский воевода, пишется Булгаковым, Голицыным и Булгаковым-Голицыным.

Дети Ивана и Василия пишутся только Голицыными. Один из них — Ондрей Голицын — вел счетное дело своего дяди Григорья Андреевича с Трубецким в 1579 г. Иван Васильевич Голицын: «князя Ивана Васильевича Голицына» (Арз. ак., стр. 311), 1607—1615 гг. (см. там же, стр. 431).

Не сразу же стало фамилией и прозвищное отчество от прозвищного имени Курака. С наименованиями детей Ондрея Кураки дело обстояло точно так же. Мы уже говорили, что носитель этого отчества первоначально именовался Булгаковым. Сыновья Ондрея именуются по-разному. Они именовались и своим прозвищным отчеством: «Федора Ондреевича Куракина» (Врем. кн. 14, стр. 16); «Григорью Ондреевичу Куракину» (там же, стр. 17); «князь Григорей княж Ондреев сын Куракин» — сын боярский 2-й статьи по Переславлю (Тетр. двор., стр. 58 и Тыс. кн., стр. 56). Но могли

именоваться и с прозвищным отчеством отца: «Григорей Ондрѣевич Булгаков» (Врем., кн. 14, стр. 11, между прочим и в царской грамоте). Так же именуется он вместе с братьями в Тыс. кн. (стр. 138) и Тетр. двор. (стр. 111): «князь Дмитрей, да князь Петр, да князь Иван, да князь Григорей княж Андреевы дети Булгакова» — дети боярские по Переславлю Залесскому. Они могли именоваться также и Булгаковыми-Куракиными: «Федор Ондрѣевичь Булгаков Куракин», т. е. с двумя прозвищными отчествами — своим и отца.

И в последующем поколении прозвание прадеда еще было употребительно: см. Тетр. двор., стр. 138, «воеводы князя Ондрѣя Петровича Куракина», 1607, (Самокв., стр. 526, 529, Ак. Шуйск., стр. 60, 94 и др.).

Таким образом, фамилии Голицыны и Куракины должны были выдержать серьезную борьбу с фамилией Булгаковы, прежде чем войти в оборот.

Другой пример. Срвн.: «Иванъ Лобанъ Ондрѣевичъ Колычевъ», 1495 г. (Туп., стр. 285); «Иван Умной Ивановъ с. Лобанова Колычева» (Туп., стр. 464); «Федор Ивановичъ Умного» (Тетр. двор., стр. 113, л. 87), обычно добавляется «Колычева»;

Срвн: «Иван Перепеча Мартьемьянов сын Посулыщикова», «Борис Иванов сын Перепечин», 1526 г. (Ак. феод. земл., стр. 142) и «Федор Борисов сын Перепечин», дворовый сын боярский по Суздалю, 50-е годы XVI в. (Тетр. двор., стр. 154);

«Василей Лыско Михайлов Чертов» и «Иван Васильев сын Лысков», 1510—1511 гг. (Ак. феод. земл., стр. 68, см. также в грамоте 1518 г. на стр. 79).

Однако прозвищное отчество отца может сохраниться и в именовании внуков наряду с прозвищным отчеством. Упомянутый выше Иван Лысков и его родные братья могли именоваться и так: «Иван да Григорей да Шишка да Яков Васильевы дети Лысковы Чертова», 1518 г. (Ак. феод. земл., стр. 79); «Игнатей Шишка Васильев сын Лыскова Чертов», 1525—1526 гг. (там же, стр. 81); «За Григорьем Васильевым сыном Лыскова за Чертовым», 1525—1526 гг. (там же, стр. 81).

Прозвищное отчество даже могло оказаться вовсе опущенным: «Иван да Григорей да Шишка да Яков Васильевы дети Чертова», 1512—1513 гг. (там же, стр. 78); «Се яз Григорей Васильев сын Чертова», 1517—1518 гг. (там же, стр. 81); «Гридя Васильев сын Чертова»; «Шишка Васильев сын Чер-

това», 1525—1526 гг. (там же, стр. 72); «Иван Васильев сын Чертова», 1495—1511 гг. (там же, стр. 77).

В именованиях тех же лиц могли быть опущены и христианские отчества: «Се яз Гридя Лысков сын Чертова», 1518—1519 гг. (Ак. феод. земл., стр. 82); «Шишка Лысков сын Чертова», 1518—1519 гг. (там же, стр. 82); «Ивана Лыскова сына Чертова», 1510—1511 гг. (там же, стр. 58).

Однако описанной выше смены прозвищных отчеств из поколения в поколение могло и не происходить. Это имело место при следующих условиях: если представитель того или иного рода носил только одно христианское имя и не имел прозвища. Следовательно, судьба прозвищных отчеств, возникавших в именованиях, носители которых личных прозвищ не имели, складывалась гораздо проще. Прозвищное отчество переходило тогда из именования отца к сыну и в этом новом именовании не испытывало тех неудобств, которые вносились *прозвищными* отчествами именуемых (см. предшествующий параграф). Например, дети брата упоминавшегося выше Василия Лыско Михайлова Чертова — Микулы Михайлова Чертова — «Микула Михайлов сын Чертова», 1497 г. (Ак. феод. земл., стр. 27), вместе с братьми в документе 1486 г. (там же, стр. 58) постоянно пишутся с прозвищным отчеством отца и с пропуском его христианского отчества: «Афанасей да Алексей Микулины дети Чертова», 1510—1511 гг. (Ак. феод. земл., стр. 68); «Тучко да Осиф да Афанасей да Алексей Микулины дети Чертова», 1512—1513 гг. (там же, стр. 78, см. также на стр. 79 дважды, стр. 80); «у Бориса у Микулина сына Чертова», 1512—1513 гг. (Ак. феод. земл., стр. 78); «Борис да Тучко да Осиф Микулины дети Чертовы», 1518 г. (там же, стр. 79 дважды, стр. 80); «яз Тучко Микулин сын Чертова», 1526 г. (там же, стр. 79).

Другой пример. У московского боярина *Ивана Мороза* были дети: «Михайло, да Федор, да Василей Туша, да Дмитрей, да Лев...» Только один из них известен был не только по имени, но и по прозвищу. Все они по отчеству должны были именоваться «Ивановыми» и «Морозовыми». Двое из них попали в летопись и именуются здесь по имени и прозвищному отчеству: «Михаил Морозов», «Лев Морозов». У Михаила было пятеро сыновей, и только один из них назывался именем и прозвищем: «Василей Слепой, да Игнатей, да Давыд, да Борис, да Василей Шея». Надо полагать, что у каждого из них в качестве прозвищного отчества отца было «Морозов», хотя в официальных документах они могли и не упот-

реблять его, срвн.: «А на то послуси: Василей Михайлович/ь/, Игнатей Михайлович/ь/» (Ак. с.-з. Р., стр. 119, указ 684). И у детей перечисленных выше братьев, следовательно — правнуков Ивана Морозова, не все дети носили прозвища.

§ 51. Приведенный нами материал показывает, что прозвищные отчества развивались иначе, нежели отчества христианские. Это было связано с их особым значением, которое они получали в составе наименования, значением, отличным от христианских отчеств, хотя в известном отношении оно и было продолжением, дальнейшим развитием некоторых сторон имени и отчества. Мы уже видели выше, что основной функцией отчества было указание на отношение, принадлежность к определенному и самому близкому человеку в обществе — к отцу. Это совершенно ясно следует из того, что представитель каждого поколения в обществе имеет свое, как правило, отличное от представителей других поколений отчество; отчество сменяется из поколения в поколение. Совсем по-другому выглядит значение прозвищного отчества. Оно также может указывать на принадлежность к известному отцу, так как возникает подобно христианским отчествам.

Однако наличие в именовании христианского отчества сильно ослабляет значение прозвищного отчества как показателя принадлежности известному отцу. Прозвищное отчество в оправдание своего существования в именовании развивает и иную энергию — оно принимает на себя функцию отличать именуемого не только в составе лиц, представляющих собой два поколения: поколение именуемого и поколение отцов, но и в составе трех поколений, по крайней мере формально. Вполне понятно поэтому, почему эти образования не имеют суффиксов *-ич*, *-ович*: эти суффиксы не усилили бы различительную силу прозвищных отчеств. Вполне понятно, почему прозвищные отчества образуются от русских имен, а не от христианских: количество их фактически было неограниченным. Вполне понятно, почему они стали занимать последнее место в именовании: потому что они представляли собой средство отличения именуемого не только в составе семьи, для чего достаточно и личного имени, не только в составе ближайших родственников, для чего достаточно и отчества, но и в составе вообще родственников, а в связи с этим и в обществе вообще. Таким образом, именование, состоящее из трех членов — *Иван Васильев сын Смирнов* — пронизывается двумя противоположными направлениями

значений их составных частей. От имени к прозвищному отчеству идут слова с постепенно понижающимся значением как обозначение личности, наоборот,— это слова с постепенно усиливающимися значениями как отличительными признаками именуемого.

С другой стороны, прозвищное отчество развивается не как отличительный признак вообще, а как отличительный признак, лишь продолжающий имя и отчество: оно замкнуто и ограничено кругом родовых отношений. И указывает оно поэтому на принадлежность известному роду.

Вполне понятно поэтому, что в письменности прозвищное отчество постоянно превращается в родовое прозвание, т. е. переходит из поколения в поколение, в отличие от христианского отчества, которое сменяется из поколения в поколение.

§ 52. Мы уже говорили о том, что прозвищные отчества, как правило, согласуются с именем называемого лица.

Однако встречаются наименования, в которых прозвищное отчество, вместо ожидаемой согласованной формы, имеет форму родительного падежа.

Один из сыновей Федора Сабура, как было уже сказано выше, именовался: «Иван Федоровичь Сабуров».

Однако в той же грамоте этот сын Федора Сабура написан и так: «Иван Федоровичь Сабурова». Эта форма на *-а* прозвищного отчества могла возникнуть под влиянием только таких наименований, в которых форма на *-а* первоначально была оправданной, т. е. наименований с отчествами отцов; срвн. например: *Федор Борисов сын Перепечина.*

Другой пример. В «Книге ключей XVI в.» читаем: «Петреше Иванову сыну Болдина пол полтины, порука по нем отец его Болда» (стр. 26, л. 36). Прозвищное отчество и здесь не согласуется с именем, что могло возникнуть только в связи с влиянием наименований, в которых формы на *-а* были нормой.

«Иванъ Умной Ивановъ с[ынъ] Лобанова Колычева», 1537 г. (Туп., стр. 464). Следовало бы: «Лобанов»; отец его «Иванъ Лобанъ Ондрѣевичъ Колычев», 1495 г. (Туп., стр. 285).

В дальнейшей истории прозвищных отчеств наблюдаем по памятникам письменности замену форм родительного падежа на *-а* (*-ова*, *-ово*) формами именительного падежа.

Замена форм на *-а* прозвищных отчеств формами именительного падежа или согласованными с именем формами была обусловлена прежде всего языковыми факторами.

Влияние шло прежде всего со стороны отчеств, образованных от греческих и русских имен. Отчества, как известно, имели постоянные стабильные формы на *-ов* и *-ин*: «Федор Иванов сын Шолохов». Влияние это могло быть и непосредственным, оно могло быть и опосредствованным, а именно: в памятниках письменности наряду с полными формами наименований, состоящих из двух отчеств, широко употреблялись и формы более краткие, состоявшие из имени (прозвища) и отчества или имени и прозвищного отчества. Согласуемые формы отчеств в таких наименованиях объяснений, разумеется, не требуют. Срвн.:

в послухах названы	в подписи:
«Тучко Микулин сын Чертова»	— «ЯзТучко Микулин», 1510—1511 гг. (Ак. феод. земл., стр. 68);
«Иван Матфеев сын Филипова»	— «Иван Матфеев», 1526 г. (стр. 70);
«Тимофей Кузьмин сын Фомина»	— «Тимофей Кузьмин», 1526 г. (стр. 80—81);
«Нечай Юрятин сын Новикова»	— «Нечай Юрьев», 1526 г. (стр. 80—81);
«Игнатей Шишка Васильев сын Лыскова Чертов»	— «Яз Шишка Васильев сын» 1525—1526 гг. (Ак. феод. земл., стр. 81);
«Шарап Семенов сын Гаврилова Баскаков»	— «Яз Шарап Семенов сын», 1519 г. (Ак. феод. земл., стр. 123).

Краткие формы наименований могли состоять из имени и прозвищного отчества:

«Федор Иванов сын Шолохов»	—и «Яз Федор Шолохов», 1510—1511 гг. (Ак. феод. земл., стр. 68; ср. стр. 78, 161).
«Иван Васильев сын Лысков»	— «Яз Иван Лысков», 1510—1511 гг. (там же, стр. 68).
В тексте грамоты: «у Юрья у Борисова сына Перепечина»	— «Яз Юрьи Перепечин... 1495—1511 гг. (Ак. феод. земл., стр. 161).

Срвн. также приведенные выше примеры (§ 43): «Истомка Оботуров», «Демка Шабалин» и др.

Небезынтересно, что согласуемые формы отчеств отца, деда и т. д. получают распространение прежде всего также в

кратких формах наименований. В то время как в полной форме наименования указанные слова имеют формы на *-а*, в кратких формах они имеют формы, согласованные с именем. Срвн.:

в числе послухов назван:	«руку приложил»:
«Юрьи Григорьев сын Мануйлова», 1511 г. (Ак. феод. земл., стр. 161);	— «Юрьи Мануйлов», 1495 г.
«Андрей Тимофеев сын Рчинова»;	— «Андрей Рчинов», 1495—1511 гг. (там же, стр. 161);
«Иван Иванов сын Парфеньева»	— «Иван Парфеньев», 1518 г. (там же, стр. 79), 1524 г. (стр. 103), 1526 г. (стр. 72).

Понятно, что во всех этих наименованиях формы «Мануйлов», «Рчинов», «Парфеньев» и другие не являются отчествами. Самые ближние из родичей, на которых они могут указывать,—это деды. Следовательно, если говорить о притяжательном значении этих форм, то оно более широкое, нежели отчество, и близкое, если не совпадающее вполне, с значением родовых прозваний.

Можно полагать, что под влиянием таких наименований (колонка вторая) наряду с другими факторами формы на *-ов* с течением времени распространялись и на полные формы наименований, которые вместо форм на *-а* принимали формы именительного падежа. Срвн.:

«Андрей Тимофеев сын Рчинов», 1495—1511 гг. (Ак. феод. земл., стр. 77), «Андрей Тимофеев Рчинова»; «Федор Феодоров сын Сурмин», 1506—1507 гг. (там же, стр. 60), 1510—1511 гг. (стр. 67); срвн. в подписи: «Федор Сурмин», 1519 г. (стр. 122)Срвн. также наименование брата: «Василей Федоров сын Сурмина» и «Василей Сурмин», 1526 г. Однако полагаем, что действие всех этих языковых факторов не привело бы к замене форм на *-а* согласуемыми формами, если бы не происходило переосмысления этих форм на *-а*: они начинают сознаваться не как формы подчинения отчеству, а как формы, относящиеся к имени, из притяжательных прилагательных становятся существительными.

§ 53. Нельзя не отметить и другую группу фактов, в которой замена форм на *-а* формами именительного падежа протекала особо—это наименование с *-вичем*. Памятники письменности указывают на то, что в то время как в указанных формах могут быть представлены именительные падежи, в

наименованиях без *-вича* представлена форма на *-а*. Изменение форм на *-ова* в формы на *-ов* происходило, следовательно, раньше в наименованиях, заключавших отчество с *-вичем*. Так отец — «Василей Петрович Борисов» (Тетр. двор., стр. 113, л. 87) имеет отчество отца на *-ов*, а между тем его сын — «Михайло Васильев сын Петрова Борисова» (Тетр. двор., стр. 195, л. 146, Тыс. кн., 1550 г., стр. 79, л. 146) — имеет тоже самое отчество (деда) в форме на *-ова*.

Следовательно, формы, согласованные с именами, заменили формы на *-а*, по-видимому, не одновременно в различных видах наименований.

Так, можно отметить, что при наименовании двух или нескольких лиц формы на *-а* удерживаются, в то время как в именованиях отдельных лиц они уже утрачены.

Срвн.; например: «Афонасей, да Дмитрей, да Иван, да Василей Анъдреевы дети Бутурлина» (Тетр. двор., стр. 138), но: «Офанасей Ондреев сын Бутурлин» (Тыс. кн., стр. 58), или «Офонасей Андреевич Бутурлин» (Тетр. двор., стр. 114).

Срвн., также наименования потомков Михаила Салтыка — Салтыковых. В наименованиях одного лица — формы на *-ов*, в наименованиях нескольких лиц — формы на *-ова*. Внуки: «Борис Иванов сын Салтыков» (Тыс. кн., стр. 56, так же в Тетр. двор., стр. 187); «Глеб Иванов сын Салтыков» (Тыс. кн., стр. 78); «Лев Ондреевич Салтыков» (там же, стр. 55, Тетр. двор., стр. 113, 114); «Яков Андреевич Салтыков» (Тетр. двор., стр. 112, 113), но «Михайло, да Худяк, да Федор Игнатьевы дети Салтыкова» (там же, стр. 187, то же в Тыс. кн., стр. 60). Правнуки: «Дмитрей Борисов сын Салтыков» (Тетр. двор., стр. 187), но срвн.: «Михайло да Иван Львовы дети Салтыкова» (там же, стр. 124).

Итак, формы на *-ъ* вытесняли формы на *-а*. Это был не простой, формальный, процесс, но весьма существенный: притяжательные прилагательные изменялись в существительные. Весьма вероятно, что в разных наименованиях он распространился не одновременно: 1) раньше в кратких наименованиях: Федор Шолохов; 2) в наименованиях с *-вичем*; 3) позднее в наименованиях коллективных.

Однако интересна не только эта грамматическая сторона, но и условия, при которых рождалась новая фамилия.

§ 54. Во множественном числе формы родительного падежа на *-а* заменялись формами на *-ы*: «Князь Володимер да князь Юрьи княж Костянтиновы дети Курлятевы»

(Тетр. двор., стр. 118); но срвн.: «Князь Иван да князь Роман княж Дмитриевы дети Курлятева» (там же); «Микита да Осиф Слепцовы дети Чюрляева» (Тетр. двор., стр. 190), но «Микита да Осип Слепцовы дети Чюрляевы» (Тыс. кн., стр. 78); «Володимер да Матвей Васильевы дети Пушкина» (Тетр. двор., стр. 179), но: «Володимер да Матвей Васильевы дети Пушкины» (Тыс. кн., стр. 75); «Иван, да Михайло, да Федорец Меншой, да Юрьи, да Иванец Меншой Булгаковы дети Денисьева» (Тыс. кн., стр. 72), но: «Михайло да Федор Меншой, да Юрья Булгаковы дети Денисьевы» (Тетр. двор., стр. 127); «Юрьи да Иван Михайловы дети Воронцова» (Тыс. кн., стр. 56), но: «Юрьи да Иван Михайловичи Воронцовы» (Тетр. двор., стр. 112).

§ 55. Произведенное выше различение среди так называемых отчеств форм, согласуемых с личным именем, и форм, не согласуемых с ними (формы на *-а*), представляет некоторый интерес и для специалистов по русской истории. Оно позволяет более точно решать вопросы, связанные с генеалогическими разысканиями. Например, в труде Л. В. Черепнина «Русские феодальные архивы XIV—XV веков», ч. 2, делается попытка по-новому рассмотреть вопрос о деле Владимира Гусева, закончившемся, как известно, в конце XV в. смертной казнью как самого Владимира Гусева, так и других заговорщиков. Сообщая биографические сведения об участниках этого дела, Л. В. Черепнин, между прочим, пишет: «Что касается Федора Стромилова, то он являлся введенным (думным) дьяком. Родоначальником Стромиловых был дьяк Алексей Стромилов, писавший духовную московского князя Василия Дмитриевича. От Михаила Черта Алексеевича Стромилова происходили, судя по одному документу [1], дети боярские митрополитов московских — Чертовы» [2].

Далее Л. В. Черепнин рисует родословную Чертовых так (там же):

Алексей (введенный дьяк Василия Темного)
↓
Михаил (Черт)
↓
Иван Шолох
↓
Федор (не женат)

---

[1] Ссылка на «Правую грамоту» 1561 г.

[2] Л. В. Черепнин, Русские феодальные архивы XIV—XV веков; часть 2., изд. АН СССР, М., 1951, стр. 295.

Мы не берем под сомнение правильность этого генеалогического ряда в целом, однако наблюдения над формами наименований представителей рода Чертовых вынуждают к принятию некоторых уточнений, а именно: отцом Ивана Шолоха действительно был Михаил. На это ясно указывает отчество в наименованиях Ивана, срвн.: «Иван Михайлов сын Чертова Шолох», 1495—1511 гг. (Ак. феод. земл., стр. 77). Носил ли, однако, отец Ивана — Михаил — прозвище «Черт», как указывается Л. В. Черепниным в приведенном выше генеалогическом ряду? Думаем, что Михаил не был носителем прозвища «Черт». Дело в том, что если бы дело обстояло так, как указывает Л. В. Черепнин, то сын Михайла — Иван Шолох — именовался бы не «Чертова» (форма родит. падежа), а «Чертов» (так как прозвищное отчество, как и собственно-отчество, обычно согласовывалось с именем называемого лица.

Срвн., например, наименования сына Ивана Шолоха — Федора в тех же источниках: «Федор Иванов сын Шолохов», и так в четырех случаях. Конечно, бывает, что прозвищное отчество по той или иной причине может оказаться имеющим форму на *-а*. Но в рассматриваемом случае такая возможность исключена, так как форму родительного падежа на *-а* мы находим не только в наименовании Ивана Шолоха, но и его трех братьев:

«Микула Михайлов сын Чертова», 1497 г. (там же, стр. 27);

«Игнатей Михайлов сын Чертова», 1496 г. (там же, стр. 62);

«Василей Михайлов сын Чертова», 1495—1511 гг. (стр. 77).

Срвн. также : «Микула да Иван Шолох да Игнатей Михайловы дети Чертова», 1486 г. (там же, стр. 58), «Игнатей да Василей Михайловы дети Чертова» (там же, стр. 78). Считать, что и во всех этих наименованиях форма на *-а* явилась в результате влияний со стороны других наименований, уже не представляется возможным. Форма на *-а* в наименовании, как было выяснено выше, может ближайшим образом восходить лишь к деду, а также к представителям более старших поколений. Из сказанного следует, что отец Ивана Шолоха и его братьев не мог носить прозвище «Черт». «Чертом» мог называться дед братьев или кто-нибудь из представителей более старших поколений. Таким образом, родословие Чертовых, предложенное Л. В. Черепниным, должно, следовательно, включить

еще одно звено: Алексей Стромилов — [Черт Алексеев Стромилова] — Михаил [Чертов] — Иван Шолох Михайлов сын Чертова.

В биографии Чертовых может быть сделано еще одно уточнение. В том же источнике, из которого приведены выше наименования братьев Чертовых, упоминается еще ряд других Чертовых:

«Иван Федоров сын Чертова»

«Иван Григорьев сын Чертова»

«Иван Семенов сын Чертова»

«Иван Семенов сын внук Чертова»

«Григорью Иванову сыну Чертова»

«Стефану да Семену Кузьминым детям Чертова»,

срвн. также: «Семен Кузьмин сын Чертова» и «Семен Кузьмин Чертов» и др. (стр. 79).

В каких отношениях находятся эти Чертовы к братьям «Михайловым детям Чертова»? Решение этого вопроса нам не представляется простым и несомненным. В той же грамоте, откуда взяты нами вышеприведенные наименования, обращает на себя внимание следующее место: «Григорью Иванову сыну Чертова, да братаничю его Ивану внуку Семенову сыну Чертова отца его выть Семенова, да его же братаничем Стефану да Семену Кузьминым детем Чертова». Отсюда следует, что Григорий Иванов..., Иван внук Семенов... и Стефан да Семен Кузьмины — братаничи, т. е. дети родных братьев: Ивана, Семена, Кузьмы, которые, по всей вероятности, в свою очередь были братьями Михаила — отца Ивана Шолоха.

Отношения других Чертовых к детям Михаила не ясны. Ясно, однако, что все они имеют отношение к Черту, а не к его сыну Михаилу. Следовательно, у Черта был не один сын, Михаил, а несколько сыновей.

§ 56. В ходе предшествующих наблюдений было выяснено, что среди слов, которые в литературе предмета называются «отчествами», в действительности следует различать несколько различных разрядов слов:

1. Отчества в собственном смысле этого слова, представлявшие собой образования от личных (греческих) имен и всегда согласовывавшиеся с именами.

2. Прозвищные отчества, образованные от прозвищного имени отца и также всегда согласовывавшиеся с именами.

3. Отчества отцов, образовавшихся от личных (греческих) имен деда и имевших форму родительного падежа (на *-а*).

4. Прозвищные отчества отцов, образованные от прозвищных имен деда и имевших также форму родительного падежа (на *-а*).

5. Отчества дедов и представителей более старших поколений, образованные от соответствующих личных (греческих) имен; мы будем их называть в дальнейшем прозваниями.

6. Прозвищные отчества дедов и представителей более старших поколений, образованные от соответствующих прозвищных имен; мы будем их называть в дальнейшем также прозваниями.

Кроме отчества отца именуемого, в наименовании могло быть, следовательно, представлено и отчество деда. Например, в «Тысячной книге 1550 г.» и «Дворовой тетради 50-х годов XVI в.» имеется наименование:

«Михайло Васильев сын Петрова Борисова» (стр. 79, л. 146 и стр. 195, л. 146). Отец именуемого в том же источнике назван: «Василей Петрович Борисов» (Тетр. двор., стр. 113, л. 87). «Письма Василия Петровича лета 7044» (Ак. феод. земл., стр. 39). Об отце Василия — Петре и деде — Борисе см. Врем., 9, стр. 175 «Петр Борисович (Бороздин)».

§ 57. Дальнейшая история собственно-отчеств и прозвищных отчеств связана с образованием основного вида современных русских фамилий на *-ов* и *-ин*. Можно даже сказать так, что подобно тому как источниками собственно-отчеств и прозвищных отчеств были личные имена и прозвища, так источниками фамилий были собственно-отчества и прозвищные отчества. Остановимся сначала на развитии или дальнейшей судьбе собственно-отчеств.

Что же представляли собой условия, в которых становилось не только возможно, но и неизбежно дальнейшее развитие отчеств?

В XIV—XVII вв. в состав наименования того или иного лица, в отличие от нашего времени, могло входить не только отчество именуемого, но, как мы уже видели, и отчество его отца. Так, например, один из бояр Василия II и Ивана III именуется в документах «Федор Михайловичь», 1410—1427 гг. (Ак. с.-в. Р., стр. 37). Его сын при

Иване III именуется: «воевода Петр Федорович», 1472 г. (Моск. лет. св., стр. 297). Сын Петра Федоровича при Иване Грозном именуется: «Иван Петрович Федорова» (Тыс. кн., стр. 54) или: «Иван Петрович Федоров» (Тетр. двор.).

Третий состав последнего наименования — «Федоров» напоминает по своему положению современные фамилии. Однако фамилией он все-таки не является, так как не является самостоятельным в употреблении: он связан с именем отца именуемого. Только в наименованиях представителей следующего поколения эта форма, если она удержалась, могла бы быть признанной фамилией. Однако в именованиях следующих поколений она могла и не удержаться. Иван Петрович Федоров не имел детей, поэтому мы лишены возможности проследить дальнейшую судьбу формы «Федорова», «Федоров».

Итак, в состав древнерусского наименования лица могло входить отчество отца. Но отчество отца могло переходить и в наименования представителей следующих поколений, на какое-то время удерживаясь в именованиях представителей рода.

Прозвищное отчество отца могло входить в качестве четвертого члена наименования при смене прозвищных отчеств. Оно обыкновенно имеет ту же форму, что и прозвищное отчество. Изменение отчества отца в именованиях представителей различных поколений можно наблюдать в истории рода *Федора Андреевича Кошки*, о котором в Московском летописном своде под 1393 г. говорится: «В Новъгород посла князь великы послы своя, Федора Андрѣевича Кошку и Ивана Уду и Селивана» (стр. 221). Употребление прозвища в именовании не было обязательным: в жалованной грамоте великого князя Ивана Васильевича 1483 г. он именуется просто «Федор Андреевич» [1].

У Федора Кошки был сын Иван, который в документе XV в. именуется «Иваном Федоровичем» без прибавления христианского или прозвищного отчества отца: «Иван Федорович», 1392—1423 гг., «дали ему Ивановы дѣти Федоровича/а/», 1415—1425 гг. (Ак. с.-в. Р., стр. 421, см. также на стр. 51). Так же он именовался и после смерти, см. Правую грамоту 1498 г. (Ак. феод. земл., стр. 227—229).

[1] «А менил дед мой князь великий Василей Дмитриевич с своим отцом с Киприаном митрополитом своими бояры: Дмитрием Александровичем, Семеном Васильевичем, Иваном Федоровичем, Федором Андреевичем...» (Ак. феод. земл., стр. 24).

У Ивана Федоровича был сын Захарья Иванович: «Се из, Захарьа Иванович/ь/, далъ»... перед 1438 г. (Ак. с.-в. Р., стр. 100), «что им дал Захарья Ивановичь», 1438 г. (там же, стр. 101). См. также «Судные списки» 1488—1490 гг. и 1501—1502 гг. (Ак. с.-в. Р., стр. 639).

По имени и отчеству именуется в документах и старший сын Захарья — Яков Захарьич.

Так же именуется сын Якова — Петр: «7020 на Угре окольничей Петр Яковлевичь» (Счетное дело, 3). Но отчество отца могло и сохраняться в именованиях: «Куплено у Петровых детей Яковлева Захарьина», 1572 г. (Дух. и дог. гр., стр. 440); «Перед Петром Яковлевичем Захарьича», 1527 г. Опись 1626 г. (Дух. и дог. гр., стр. 472).

В следующем поколении «Захарьин», «Захарьича», т. е. отчество деда, не удерживается: оно заменяется отчеством отца именуемого: «Иван да Василей Петровы дети Яковлевича. Окольничие оба» (Тетр. двор., стр. 158). «Захарья да Иван Петровы дети Яковлевича» (в другой редакции — «Яковлева»), дети боярские 1-й статьи по Коломне (Тыс. кн., стр. 56). «Василей Петров сын Яковля» (в другой редакции — «Яковлева»), сын боярский 2-й статьи по Коломне (Тыс. кн., стр. 59).

«Иван Петрович Яковля» (в другой редакции — «Яковлева»), окольничий (Тетр. двор., стр. 113); «Иван Петрович Яковля» (в другой редакции — «Яковлева»), боярин (там же, стр. 112); «взяти ми на Иване на Петровиче Яковля десять рублев», 1568 г. (Арх. Стр., I, стр. 488). «Иван да Василей Петровичи Яковлева», окольничие (Тетр. двор., стр. 114). «Захарей Петрович Яковлев», боярин (Тетр. двор., стр. 112), «бояринъ Василей Петровичь Яковля», 1571 г. (Арх. Стр. 1, стр. 505).

У Петра Яковлевича Захарьина был брат — Василий Яковлевич. Он так же, как и брат, мог именоваться по имени и отчеству: «Василей Яковлич вспросил неделщика», 1521 г. (Ак. феод. земл., стр. 15—16), «окольничему Василью Яковлевичю», 1525 г. (там же, стр. 19, 21).

Дети его именуются с отчеством отца, отчество деда не удержалось; впрочем, оно не выступает в приведенных выше примерах и как отчество отца — «Михайло да Семен Васильевы дети Яков[ля], дети боряские 2-й статьи по Коломне» (Тыс. кн., стр. 59); «Михайло да Семен Васильевы дети Яковлевича. Окольничие оба» (Тетр. двор., стр. 158); «Михайло Васильев сын Яковля» (в другой редакции — «Яко-

влева») (Тетр. двор., стр. 113); «Михайло Васильевич Яковлев» (там же, стр. 113); «Семен Васильевич Яковля» (Тетр. двор., стр. 113).

То же наблюдаем в именованиях потомков среднего сына Захарьи Юрья. Сам он, как и старший брат, именуется обыкновенно по имени и отчеству: «А на суде было у князя Василья Ивановичя бояр: князь Иван Юрьевич, да Юрьи Захарьич» (из «Правой грамоты 1495—1499 гг.») (Ак. феод. земл., стр. 120); «Доложя Юрья Захарьичя», 1490—1495 гг. (Ак. с.-в. Р., стр. 430, см. также стр. 432).

Так же именуется сын Юрья — Михаил:

«Сей суд судил Григорей Федорович да Михайло Юрьевич», 1528 г. (Ак. феод. земл., стр. 13—16, 22, 195—197). Но встречаем и другое именование, с отчеством отца «перед боярином, перед Михаилом Юрьевичем Захарьича», запись 1528 г. (Дух. и дог. гр., стр. 473).

В следующем поколении отчество деда (отца Михаила) не удерживается, дети Михаила именуются с отчеством своего отца, а не с отчеством деда: «Василий Михайлович Юрьев», 1550 г. (Тыс. кн., стр. 54); «Василей Михайлович Юрьева», 50-е годы XV в. (Тетр. двор., стр. 112), «Иван Михайлович Юрьевича», 1550 г. (Тыс. кн., стр. 59) (переделано из «Иван Михайлова Юрьев»).

Таким образом, отчество отца не является еще фамилией, оно могло изменяться из поколения в поколение.

Мы не располагаем данными, которые указывали на судьбу отчества отца, выступающего на месте прозвания, в этой отрасли рода Федора Кошки. Но в другой отрасли того же рода не удержалось и это отчество отца.

У упоминавшегося выше Юрья Захарьича были, кроме Михаила, другие сыновья; среди них сын Роман. Дочь Романа — Анастасия (Настасѣя) была женою Ивана Грозного. Один из сыновей Романа в«Тысячной книге» записан среди бояр: это «Данило Романович Юрьев» (стр. 54). Другой сын — Никита — «Микита Романов сын Юрьевича» — записан в числе детей боярских 1-й статьи по Коломне (стр. 56). Позднее он был боярином. Ему первому сообщил из Александровской слободы в 1581 г. Иван Грозный о том, что сын его Иван после удара железным наконечником жезла «разнемогся и ниече конечно болен». Царская грамота о случившемся подписана так: «Боярину нашему Миките Р/о/мановичу Юрьеву», так же именуется Никита и в других царских грамотах того же времени.

Выше мы видели, что так же именовались и дети брата Романа — Михаила.

В следующем поколении — у детей Никиты — отчество отца — «Юрьев» — не сохраняется; оно утрачивается, как утратилось отчество отца в предшествующем поколении (Захарьина). Дети Никиты именуются так: «Иван Никитич Романов» («Боярину Ивану Никитичю Романову хлѣбъ»), 1640 г. (Арх. Стр., II, стр. 1014).

Таким образом, отчество отца в именованиях в приведенных примерах не удерживается: оно сменяется из поколения в поколение. Однако не всегда было так. При не вполне ясных условиях такой смены отчества отца могло и не происходить. Уже в XVI в. первоначальное отчество могло в именованиях последующих поколений удерживаться, в связи с чем оно принимало на себя уже функцию родовых прозваний, или по-теперешнему — фамилий.

Формы на *-ов* и *-ин*, входившие в состав именования в XV—XVI вв., могли представлять собой, как мы уже видели, не только образования от имени или прозвища отца, но также и от имени и прозвища деда, прадеда и других более дальних предков, т. е. они могли иметь и более широкое значение, нежели отчество.

Вот еще несколько примеров форм на *-ов* и *-ин* такого происхождения.

В 1577 (7085) г. «Клокъ Семеновъ сынъ Лупандин» дал своему зятю за дочерью «Настаску Осташеву дочь з дочерми». «Даную» грамоту, оформлявшую эту передачу, «писал Василий Клоковъ сынъ Лупандинъ», т. е. сын того лица, от которого была выдана грамота. Другой из сыновей Клока подписал грамоту вместо отца: «На даной рука в Клоково мѣсто сына ево Безсона Клокова сына Лупандина». Таким образом, если в именовании Клока форма «Лупандин» может быть и прозвищным отчеством, то в именованиях его сыновей прозвищным отчеством является форма «Клоков», а форма «Лупандин» может быть ближайшим образом связана только с именем деда.

В середине XVI в. «Никита Костянтиновъ сынъ Апрѣлева» дал за сестрою своей в приданые «зятю своему Данилу Ѳедорову сыну Сабурову» «Власа з женою и з детми». В конце XVI в. «даную» на это «приданое» предъявил к записи сын ее владельца — «Иван Даниловъ сынъ Сабуровъ». Форма «Сабуров» в именовании отца — Данила — может восходить к прозвищному отчеству, но в именовании

сына — Ивана Данилова — та же форма ближайшим образом может восходить только к прозвищу деда (Зап. кн., стр. 22).

В «Записной книге дьяка Алябьева» под № 47 читаем: «Декабря въ 25 день Максим Семеновъ сынъ Линевъ подалъ челобитную да положилъ къ докладу к записки черную духовную память дяди своего Шестого Павлова сына Линева, а в памяти написано: делилися да межъ собя триехъ Семенъ, да Дмитрей, да Шестой в лудехъ» (стр. 16). Из этого текста видно, что в год написания «памяти» — 1596 г.— Линевыми назывались: поколение сыновей племянников (Максим), поколение отцов — дядей (Шестой). Следовательно, в именовании Максима форма «Линев» может восходить по крайней мере к прозвищу деда, если не прадеда.

Форма на *-а* (родит. падеж) могла быть произведена и от христианского имени деда: в документе, относящемся к 1525 г., читаем: «И Чудин Окинфов тако рек», где «Окинфов» — отчество при прозвищном имени «Чудин». В грамоте 1521 г. называется сын Чудина: «с Павлином с Чудиновым сыном Окинфова», где «Окинфова» отражает уже имя деда (Ак. феод. земл., стр. 13, 14).

Наблюдения показывают, что прозвищное отчество по отношению к определенному имени может переходить не только в именование внука, где еще есть возможность осознать его как принадлежащее отчеству отца, но и в именования правнуков, праправнуков, словом, от поколения к поколению. Примеров такого рода может быть приведено очень много.

В духовной грамоте 1478 г. в числе послухов подписались «Кузьма Стогов, да брат его Нестер». В указанное время «Стоговыми» именовались, однако, не только упомянутые Кузьма и Нестер, для которых это прозвание могло быть прозвищным отчеством, но и их дети. Так, данную 1498—1499 гг. писал «братаничь» Нестера, т. е. сын его брата Кузьмы: «Ондрей Кузмин сын Стогов». В грамоте около 1494—1495 гг. упоминается другой сын Кузьмы — Григорий, который также называется «Стоговым»: «налеве Нестерова земля вотчина и его братаничев, Григория Кузмина, сына Стогова» (Ак. феод. земл., стр. 457). Таким образом, дети Кузьмы — Ондрей и Григорий — в последней части своих наименований отражают имя деда.

У Федора Сабура, подписавшего в 1423 г. жалованную грамоту Дмитровского князя Петра Дмитриевича — «Федоръ Иванович/ь/» (Ак. с.-в. Р., стр. 47),— были сыновья:

Иван; Семен Пешок, Константин Сверчок. Первый из названных сыновей около 1430 г. значится послухом в данной Троице-Сергиевскому монастырю и пишется: «Иван Федоровичь Сабуров» (там же, стр. 63). В другой данной того же времени он именуется «Иван Федорович/ь/ Сабурова» (там же, стр. 64). В купчей 1474—1484 гг. о нем читаем: «За Иваном за Сабуровым за Федоровичем» (стр. 331). Два вторых брата были послухами около 1468—1472 гг. и написаны в грамоте так: «А на то послуси: «Семен Федоровичь Сабуров да Костянтин Федоровичь Сабуров» (там же, стр. 247).

Сыновья Ивана, для которых Федор Сабур был дедом, в грамоте 1474—1484 гг. именуют себя так: «се яз, Федор Ивановичь да яз, брат ево Семен Ивановичь, Сабуровы» (там же, стр. 332), а в другой грамоте того же года: «Се ѩз, Федор, да ѩз Семен, Ивановы дѣти Федорович/а/ Сабурова» (там же, стр. 333). Срвн. также: «На Семене Иванове сыне Сабурова пятнадцать рублей», 1491 г. (там же, стр. 439). Сын Константина Сверчка именует себя так: «А грамоту купьцую писал Юрьи Костѧньтиновъ сынъ Федоровича Сабуровъ», 1474—1484 гг. (стр. 331).

Таким образом, и в приведенных примерах именование внуков включает в себя имя деда: в одних случаях оно согласуется как притяжательное прилагательное с именем, к которому относится, в других случаях имеет форму на *-а* (родительный падеж).

Однако в поколении правнуков имя деда, по-видимому, уже не удержалось. Во всяком случае, дети Федора Ивановича, который имел прозвище Пильем, именуются уже не *Сабуровыми*, а *Пильемовы*; срвн. «Пожаловал есми Ѡндрѣѧ, да Степана, да Васил/ь/ѩ Федоровых детей Пильемовых» (там же, стр. 522). Впрочем, и в поколениях правнуков появление старого отчества *Сабуров* или *Сабурова* не исключено, так как указывало на источник рода.

В конце XVI в. подал челобитную о кабальных крестьянах новгородский помещик «Матфѣй Шавруковъ сынъ Муравьевъ» (Зап. кн., стр. 68). В представленных при челобитной документах упоминается отец Матфея: «Шевруку Микитину сыну Муравьеву», 1577 г. (там же, стр. 69). В именовании челобитчика слово «Муравьев» не было, следовательно, прозвищным отчеством, а могло быть, по крайней мере, прозванием по имени деда. Однако в именовании Шеврука (отца Матфея) «Муравьев» не явля-

ется прозвищным отчеством, так как уже его отец (следовательно, дед Матфея) назывался этим прозванием. В данной 1504 г. он именуется Микита Григорьев сын Муравьева («за Микиту Григорьева сына Муравьева», там же, стр. 68). Следовательно, прозвание «Муравьев» в именовании Матфея восходит к прадеду, если не прапрадеду.

Примеры употребления имени деда в именованиях XVI в. встречаются часто. Например, в «Записной книге крепостным актом XV—XVI вв., явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву» духовная грамота 1581 г. начинается словами: «Иванъ Григорьевъ сынъ Ододуров благос[л]овилъ сына своего Богдана людми своими старинными...» (стр. 1). Упомянутый в духовной книге сын Богдан именуется в документах также Ододуровым: «Декабря въ 20 день Богданъ Івановъ сынъ Ододуровъ подалъ челобитную (там же, стр. 1 и 3). В именовании Богдана слово «Ододуров» может восходить только, по крайней мере, к имени деда.

В памятниках встречаются и прямые указания на то, что формы на *-ов*, *-ин* восходят к имени деда. Срвн. начало «даной» 7100 г. (1592 г): «Дала старица Улита Романовская жена Кушелева внуку своему Роману Дмитрееву сыну Куше[ле]ву человѣка Будишку Гридина сына Онисимова внука» (Зап. кн., стр. 85).

Имя отца: «Енышъ Івановъ сынъ Муравьевъ», послухъ, 1546 г. (Зап. кн., стр. 199). «Муравьев» здесь может быть прозвищным отчеством. Именование сына Еныша: «у Гарасима Енышева сына Муравьева», 1586 г. (там же, стр. 7). («Муравьева»—здесь может быть, по крайней мере, прозвище деда). В «Указателе» к «Новгородским записным кабальным книгам...» «Муравьевыми» именуются и дети Герасима: Максим, Моисей, Трефил (стр. 400). В этих именованиях «Муравьев» восходит к имени прадеда, т. е. является родовым прозванием — фамилией.

§ 58. Приведенный материал, таким образом, показывает, что формы на *-ов* и *-ин* в наименованиях XVI—XVII вв. могли быть не только «отчествами», но и «прозвищными отчествами». Они могли отражать в наименовании имя или прозвище деда, прадеда, а, может быть, восходить к именованиям и более далекого прошлого.

Материал показывает, далее, что в этом отношении судьба христианских отчеств и прозвищных отличается. В именование представителя следующего поколения переходило

именно это последнее (прозвищное отчество), тогда как христианское отчество опускалось. Христианское отчество переходило в именование представителя следующего поколения только в том случае, если прозвищного отчества в этом именовании не имелось. Следовательно, о равноправном положении христианского и прозвищного отчества в составе наименования не может быть и речи. Продолжим наши наблюдения далее, чтобы убедиться в этом.

Прозвищное отчество, перейдя в именование внука как отчество отца, уже не могло иметь значения отчества в этом именовании (именовании внука). В именовании «Юрья Борисов сын Перепечина» слово *Перепечина* никак не может быть осознано как относящееся непосредственно к личному имени *Юрья*. Но оно все-таки осознается как относящееся, связанное с данным именованием через посредство христианского отчества, о чем свидетельствует его форма — родительный падеж; «Борисов сын Перепечина» может быть понято как «Бориса сын Перепечина» (но не как «Борисов Перепечи», так как Перепеча — отец Бориса).

Таким образом, в указанном именовании (*Юрья Борисов сын Перепечина*) не все слова одинаково относятся к слову *Юрья*, а именование в целом лишено единства.

Вполне понятна поэтому тенденция заменять родительный падеж отчества отца именительным падежом, т. е. тенденция подчинять все слова именования его личному имени. Так возникают наименования типа *Юрья Борисов сын Перепечин*, где *Перепечин*, утратив связь с отчеством (краткое прилагательное) и войдя в формальную связь с именем, вообще, уже не притяжательное прилагательное, и вообще не прилагательное, а существительное в именительном падеже. Какое значение имеет это существительное? Оно не имеет и не может иметь значения отчества по отношению к именуемому, оно выполняет какую-то третью функцию — функцию п р о з в а н и я, ф а м и л и и.

ГЛАВА VI

РОДОВЫЕ ПРОЗВАНИЯ

§ 59. Третьи составы наименований, встречающиеся в памятниках письменности XIV—XVI вв., могли быть, как на это уже указывалось выше, не только прозвищными от-

чествами и отчествами отцов именуемых, но и отчествами представителей старших поколений: деда, прадеда и т. д. Такие третьи составы наименований мы будем называть р о д о в ы м и п р о з в а н и я м и.

Родовые прозвания, следовательно, нужно отличать от отчеств отцов именуемых лиц. Разница между теми и другими состояла в том, что вторые отражали реальные отношения, отношения сына к отцу, от имени которого было образовано отчество сына. Первые же этих реальных отношений не отражали.

Для понимания языковых явлений, связанных с историей родовых прозваний, важно принять во внимание следующее обстоятельство, связанное с их смысловой структурой. В наименованиях, включающих в себя прозвищные отчества или отчества отца именуемого, отношения между составами представляются вполне ясными: какое-нибудь «Борис Иванов сын Перепечина» представляет собой живую родословную: отчество, согласованное с именем, указывает на отца именуемого, третий состав, зависимый от отчества, указывает на прозвищное отчество отца именуемого. Значение же отчества деда, прадеда и других (см. примеры ниже) уже не такое, каким было значение отчества отца. Если отчество отца еще не утрачивает значения отчества по отношению к лицу, от личного имени которого образовано отчество именуемого, то отчество деда не имеет значения отчества уже по отношению ни к одному из составов этих наименований.

Приведем несколько примеров родовых прозваний, начинающих свою жизнь в наименовании представителей четвертого поколения, указывая и наименования представителей предшествующих поколений.

Родовые прозвания, восходящие к христианским отчествам отцов.

1-е к о л е н о: Борис Захарьич (Бороздин) — тверской вотчинник (Родосл. кн., стр. 175);

2-е к о л е н о: «Иван, да Петр, да Василей» (там же);

3-е к о л е н о: Микита (сын Ивана), Василий (сын Петра), Микита и Иван (сыновья Василия). Наименование одного из них: «Василей Петрович Борисов» — окольничий (Тетр. двор., стр. 113, л. 87). Здесь форма «Борисов» — отчество отца именуемого. Прозванием она будет в наименованиях представителей 4-го поколения.

4-е колено: «Василий Микитин сын Борисова» (Тыс. кн., стр. 79); «Фетька Микитин сын Борисова» (Тетр. двор., стр. 134); «Федор да Василей Микитины дети Борисова» (там же, стр. 135). Это — дети Микиты сына Ивана (см. Врем., 9, стр. 175); «Матвей, да Василей, да Александр Микитины дети Борисова» (там же, стр. 195). Это — дети «Микиты Васильева» (см. Врем., 9, стр. 175). «Михайло Васильев сын Петрова Борисова» (Тыс. кн., стр. 79, Тетр. двор., стр. 195). Все эти лица одного поколения: отцов их звали — Василий Черный, Микита, другой Микита. Отца Василия звали Петр, отца первого Микиты звали Иван, второго Микиты — Василей; отца дедов именуемых звали Борисом (Врем., 9).

Такую же судьбу разделило отчество отца в наименованиях других Борисовых. Отчество деда представлено в наименованиях ряда Борисовых в Тыс. кн. и Тетр. двор. Например: «Иван да Микита Васильевы дети Иванова Борисова» (Тетр. двор., стр. 134); в Тыс. кн.: «Иван да Микита Васильевы дети Борисова» (стр. 68). Как уже говорилось выше, отчество деда и прадеда не имеет значения отчества ни по отношению к наименованию внуков, ни тем более по отношению к наименованиям правнуков. Это отчество уже в большей степени фамилия, чем отчество отца, так как оно получает самостоятельное, независимое от предшествующих слов, положение и может переходить из поколения в поколение.

2-й пример.

1-е колено: (Мануйло);

2-е колено: «Иван Мануйлович», послух в грамоте 1461—1464 гг. (Ак. феод. земл., стр. 114);

3-е колено: (Григорий Иванович Мануйлова);

4-е колено: «Юрьи Григорьев сын Мануйлова», 1495—1511 гг. (Ак. феод. земл., стр. 161), 1517—1518 гг. (там же, стр. 166); «Юрьи Григорьевич Мануйлова», 1524 г. (там же, стр. 102); «Юрьи да Василей Григорьевича Мануйлова», 1526 г. (там же, стр. 143); «Юрьи да Иван, да Василей, да Григорей Григорьевы дети Ивановича Мануйлова» (там же, стр. 148).

В Московском летописном своде под 1476 г. говорится: «приехаша к великому князю Ивану Васильевичю с Твери служити мнози боаря и дѣти боарьские, Григореи Никитинич, Иван Жито, Василей Данилов, Василей Бокѣев, три Карповичи, Дмитрей Киндырев и иные мнози» (стр. 308).

«Карповичами» здесь названы три брата, имена которых мы узнаем из других источников: Иван, Федор и Семен (Врем., 9. Материалы, стр. 107). По нормам письменного языка Московского государства XV—XVI вв. их именуют «Карповыми». Срвн.: «В лето 7001-го (1492—1493 гг.). Розехал старец Илинарх землю Троицкую Сергиева монастыря... с Федором с Карповым да с его детми с Петром да с Ондреем с их землею Высокого дворишка» (Ак. с.-в. Р., стр. 448). Около 1521 г. «Федор Карпов» был юрьевским наместником (Ак.феод. земл., стр. 19). В «розъезжей грамоте» 1504 г. упоминаются деревни «Семена Карпова» (Дух. и дог. гр., стр. 390). Может быть, он же назван в счетном деле 1579 г. среди воевод-участников похода на Казань: «Семен Карповичь», под 1499 г. (Врем. кн. 14, стр. 3 и 4). Во всех этих наименованиях формы «Карпов», «Карповичь» имеют значение отчеств.

У первого из «Карповичей» — Ивана было несколько сыновей. Старший — Федор — был окольничим при Василии III. К нему адресовано, в ответ на «послание», одно из сочинений Максима Грека (находился в Русском государстве с 1518 по 1556 г.), начинающееся словами: «Максимъ инокъ, иже отъ святыя горы, господину Ѳедору Карпу Ивановичю, радоватися»[1]. Именование составлено здесь не по-русски. Согласно с требованиями письменного языка первой половины XVI в. следовало бы сказать: *Ѳедору Ивановичю Карпову*. В 1526 г. в ответе у папского посла и был назван в соответствующих документах «Федоръ Карповъ» (Лет. арх. ком., XI, отд. III, стр. 21, 41). «Карповым» же называется в источниках и брат Федора — Никита. В 1526 г., при Василии III, он был оружейничим и встречал и «подчивал» папского посла. В тех же документах он именуется «Микита Карпов» (стр. 41) или «Микита Ивановъ сынъ Карпова». Так же именуется в том же источнике один из сыновей третьего «Карповича», у которого папский посол остановился: «на Иванове дворѣ Семенова сына Карпова», 1526 г. (стр. 20). Во всех этих наименованиях слово «Карпов(а)» является отчеством отца, оно и по смыслу и по форме не порвало связи с именем отца именуемого.

Однако «Карповыми» назывались не только представители третьего поколения (внуки Карпа), но и представи-

---

[1] «Сочинения преподобного Максима Грека, изд. при Казанской духовной академии», ч. I, изд. 2, Казань, 1895, стр. 278.

тели последующих поколений. Один из сыновей Федора Ивановича был окольничим при Иване Грозном. В «Тысячной книге 1550 г.» и в «Дворовой тетради...» он называется: «Далмат Федорович Карпов» (стр. 55 и 113). «Карповыми» называются и дети Далмата (представители пятого поколения): «Михайло да Иван Далматовы дети Карпова» (Тетр. двор., стр. 148). Старшего из них — «дворецкого Тверского и наместника Муромского Михаила Далматовича Карпова не стало неведомо какими обачем» в 1578 г. по дороге в Польшу, куда он направлен был Иваном Грозным в качестве «большого посла» (Посл. Ив. Гр., стр. 216). Здесь Карпов — это уже отчество деда.

Дети Михаила и Ивана (шестое поколение) именуются «Долматовыми-Карповыми»: в 1581 г. «Микита Михайлов сын Долматов Карпов» встречал в числе «жильцов дворовых» папского посла Поссевина. В начале XVII в. при Михаиле Федоровиче был «стольник Левъ Ивановъ сынъ Долматовъ-Карповъ», 1619 г. (Р. ист. биб., стр. 689); в 1639 г. он был окольничим и имел отчество с *-вичем*: «Левъ Ивановичъ Далматов Карпов» (Туп., стр. 584). Именовали его и просто «Карповым». Из «Росписи хлебам» 1640 г.: «Окольничему Льву Ивановичю Карпову хлеб» (Арх. Стр., II, стр. 1015). Во всех приведенных наименованиях слово «Карпов» — родовое прозвание.

Слово «Карпов» принимало на себя значение родового прозвания и у потомков второго «Карповича» — Федора. У Федора было два сына: Петр, по прозвищу Муха, и Андрей (Врем., 10, стр. 107). Дети Андрея именуются так: «Михайло Ондреев сын Карпов» (сын боярский по Кашину, Тыс. кн., 1550 г., стр. 68), «Федор да Михайло Андреевы дети Карповы», дети боярские по Кашину (Тетр. двор., стр. 134). Сын Петра Мухи именуется и так: «Василей Петров сын Мухин Карпов(а)», сын боярский по Костроме (Тыс. кн., стр. 59, Тетр. двор., стр. 148).

Таким образом, фамилии, имевшие своим источником христианские отчества, в XVI в. уже существовали, однако процесс складывания этих фамилий еще не завершился. Поэтому отчество, ставшее фамилией, с течением времени могло оказаться сначала осложненным, а потом и вытесненным новым отчеством — фамилией.

Однако основным источником родовых прозваний были прозвищные отчества. Изменение прозвищных отчеств в родовые прозвания прослеживается по памятникам

письменности без больших затруднений. Остановимся на рассмотрении истории нескольких таких родовых прозваний.

Родовые прозвания, восходящие к прозвищным отчествам отцов.

В грамоте митрополита Фотия 1422 г. упоминается Иван Ильич Сурма — родоначальник рода Сурминых (Весел., стр. 420). У него был сын: «Юрьи Иванович Сурмин», 1456 г. (Ак. феод. земл., стр. 107). Внук Сурмы, сын Юрья, именуется: «Василей Юрьевич Сурмин», 1473—1489 гг. (там же, стр. 83). Представитель четвертого поколения, правнук Ивана Сурмы, назван в числе послухов в «Меновой грамоте 1499 г.»: «Иван Васильев сын Юрьева Сурмина» (Ак. феод. земл., стр. 160). Таким образом, кроме родового прозвания («Сурмина»), здесь находим и отчество отца («Юрьева»).

У Василья Юрьевича был брат Федор Юрьевич. Его сын (четвертое поколение) именуется в документах между 1506—1510 гг.: «Федор Федоров сын Сурмин» (Ак. феод. земл., стр. 60 и 68), позднее — «Федор Федорович Сурмин», например в грамотах 1515 и 1516 гг. (там же, стр. 68 и 69). Сын Федора (пятое поколение) именуется «Василей Федоров сын Сурмина», 1526 г. (там же, стр. 80).

Еще один пример. У Ивана Бутурли («Иван Бутурля», Врем., 9, стр. 169) были сыновья: «Иван Иванович Бутурлин», боярин и «Генадій чернець Ивановъ сынъ Бутурлин», 1428—1432 гг.

Поколение внуков: «была Нерехта за Ондрѣем (Ивановичем.— *В. Ч.*) за Бутурлиным», около 1470—1478 гг. (Ак. с.-в. Р., стр. 289); «да взяти ми на Никите (Ивановиче.— *В. Ч.*) Бутурлине дватцать рублев», перед 1491 г. (там же, стр. 439).

В поколении правнуков встречается, как и следовало ожидать,— «Иван Никитин сын Бутурлина», 1511 г. (Ак. феод. земл., стр. 68), но и: «Се яз Федор Никитич Бутурлин купил есмь...», 1510—1511 гг. (там же, стр. 67). Подпись: «Федор Бутурлин», 1512 г. (там же, стр. 68).

Точно так же в поколении праправнуков: «Иван да Федор Ивановы дети Бутурлина», дети боярские 2-й статьи по Переславль-Залесскому, 1555 г. (Тыс. кн., стр. 58; ср. Тетр. двор., стр. 138). У братьев Федора и Ивана — Андрея и Михаила — были дети: «Михайло да Василей Ондреевы дети Бутурлина», дети боярские 3-й статьи по

Переславлю, 1555 г. (Тыс. кн., стр. 67), но: «Офанасей Ондреев сын Бутурлин», сын боярский 2-й статьи по Переславлю, окольничей (там же, стр. 58).— «Варгас Михайлов сын Бутурлин», дворовый сын боярский, 50-е годы XVI в. (Тетр. двор., стр. 188).

Наконец, праправнуки (пятое поколение) именуются с согласованной формой: «Матюшка Васильевъ сынъ Бутурлин», стольник из Земского, 1581 г. (Лет. арх. ком., стр. 45). «Ѳома Оѳонасьевич Бутурлин», должен был «по посланника приезжати», 1581 г. (там же, стр. 43). «Ивану Михайловичю Бутурлину», воевода на Мшаге, 1582 г. (там же, стр. 64).

§ 60. Трехсловные наименования, подобные приведенным, не всегда удовлетворяли в смысле точности разграничения представителей различных поколений одного и того же рода. Как показывают приведенные выше наименования (четвертое, пятое поколения), родовое прозвание, как мы уже упоминали (см. § 48), могло являться иногда четвертым членом наименования. Следовательно, в связи с указанным возникали и существовали усложненные, четырехсловные наименования. Они могли состоять из прозвищного отчества, ставшего родовым прозванием, и христианского отчества отца. Напр., в именовании «Иван Большей Васильев сын Полуектова Бутурлин», дворянин, сын боярский по Боровску, 50-е годы XVI в. (Тетр. двор., стр. 174) форма «Бутурлин» является родовым прозванием (пятое поколение), форма «Полуектова» является отчеством отца (третье поколение: Василий Полуектов — Иван Васильев сын Полуектова). Усложненное наименование могло состоять из прозвищного отчества, ставшего прозванием, и христианского отчества, ставшего прозванием; это — двойные прозвания или двойные фамилии. Например, в именовании «Иван Данилов сын Полуектова Бутурлина», сын боярский 2-й статьи Шелонской пятины, 1855 г. (Тыс. кн., стр. 91) форма Бутурлина является родовым прозванием (шестое поколение), а форма «Полуектова» также является родовым прозванием, указывавшим на более близкого родоначальника (четвертое поколение).

Четырехсловные наименования могли состоять также и из христианского отчества прадеда, ставшего родовым прозванием, и христианского же отчества деда. Ср. выше (стр. 79).

Таким образом, именования эти показывают живую родословную, в которой представлены имена четырех поколений. Однако такие наименования встречаются сравнительно редко и они не привились, вероятно, потому, что были чересчур громоздки и поэтому неудобны. Тенденция к трехсловному наименованию как наиболее полному была сильнее тенденции точной передачи живой родословной. Поэтому родовые прозвания хотя и могли занимать в наименовании четвертое место, однако являются обычно третьим составом наименования, заключая его, причем, как правило, оказывается не представленным отчество отца. Например, в «Актах феодального землевладения» в конце деловой грамоты 1519—1520 гг. читаем: «А на то послуси: Юрьи, да Иван, да Василей, да Григорей Григорьевы дети Ивановича Мануйлова» (стр. 148). Форма «Мануйлова» — здесь отчество деда, родоначальником их был «Иван Мануйлович», который написан послухом в грамоте 1461—1464 гг. (см. там же, стр. 114). В наименованиях внуков «Ивана Мануйловича» (когда они именуются по отдельности) отчество отца не представлено; представлено только отчество деда: «Юрьи Григорьев сын Мануйлова», 1495—1511 гг. (стр. 161), 1517—1518 гг. (стр. 166) или: «дворецкой Юрьи Григорьевич Мануйлова», 1524 г. (стр. 102), «Юрьи да Василей Григорьевича Мануйлова», 1526 г. (стр. 143).

Предпочтение отдавалось отчеству деда, вероятно, потому, что оно, как более старое, было привычнее при наименовании представителей соответствующего рода. Иная тенденция наблюдается в тех случаях, когда отчество деда оказывалось за прозвищным отчеством. (См. об этом далее.)

§ 61. Мы выяснили, что источниками прозваний являются отчества деда именуемого и прозвищное отчество отца именуемого. Понятие прозвания складывалось, следовательно, прежде всего как понятие культурно-историческое. Именно это обстоятельство было причиной и ряда языковых явлений, пережитых указанными выше формами в связи с превращением их в прозвания. Какого рода были эти переживания? Заметим прежде всего, что в разных группах фактов эти переживания были различными, поэтому мы и рассмотрим их по соответствующим группам.

В связи с тем, что третьи составы наименований представителей одного и того же рода по форме своей были различными, происходили процессы аналогичного ха-

рактера — происходило выравнивание этих составов в грамматическом отношении. О направлении этих процессов нетрудно судить по наименованиям представителей первых поколений того или иного рода.

Как было установлено выше, родовые прозвания могли восходить к кратким формам прилагательных с суффиксами *-ов*, *-ин*:

Иван Перепеча Мартемьянов сын Посульщикова;

Борис Иванов сын Перепечин;

Федор Борисов сын Перепечина.

Родовые прозвания могли представлять собой вначале форму родительного падежа от названных кратких притяжательных прилагательных, затем — форму именительного падежа этих прилагательных. Из приведенных наименований видно, что выравнивания могли происходить в двух направлениях: третий состав наименования представителей второго поколения мог уподобляться тому же составу наименования первого поколения. И наоборот, второй состав наименования первого поколения мог уподобляться третьему составу наименования первого поколения.

В связи с изменением прозвищных отчеств отца и отчеств деда в прозвание происходит замена родительных падежей этих форм формами именительных падежей, согласуемых с именем. Например, известный полководец Ивана Грозного «Иван Петрович Федорова», именуемый так в ряде источников (Тетр. двор., стр. 112; Дух. и дог. гр., стр. 420, 423, 449, 474), «Ивану Петровичу Федорова» (стр. 475), в Тыс. кн. называется «Иван Петрович Федоров» (стр. 54).

В «Тысячной книге...» значатся пусторжевские помещики «Степан да Замятня, да Третьяк, да Яков Григорьевы дети Кокошкина» (стр. 162). Форма «Кокошкина» является здесь прозвищным отчеством отца. Брат Григорья — Федор — именовался так: «оу Ѳедора оу Васил(ь)ева с/ы/на Кокошкина», 1521 г. (Дух. и дог. гр., стр. 411); срвн. на стр. 410: «за Федором за Кокошкиным»; «порукою ввел Федора Васильева сына Кокошкина», 1503—1504 гг. (Ак. с.-в. Р., стр. 564). Отец Федора — Василей Кокошка («едва ли после 1500 года») (Лет. арх. ком., стр. 57). Однако наряду с формой на *-а* одно лицо из вышеперечисленных именуется и с *-ин*: «Степан Григорьевич Кокошкин», 1555 г. (Лет. арх. ком., XI, стр. 93).

Отчество отца, имеющее форму на *-а*, может быть еще оправдано. Однако меньше оправданий для этой формы в отчестве деда (и более старших предков).

У упоминавшегося выше Василья Кокошки был брат — *Дмитрей Васильевич Бобр*, срвн.: «Се ꙗз, кн/ѧ/зь Юрьи Васил/ь/евич/ь/, пожаловал есмь Дмитриꙗ Васил/ь/евич/а/ Бобра», 1462—1472 гг. (Ак. с.-в. Р., стр. 234), 1463 г. (там же, стр. 243) и «Се ꙗз, Дмитреи Васил/ь/евич/ь/ Бобръ, купил есмь...», 1463 г. (Ак. с.-в. Р., стр. 243), 1460 г. (там же, стр. 283).

Дети Дмитрия Васильевича могли именоваться с двумя отчествами: «Се ꙗз, Иван Дмитреевь с(ы)нъ Бобров, кȣпил есми ȣ своєво брата ȣ Васил(ь) ꙗ ȣ Дмитреєва с/ы на ȣ Боброва де/ревню»... 1470—1500 гг. (Ак. с.-в. Р., стр. 367); «Иван Дмитреевич Бобров», звенигородский писец, 1537 г. (Ак. феод. земл., стр. 34).

Внуки Дмитрия Бобра, как и следовало ожидать, именуются «Бобровы»: «у Ивана да у Федора у Залешанина да у Микиты у Васильевых детей Боброва», 1526 г. (Ак. феод. земл., стр. 79; см. также на стр. 80). «По сей купчей яз Микита Васильевъ сынъ Боброва продал есми лугъ», 1533—1534 гг. (Лет. арх. ком., стр. 92).

Что касается поколения правнуков, то в одних случаях они именуются также: «Андреец Данилов сын Боброва, да Гаврило, да Шестак, да Меншик Даниловы дети Боброва» (стр. 137) — дети боярские по Кашину, занесенные в Дворовую книгу. В других же случаях они имеют уже форму на *-ов*: «Ждан Залѣшаниновъ сын Бобровъ», 1571 г.; «Степан Залѣшанинов сын Бобровъ», 1554—1555 гг. (Лет. арх. ком., стр. 91).

У великих князей Московских Василия I и Василия II (Темного) был воевода «Федор Беклемиш». Его наименование в указанной форме см., например, в актах, относящихся к 1392—1427 гг. (Ак. с.-в. Р., № 6, стр. 29; № 19, стр. 36). У Федора Беклемиша было два сына: «Василей да Иван Голова» (Врем., 9, стр. 113). Оба они, помимо христианских отчеств, именовались прозвищными отчествами. Младший из них, например, именуется: «Иван Беклемишев» в двух документах, относящихся также к 1392—1427 гг. (Ак. с.-в. Р., № 10, стр. 31, № 11, стр. 32). У старшего сына — Василия — было «семь сынов: Федор Змей, да Григорей Слеза, да Александр, да Никита, да Семен, да Михайло Миха, да Ондрей Шокъ бездетен» (Врем., 9, стр.

113). Один из сыновей Василия — Михаил назван в документе 1473—1489 гг. согласно с первоначальной нормой: «С Михаилом Васильевичем Беклемишова» (Ак. феод. земл., стр. 83); другой сын — Микита в одном из документов, относящихся к тому же времени, назван уже по-другому: «перед Микитою Васил/ь/евичем Беклемишовым», 1485—1490 гг. (Ак. с.-в. Р., № 523, стр. 399). В летописи под 1475 и 1476 гг. он также называется «Никита Беклемишов» (Моск. лет. св., стр. 303 и 306). Под 1472 г. так же именуется брат Никиты — Семен: «Семен Беклемишев» (Моск. лет. св., стр. 297). Так же именуется он в актах 1496—1498 гг. (см. Ак. с.-в. Р., № 6079, стр. 512).

Формы на *-а* встречаем и в наименованиях представителей последующих поколений: «Берсень Микитин сын Беклемишова», 1493 г. (Лет. арх. ком., IX, отд. I, стр. 75); «Андрей да Федор Берсеневы дети Беклемишева» (Тетр. двор, стр. 159). Однако в наименованиях младших поколений этого рода широко представлены и формы на *-ов*: внук Федора Змея в Тетр. двор. именуется: «Данило Иванов сын Спячев-Беклемишов (Спячев — прозвищное отчество, отца звали Иван Спячей). Внуки Александра или Семена именуются: «Андреец Андреев сын Беклемишев», «Семен Андреев сын Беклемишев» (Тетр. двор., стр. 132, 179). Но срвн. также: «Федор Семенов сын Беклемишева-Змеева» (там же, стр. 195).

В некоторых родовых прозваниях формы на *-а* встречаются лишь как исключения. Так, потомки Ивана Мороза, за исключением одного случая, все называются «Морозовыми», а не «Морозова».

Потомки другого представителя рода Морозовых — правнука Ивана Мороза — Михаила Салтыка именуются с прозвищным отчеством на *-а*, как мы уже говорили, только тогда, когда они называются вместе: «Михайло, да Худяк, да Федор Игнатьевы дети Салтыкова» (Тыс. кн., стр. 60, Тетр. двор., стр. 187).

Дети другого сына — Ивана, именуемые по отдельности, не содержат формы на *-а*: «Борис Иванов сын Салтыков» (Тыс. кн., стр. 56, Тетр. двор., стр. 187); «Глеб Иванов сын Салтыков» (Тыс. кн., стр. 78). Также и дети другого сына — Андрея, именуемые с *-вичами*: «Лев Андреевич Салтыков» (Тетр. двор., стр. 112, 113).

Сын Бориса, правнук Михаила Салтыка, именуется также на *-ов*: Дмитрей Борисов сын Салтыков (Тетр. двор.,

стр. 187). Но дети Льва, именуемые вместе, называются с формой на *-а*: «Михайло да Иван Львовы дети Салтыкова» (Тетр. двор., стр. 124).

Встречаемся с наименованиями, в которых форма на *-ов* или *-ин* проведена последовательно.

В одной из дошедших «Родословных книг» читаем: «В лето 6981 (1473) к в. к. Ивану Васильевичу с царевною с Софьею Ѳоминичною... приехали служити Дмитрей да Юрьи Монойловы дѣти греки, а были они в Аммореи у Деспота бояре. Дмитрей был бездетен, а у Юрья дети: Василей был у царя и в. к. Ивана Васильевича... боярин, да Иван, да Захарья; а у Василия дети: Иван да Никифор; а у Ивана дети: Тихон да Михайло» (Врем. кн., 9, стр. 121). О втором из братьев в «Московском летописном своде» сообщается, что в 1487 г. великий князь Иван Васильевич послал «послов к королю Римъскому Максимьяну Фердерикову сыну, Юрья Грека Тарханиота да дьяка своего Василья Кулешина» (стр. 331). Как дети, так и внуки и правнуки Юрия Траханиота именуются с формой на *-ов*, которая в четвертом поколении имеет уже значение родового прозвания.

Наименование родоначальника: «князь Иванъ Михайловичь Рѣпня», под 7022 г. (1514) (Врем. кн. 11, стр. 5).

Именование детей: «Князь Петръ Ивановичь Рѣпнин», под 7047 г. (1539 г.) (там же, стр. 7).

Именования внуков: «князь Михайло княж Петров сын Репнинъ», 1550 г. (Тыс. кн., стр. 57). Он же: «князь Михаило Петрович Репнин», 50-е годы XVI в. (Тетр. двор., стр. 112) — «князь Юрьи княж Петров сын Репнин», 1550 г. (Тыс. кн., стр. 61).

У Петра Ивановича был брат Василий Иванович. Его дети (поколение внуков) именуются также Репниными: « князь/ Андрей княж Васильев сын Репнин» (Тетр. двор., стр. 118).

Поколение правнуков: «князь Олександру Ондреевичю Репнину», 1609 г. (Арх. Стр., II, стр. 168, 169, 195), 1607 г. (Ак. Шуйск., стр. 19—20).

Поколение праправнуков: «Боярину князю Петру Александровичю Репнину», 1640 г. (Арх. Стр., II, стр. 1014); «Стольникъ князь Петръ Олександровичъ Репнинъ», 1612 г. (Арз. ак., стр. 433).

Формы родовых прозваний не всегда оканчивались на *-а*. Это имело место только в случаях, когда родовые

прозвания являлись по происхождению притяжательными прилагательными с суффиксами *-ов* и *-ин*. Однако родовые прозвания могли восходить и к обыкновенным прилагательным. От таких прозвищных прилагательных возникали прозвания в форме родительного падежа с окончаниями *-ого* (*-ово*) (*-ова*): *Глухой—Глухова, Дурной — Дурного, Нагой — Нагова* и т. п. Приведем материал.

«Александр Борисович Горбатого» (Разрядная кн. под 1538 г., стр. 105; 1540 г., стр. 111 и 112; 1544 г., стр. 119; 1547 г., стр. 123; 1548 г., стр. 126; 1549 г., стр. 131, 132, 134; 1552 г., стр. 153 и 154; 1557 г., стр. 189. Тыс. кн., стр. 54). В косвенных падежах форма родительного падежа сохраняется: «Александру Борисовичу Горбатого» (Разрядная кн. 1540 г., стр. 112; 1549 г., стр. 136); «Александра Борисовича Горбатого», 1555 г. (там же, стр. 152), 1553 г. (стр. 157).

В меньшем количестве случаев пишется форма именительного падежа: «Александр Борисович Горбатой» (Разрядная кн. 1543 г., стр. 115; 1548 г., стр. 128; 1552 г., стр. 156; 1556 г., стр. 184; 1559 г., стр. 213; Туп. 1547 г., стр. 169; Тетр. двор., 50-е годы XVI в., стр. 111, л. 86). Так же пишутся его двоюродные братья: «Василей Іванович Горбатой» (Разрядная кн. 1548 г., стр. 131), «Дмитрей Іванович Горбатой» (там же, 1540 г., стр. 112).

В наименовании сына Александра Горбатого, записанного в Тетр. двор., представлена форма родительного падежа: «князь Петр княж Александров сын Горбатого» (см. стр. 153).

Такое же смешение различных форм наблюдаем в родовых прозваниях, восходящих к прозвищу «Долгорукой». Для потомков Ивана Долгорукого (2-е колено — Володимер, 3-е — Семен, Федор, Тимофей, Федор (второй), Никита, Александр, Михайло Птица, начиная с 4-го колена употребляются такие формы родового прозвания:

а) Формы родительного падежа:

4-е колено: «князь Иван Рыжко княж Тимофеев сын Долгорукого» (Тыс. кн., стр. 57); «князь Василей да (князь) Иван княж Михайловы дети Долгорукова» (Тетр. двор., стр. 119); «(князь) Иван княж Михайлов сын Долгоруково» (Тыс. кн., стр. 61).

5-е колено: «князь Василей княж Микитин сын Долгорукою» (Тетр. двор., стр. 119); «Григорья Долгорукова»,

1615 г. (Арх. Стр., II, стр. 408); «князь Иван княж Андреев сын Долгорукого» (Тетр. двор, стр. 119).

6-е колено: «боярина князя Володимерь Тимоѳіевича Долгоруково», 1624 г. (Арх. Стр., II, стр. 645).

б) Формы именительного падежа на *-ов*:

4-е колено: «князь Иван /княж/ Тимофеев сын Долгоруков» (Тетр. двор., стр. 119); «князь Юрьи княж Семенов сын Долгоруков» (Тетр. двор, стр. 119).

в) Формы именительного падежа на *-ой*:

5-е колено: «князь Григорей Долгорукой», 1607 г. (Арх. Стр., II, стр. 134), 1614 г. (там же, стр. 360).

6-е колено: «князь Володимер княжъ Тимоѳѣевъ сынъ Долгорукой», 1581 г. (Лет. арх. ком., III, отд., стр. 44).

Еще пример. Отец «Василей Юрьевичь Ушатой», под 1524 г. (Разряд. кн., стр. 75). Прозвание могло присоединяться к прозвищному отчеству отца. Сын «князь Данило княж Васильев сын Чюлков-Ушатого» (Тыс. кн., стр. 62), л. 123 об., так и в Тетр. двор., стр. 121); «князь Данило княж Юрьев сын Меншого Ушатого» (там же); «князь Семен княж Юрьев сын Меншого Ушатово» (там же).

§ 62. Необходимо отметить, что не все отчества отца или вообще отчества могли быть родовыми прозваниями. Отчества отца и отчества с суффиксами *-ов-ич*, *-ев-ич*, *-ич* не могли быть родовыми прозваниями. Это и вполне понятно, если принять во внимание сословно-классовое применение образований с указанными суффиксами. Весьма любопытно в связи с этим, что родовые прозвания западно- и южнорусских областей с указанными суффиксами, как мы уже говорили выше, переделывались в приказном языке на образования с *-ов*, *-ин* (см. в работе А. М. Селищева).

С другой стороны, мы располагаем такими родовыми прозваниями, которые по своей форме не являются продолжением отчеств отца.

В памятниках употребляются прозвания, восходящие не только к форме родительного падежа единственного числа прилагательных, но и прозвания, восходящие к формам родительного падежа множественного числа разных образований — от первоначальных существительных и от первоначальных прилагательных. Третьи составы наименований, представляющие собой формы родительного падежа множественного числа, не моложе отчеств отца. Процесс появления прозваний указанного вида происходил в

русском языке, по крайней мере, в северных его говорах, для которых имеются соответствующие данные, не позднее XVII века. Так, в порядных грамотах Антониева-Сийского монастыря содержится целый ряд образований указанного вида, причем нередко употребляются они в грамотах наряду с формами родительного падежа единственного числа и именительного падежа множественного числа соответствующих образований.

«Се яз Иван Стефанов сын Шестаковых», 1699 г. (стр. 195), но и «крестьяне Федор да Андрей з братьями Лазаревы дети Шестаковы», 1684 г. (стр. 162); «Леонтей Евфимьев сын Замятнин, да яз Семен Сергеев сын, оба Окуловых», 1670—1671 гг. (стр. 154), но и: «Се яз Иван Васильев сын, да яз Мартын, да яз Семен Тимофеевы дети Окулова», 1602 г. (стр. 109); «Се яз Никита Козмин сын Даниловых», 1669 г. (стр. 148); «Се яз Михайло Никифоров сын Даниловых», 1669 г. (стр. 149); «бобылек Филип Дорофеев сын Даниловых», 1688 г. (стр. 171), но и: «Павел Григорьев сын Данилова», 1669 г. (стр. 149); «яз Савастьян Кондратьев Ягодиных», 1668 г. (стр. 172), но и: «Савастьяна Ягодина», 1688 г. (там же); «вместо Федота Кондратьева сына Лисых», 1684 г. (стр. 167), но и: «крестьянин Федот Кондратьев сын Лисово» (там же).

Можно было бы привести много других примеров наименований с прозваниями в форме родительного падежа множественного числа (см. в том же документе).

К сожалению, мы не располагаем данными, на основании которых могли бы быть вскрыты эти родовые прозвания. О том, что многие из них развивались в родовые прозвания, свидетельствует тот факт, что в современном русском языке существуют фамилии типа: Черных, Седых, Домогацких и подобные (см. об этом ниже).

§ 63. Выше были выяснены основные источники прозваний: подобно тому как собственно-отчества и прозвищные отчества восходили к именам, так прозвания — будущие фамилии — восходят к отчествам и прозвищным отчествам. Отчество становится прозванием тогда, когда оно перестает быть отчеством не только именуемого, но и его отца. При тех же условиях становится прозванием и прозвищное отчество.

Прозвания любого происхождения, восходящие к прозвищным отчествам отцов или собственно-отчествам отцов,

становились фамилиями. Для прозвищных отчеств отцов такая возможность открывалась в наименованиях третьего поколения, для собственно-отчеств такая возможность открывалась в наименованиях второго поколения.

Характерной грамматической чертой прозвания является форма родительного падежа, которая могла иметь различные окончания в зависимости от происхождения данной формы: окончание *-а* (от притяжательных прилагательных), *-ого*, *-ово* (от прилагательных), *-ых* (также от прилагательных). В связи с изменением прозваний в фамилии указанные формы преобразуются, каждая по-своему. На этих преобразованиях мы теперь и остановимся.

Следовательно, изменение прозваний в фамилии состояло не только в том, что они переходили из поколения в поколение в качестве постоянных частей наименований, но и в том, что они получали иную форму: формы родительного падежа притяжательных прилагательных заменялись формой, согласуемой с именем. Это была уже по своему грамматическому значению не форма притяжательного прилагательного, а форма существительного.

В истории отдельных русских фамилий эти изменения складывались по-разному: в одних случаях такая замена форм начинается с прозвищных отчеств, в других случаях она начинается с того момента, как прозвание становится фамилией по значению, в третьих случаях формы на *-а* продолжают употребляться еще и тогда, когда по значению своему они стали уже фамилиями. Однако, как бы по-разному ни складывался этот процесс в истории отдельных фамилий, общее направление его и конечные результаты не подлежат сомнению: формы на *-а* заменялись согласуемыми с именем формами. Следовательно, изменение прозвания в фамилию с внешней стороны представляет собой «изменение» прозваний на *-а* в согласуемые с именем прозвания, которые и являются фамилиями.

Этот процесс замены форм на *-а* формами, согласуемыми с именем, отразился в том, что в памятниках письменности в именованиях одного и того же лица наблюдаются колебания: третий состав наименования, получивший значение фамилии, имеет то форму на *-а*, то форму, согласуемую с именем. (См. об этом выше.)

Изменяясь в фамилии, т. е. субстантивируясь, прозвания, восходящие к прилагательным, или принимали форму

именительного падежа, т. е. совпадали с существительными, или они становились неизменяемыми.

Мы уже приводили выше наименования Александра Борисовича Горбатого, которые в третьем своем составе имеют то форму родительного падежа, то получают новую форму именительного падежа. Добавим здесь, что отец упомянутого Александра Борисовича уже именовался «Горбатым»: «Борис Иванови(ч) Горбатой», 1503—1504 гг. (Ак. с.-в. Р., стр. 564). Так же он именуется в «Посланиях Ивана Грозного», 1573 г. (стр. 154, Счетное дело, 4). В наименовании Бориса «*Горбатой*» восходит к прозвищу деда, который в одной из грамот 1448—1449 гг. назван: «Иванъ Васильевич(ь)». Срвн. Родосл. кн., Врем., 9, стр. 45. «Федор Михайлович Нагой», окольничий (Тыс. кн., стр. 55) и «Федор Михайлович Нагова», боярин (Тетр. двор., стр. 112, 113).

Срвн. приведенные выше наименования Долгорукого: наряду с исходными формами «Долгорукого», «Долгоруково», «Долгорукова» появляются формы на *-ой* или *-ов*.

В том же направлении могло идти изменение прозвания: «Хитрово»; срвн. в Тыс. кн.: «Гридя да Денис Васильевы дети Хитрово» (стр. 78, л. 144); «Лопата да Офонасей Прокофьевы дети Хитрово» (стр. 78, л. 144). В списке 100 г. встречаем: «Неждан Максимов сын Хитрой» (может быть, это прозвище, а не прозвание или фамилия?). Встречаем и такую форму: «Сенка Васильевъ сынъ Хитрова (съ) своими детниками...» (1613 г.).

Однако отчество-прозвание *Хитрово* могло пойти и по другому направлению.

§ 64. Был и другой путь изменения прозваний на *-ого* (*-ово*, *-ова*) в фамилии. Он состоял в том, что указанная форма просто субстантивировалась и, может быть, в отдельных случаях переживала в связи с этим изменения в месте ударения (Хи́трово>Хитрово́). К сожалению, нам не посчастливилось напасть на такие памятники письменности, которые содержали бы достаточный материал для раскрытия истории фамилий указанного вида. Можно полагать, что во второй половине XVII в. это изменение в месте ударения некоторыми фамилиями уже было пережито. Во всяком случае трудно объяснить себе иначе постоянство в написании указанной выше фамилии «Хитрово» в наименовании известного боярина XVII в. Бог-

дана Матвеевича Хитрово. Так именует (пишет) себя, во-первых, он сам — «Богдашко Хитрово», так же он именуется постоянно в документах: «Богданъ Матвѣевичъ Хитрово» (Дом. быт, I, стр. 380), «Богдана Матвѣевича Хитрово» (стр. 375).

Впрочем, не исключена была возможность его наименования и Хитрым.

Форма «Хитрово» употребляется и в наименованиях родственников Богдана: «Ивана Богданова сына да Ивана Савостьянова сына Хитрово» (Дом. быт, I, стр. 374), «стольник Иванъ Богдановъ сынъ Хитрово» (там же, стр. 375), «Ивану Савостьянову сыну Хитрово» (там же, стр. 378). «С Иваномъ Хитрово» (там же, стр. 376, 377, 378, 379).

Но сам Иван называет себя в одном документе «Иван Хитрой» (стр. 375), так же в тексте (стр. 380): «И Иван де Хитрой», «съ Иваномъ Хитрымъ» (стр. 378—380).

Во множественном числе употреблялась форма «Хитрые» (там же, стр. 376, 377); «Хитрых» (там же, стр. 379); «Хитрым» (там же, стр. 380); «съ Иваномъ и съ иными Хитрыми» (там же, стр. 377)

§ 65. Родовые прозвания, восходящие к прилагательным в форме родительного падежа единственного числа, разделили различную историческую судьбу.

1. Одно направление этого развития состояло в том, что форма родит. падежа удерживалась и, как на это уже указывалось выше, субстантивировавшись, стала несклоняемым существительным. Это произошло не во многих случаях. Сюда восходят фамилии типа: Хитрово́, Дурново́, Сухово́.

2. Субстантивировавшись, родительный падеж этих форм мог привести к появлению фамилий типа: Живаго, Благаго и др.

3. Второе направление развития этих родовых прозваний состояло в том, что родительные падежи расподоблялись:

Долгоруково> Долгорукой или Долгоруков
Толстого> Толстой или Толстов
Горбатого> Горбатой или Горбатов
Смирного> Смирной или Смирнов
Умного> [Умной] или Умнов
Дурново> [Дурной] или Дурнов.

Прилагательные могли иметь ударение разное — на основе и на окончании. Образованные от прилагательных фамилии также появлялись с разными ударениями. Срвн.:

Прилагательные с односложной основой:	Прилагательные с двусложной основой:
Че́рный, Черно́й, Черно́в	Горба́той, Горба́тов
Сми́рный, Смирно́й, Смирно́в	Золото́й, Зо́лотов
Гря́зный, Грязно́й, Грязно́в	Широ́кий, Широ́ков
Ду́рный, Дурно́й, Дурно́в	Желе́зный, Железно́в
Бе́лый, Бело́й, Бело́в	Коро́ткий, Коротко́в
У́мный, Умно́й, Умно́в	Досу́жий, Досу́жев
То́лстый, Толсто́й, Толсто́в	Бессту́жий, Бессту́жев
Же́лтый, Желто́й, Желто́в	
Кра́сный, Красно́й, Красно́в	

ГЛАВА VII

ФАМИЛИИ

§ 66. Исследованный материал подвел нас вплотную к вопросу о появлении современных русских фамилий.

Подробно рассмотрев вопрос о так называемых отчествах, мы тем самым подготовили материал, необходимый для рассмотрения вопроса об источниках и начальных стадиях образования русских фамилий. Мы можем теперь сказать, что подобно тому как личные имена и прозвища были источниками собственно-отчеств и прозвищных отчеств, так собственно-отчества и прозвищные отчества были источниками образования фамилий. Однако прежде чем говорить о том, как образовались фамилии, необходимо ответить на вопрос о том, что такое фамилия.

В «Толковом словаре» под редакцией проф. Д. Н. Ушакова фамилия определяется как «наследственное семейное наименование». Из этого определения следует, что одной из самых характерных примет фамилии является то, что она представляет собой такую часть наименования, которая переходит из поколения в поколение, т. е. является постоянной частью в наименованиях представителей того или иного рода, в то время как другие составы наименований (имена и отчества) изменяются из поколения в поколение, а если и повторяются, то всякий раз (=во всяком

новом поколении) образуются заново (срвн. наименование отца: Иван Иванович и наименование сына: Иван Иванович). Итак, фамилия — это постоянный состав в наименованиях представителей известного рода.

Чем фамилии отличаются от родовых прозваний?

Фамилии отличаются от родовых прозваний тем, что некоторые черты последних получают в них (фамилиях) окончательное развитие. Черты эти следующие:

1. Родовое прозвание могло оказаться смененным другим родовым прозванием; фамилия представляет собой постоянный состав в наименованиях представителей всех поколений.

2. От родового прозвания могли отпочковываться новые прозвищные отчества, которые могли перерастать в родовые прозвания; от фамилии таких отпочкований не происходит.

3. Родовые прозвания наряду с формами на *-ов* могли иметь формы родительного падежа на *-а*. Фамилия всегда согласуется с именем называемого.

4. Изменение родовых прозваний в фамилии происходит тогда, когда выходят из употребления прозвища. Одни фамилии сложились раньше, другие позднее. Превращаясь в фамилии, родовые прозвания приобрели согласуемую с именем форму (на *-ов*, *-ин*, *-ой*, *-ский*, *-ово́*, *-ых*).

§ 67. Каким образом отчества развивались в фамилии?

На первый взгляд может показаться неправильной сама постановка вопроса. В самом деле, о каком дальнейшем развитии отчеств, а тем более об их изменении в фамилии может идти речь, когда отчества дожили и до наших дней. И теперь, как и в прошлом, отчества возникают и употребляются при тех же самых условиях. В наши дни, как и в XIV—XV вв., они образуются от личных имен отцов и сменяются из поколения в поколение: сын какого-нибудь «Сергея Ивановича» будет называться уже «Сергеевичем» или «Сергеевым» (в говорах), например: «Петр Сергеевич» или «Петр Сергеев». Сын Петра будет именоваться: «Николай Петрович» или «Николай Петров» и т. д. В старину, правда, в именованиях второго вида после отчества часто прибавлялось еще слово «сын»: «Петр Сергеев сын Иванова» или «Микула Петров сын Сергеева», но это дополнение (слово «сын») не изменяло существа дела: оно лишь подчеркивало лишний раз, что перед нами «отчество», а не какое-нибудь иное слово.

И тем не менее предложенная выше постановка вопроса о дальнейшем развитии отчеств и их изменении в фамилии вполне основательна и правильна. То, что сказано было выше об употреблении отчеств в XIV—XV вв., о существовании их в наши дни и об их смене из поколения в поколение, не подлежит сомнению. Отчества как отчества не изменялись; единственное изменение их состояло в том, что они сменялись из поколения в поколение. Ни о каком дальнейшем развитии отчеств в указанных условиях не может быть и речи. Однако отчества могли оказываться в наименовании и в таком положении и условиях, при которых их дальнейшее развитие было не только возможно, но даже и неизбежно. Что представляли собой эти условия?

В XIV—XVI вв. в состав наименования того или иного лица, как мы уже говорили, могло входить в отличие от нашего времени не только отчество именуемого, но и отчество его отца. Например, в наименовании известного полководца и деятеля времени Ивана Грозного — «Иван Петрович Федорова» (Тетр. двор., стр. 112 и др.) — представлено не только собственно-отчество именуемого («Петрович»), но и отчество отца именуемого («Федорова» или «Федоров», срвн. наименование отца — «воевода Петр Федорович», 1472 г. (Моск. лет. св., стр. 297). Другие примеры см. выше (§ 45).

Отчества получали возможность дальнейшего развития в наименованиях, в которых они выступали в значении отчеств отца именуемого. В этом новом положении они не утрачивали вовсе значения отчеств, но это значение было в них сильно ослаблено, так так имело отношение не к именуемому лицу, а к его отцу, от которого и было образовано отчество именуемого.

Отчества отца именуемого, утрачивая значение отчеств, вместе с тем приобретали новое значение, значение, приближающее их к значению современных фамилий. Однако это фамильное значение было выражено в них еще слабее, нежели значение отчества, так как последнее еще сознавалось по отношению к имени лица, от которого образовано собственно-отчество именуемого, согласованное с ним и в грамматическом отношении. Между тем связь отчества отца с именем называемого лица не только не оправдывалась грамматическими отношениями, но и вообще не могла быть осознана без посредства собственно-отчества. Отчество отца имело в наименовании сына (по отношению к его лич-

ному имени), следовательно, значение дополнительного к отчеству различительного знака. Это значение и сближает отчество отца с современными фамилиями. Но фамилиями они, конечно, не являлись уже по одному тому, что подобно отчествам они подлежали смене из поколения в поколение.

Много примеров такой смены отчеств отца уже приводилось выше.

§ 68. Каким образом прозвищные отчества становились фамилией?

Чтобы ответить на заданный вопрос, следует рассмотреть судьбу прозвищных отчеств на конкретном материале. Ряд примеров перехода прозвищных отчеств в прозвания, а потом в фамилии приведен нами выше. Срвн., например, историю фамилий Сабуровых, Пешковых, Пильемовых, Вислоуховых.

При рассмотрении вопроса об истории фамилий очень важно установить, с какого момента то или иное отчество (родовое прозвание) становится постоянным составом наименований представителей того или другого рода, т. е. фамилиями.

Следует сказать, что наименования с двумя образованиями от русских имен после отчеств встречаются в памятниках письменности очень часто, и если о первых из этих образований можно сказать, что они являются прозвищными отчествами, то о вторых из них мы не можем сказать, что они обязательно являются прозвищными отчествами отцов: они могут восходить к наименованиям представителей старших поколений (отчествам дедов, прадедов и т. д.). Например, упомянутый выше «Федор Иванов сын Шолохов», отцом которого был «Иван Шолох», мог называться и так: «Федор Иванов сын Шолохов Чертова», 1495—1511 гг. (Ак. феод. зем., стр. 161), однако форма «Чертова» в этом наименовании, как было выяснено выше, не может быть прозвищным отчеством отца, всего скорей она восходит к прозвищному отчеству деда. То же самое следует сказать о такой же форме в наименованиях двоюродных братьев Федора — «Иван, да Григорей, да Шишка, да Яков Васильевы дети Лысковы Чертова», 1518 г. (Ак. феод. земл., стр. 79) и его ближайших родственников — «двема Иваном да Петруше Семеновым детем Соколова Чертовым». Отцом первых был «Лыско Чертов» (Туп., стр. 290),

отцом вторых — «Семен Сокол Григорьев сын Чертова» (Ак. феод. земл., стр. 290).

Неполными вариантами этих наименований являются такие наименования, в которых прозвищное отчество и прозвищное отчество отца следуют непосредственно за именем называемого лица. Срвн.: «Федор Иванов сын Шолохов Чертова» (приведено выше) и: «после брата их живота Федорова Шолохова сына Чертова» 1526 г. (Ак. феод. земл., стр. 79), «Игнатей Шишка Васильев сын Лыскова Чертов» (где перепутаны формы, см. выше) и: «Шишка Лысков сын Чертова», 1518—1519 гг. (там же, стр. 82). «за Григорьем Васильевым сыном Лыскова за Чертовым» (где правильно было бы: «Лысковым Чертова»), 1525—1526 гг. и: «Гридя Лысков сын Чертова», 1518—1519 гг. (там же, стр. 81—82); «Семен да Игнатей Горяиновы дети Елдегина», 1526 г. В этом наименовании не представлено отчество — *Андреевы*, о котором узнаем из наименования одного из братьев: «Семен Андреев сын Горяинов», 1526 г. (Ак. феод. земл., стр. 70). Что касается формы «Елдегина», то она употреблялась уже в наименовании отца: «от Горяиновы земли Елдегина», 1495—1496 гг. (Ак. феод. земл., стр. 60; см. также стр. 63, 64). Является ли она в наименовании братьев прозвищным отчеством отца или она более давнего происхождения — данными не располагаем.

«Мясоед Шумов сын Елдегина», 1526 г. (Ак. феод. земл., стр. 72); наименование отца: «Иван Шум Васильев сын Елдегина», 1504—1505 гг. (там же, стр. 63). Следовательно, в интересующем нас наименовании пропущено отчество («Иванов»). (О форме «Елдегина» сказано выше.)

§ 69. Итак, в тех случаях, когда отец не был носителем прозвища, его дети вместо прозвищного отчества именуются или с отчеством отца, или с его прозвищным отчеством. Прозвищное отчество отца живет, таким образом, в наименованиях двух поколений.

Так, например, обстоит дело, в наименованиях потомков Федора Сабура, о котором мы уже говорили выше (§ 57).

Дети Семена Вислоуха — Иван, Тимофей (бездетен), Юрий, Федор, Борис, Иван, Федор, Папа, надо полагать, также носили прозвищное отчество «Вислоуховы». Но они могли обходиться и без него; срвн.: «Папа Семеновъ сынъ Сабуровъ» (Самокв., I, стр. 351).

Дети перечисленных братьев, не имевших прозвища, именовались также «Вислоуховыми». В «Тысячной книге...» написано: «Григорей, да Василей, да Богдан Юрьевы дети Вислоухова-Сабурова» — псковские помещики (стр. 98). «Василей Борисов сын Вислоухова», сын боярский (Тыс. кн., 1550 г.), но он же и «Василей Борисовъ сынъ Сабурова» (Самокв., I, стр. 351); «Утуч Иванов сын Вислоухов» (Тыс. кн., стр. 84). Дети Папы Федора получают прозвищное отчество по отцу и сохраняют прозвищное отчество отца: «Григорей да Степан Папины дети Вислоухова» (там же, стр. 84), но и «у Семена у Папина сына Сабурова» (Самокв., I, стр. 129); «За Тимофеемъ за Ивановымъ сыномъ Сабурова», 1573 г. (Самокв., I, стр. 326).

Из предшествующего следует, что одной из особенностей прозвищных отчеств в отличие от собственно-отчеств было то, что они были не обязательны, так же как не обязательны были и прозвища в отличие от личных имен. Основным в структуре наименования были личное имя и собственно-отчество.

Упомянутые выше братья *Федор* и *Семен*, кроме личных имен, имели и прозвища: первый — *Пильем*, второй — *Вислоух*; поэтому в именованиях детей этих братьев прозвищное отчество отца сменяется прозвищным отчеством самих носителей соответствующих наименований: Срвн.: «пожаловал есми Ѻндрѣѧ, да Степана, да Василь'ь'ꙗ Ѳедоровых детеи Пильемовых», 1497 г. (Ак. с.-в. Р., стр. 522). На обороте грамоты: «Степан Пильемов». В меновой грамоте 1566 г. делается ссылка на книги «писма Степана Пил'ь'емова» (Дух. и дог. гр., стр. 423). В следующем поколении смены прозвищного отчества не происходит, так как дети Пильема прозвищ не имели. Срвн.: «Юрьи Ондреев сын Пильемов», «Гриша Степанов сын Пильемов», дети боярские, 3-й статьи по Вязьме, 1550 г. (Тыс. кн., стр. 77, 78).

Таким образом, представляется несомненным, что прозвищное отчество одного из предков становится прозванием, если в последующих поколениях все будут называться христианскими именами. Следовательно, с выходом из употребления прозвищ прекращается образование прозвищных отчеств, а вместе с ними и прозваний. С этого момента сложившиеся прозвания получают значение современных ф а м и л и й.

§ 70. Как было выяснено выше, составные части древнерусских наименований были различного происхождения и находились в различных отношениях друг к другу. Восточнославянские личные имена эпохи язычества были заменены в свое время греческими именами. Восточнославянские имена, однако, не были утрачены, но изменилось их значение: они стали вторыми, бытовыми, именами, с течением времени изменившимися в прозвища.

Кроме личного имени и прозвища, в состав наименований входили посессивные образования от личных имен или прозвищ отцов или от тех и других одновременно. Это были отчества или прозвищные отчества. Они указывали на принадлежность именуемого лица определенному отцу. В наименования могли входить одно отчество или одно прозвищное отчество или отчество и прозвищное отчество.

«Прозвища», образованные от имен деда, прадеда и других дальних предков, отличались от прозвищ, образованных от имен отцов, и в грамматическом отношении.

Прозвища, восходящие к имени отцов, как правило, выступают в именованиях в форме именительного падежа. Они, как и отчества, обычно согласуются с личным именем или прозвищем, образуя единое наименование лица. Формы на *-ов* и *-ин*, восходящие к именам — прозвищам деда, прадеда и т. д., могут иметь формы родительного падежа на *-а*, грамматически связанные не с личным именем (прозвищем) именуемого, а с его личным или прозвищным отчеством.

В вышеприведенном наименовании (стр. 90) «Енышъ Iванов сынъ Муравьев», 1546 г., форма «Муравьев» может представлять собой ближайшим образом прозвищное отчество. Но в именовании сына Еныша — «У Гарасима Енышева сына Муравьева», 1586 г., «Герасиму Енушеву сыну Муравьеву» — она может восходить по крайней мере к прозвищу деда. Поэтому она может иметь в наименовании и форму родительного падежа: «Герасимъ Енышевъ *Муравьева*» (Зап. кн., стр. 7).

В приведенном выше (стр. 88) именовании в родительном падеже — «Григория Кузьмина сына Стогова» — форма «Стогов» восходит, по крайней мере, к прозвищу деда. Поэтому в именовании того же лица она может выступать и в родительном падеже: в 1490—1494 гг. указанное лицо писало «разводную» грамоту и подписало ее так: «Гридка Кузмин сын Стогова» (Ак. феод. земл., стр. 429).

В «Купчей грамоте 1526 г.» читаем: «у Юрья у Борисова сына Перепечина... чем его благословил дед его Иван Перепеча Мартьемьянов сын Посульщикова и отец его Борис Иванов сын Перепечин своею отчиною...» Ниже, в послухах, значится брат Юрья, который именуется так: «Федор Борисов сын Перепечина». В этом последнем наименовании форма родительного падежа восходит к прозвищу деда, как и в примере, приведенном выше (Ак. феод. земл., стр. 13, 14).

§ 71. Следует отметить, что формы именований с притяжательными прилагательными, согласованными с личным именем (прозвищем), первоначально соответствовавшие личному и прозвищному отчествам, оказывали сильное влияние на формы именований, в которых имелись формы на *-ов*, *-ин*, восходившие к именам (прозвищам) деда. В результате вместо форм притяжательных прилагательных в родительном падеже на *-а* являлись формы, согласованные с личным именем (прозвищем) именуемого. Примеры подобных влияний см. выше: «Василей Клоковъ сынъ Лупандинъ» вместо «Лупандина», так как форма эта восходит к имени деда. Точно так же «Иванъ Даниловъ сынъ Сабуровъ» вместо «Сабурова», так как форма эта может восходить ближайшим образом только к прозвищу деда, и другие «Юрья Борисов сын Перепечина» подписывает грамоту: «Юрьи Перепечин», хотя так мог писаться только его отец, он же должен был писаться «Перепечина». Здесь обобщение идет в другом направлении: обобщается именительный падеж и на имена деда. Описанное влияние было господствующим: оно привело к тому, что в позднейшее время все элементы именования согласовывались с личным именем. Но в памятниках письменности отразилось и влияние именований, состоявших, кроме личного имени (прозвища), из отчества (личного или прозвищного) и формы на *-ов*, *-ин*, восходящей к имени (прозвищу) деда, прадеда и т. д. Например, в «Актах феодального землевладения», на стр. 161, встречается наименование: «Костя Ширяй Иванов сын Близнецов». Как показывает наименование отца — «у Ивана у Близнеца у Иванова сына у Ларионова» — формы «Иванов» и «Близнецов» в именовании Кости Ширяя являются отчествами и соответственно согласуются с именами. В другой грамоте, 1521 г., Костя Ширяй именуется так: «Ширяй Иванов сын Близнецова Ларионова». Это именование не вполне отвечает нормам, о которых говорилось выше. Форма «Ларио-

нова» произведена от имени деда и поэтому правильно стоит в родительном падеже, но форма «Близнецова» произведена от имени отца Ширяя и должна была быть согласована с именем (прозвищем) именуемого. Нарушение согласования вызвано именованиями с формами на *-а*, восходящими к именам (прозвищам) деда.

В данной грамоте 7041 г. (1533) написан «Асманъ Григорьевъ сынъ Секирина» (Зап. кн., стр. 43). Он пишется и так: «Османъ да Микита Григорьевы дѣти Секирина», 1546 г. (там же, стр. 199, срвн. также на стр. 185); дети Османа: «Борис да Ондрѣй Османовы дети Секирина», 1569 г. (там же, стр. 18, см. стр. 6); Внук Османа: «И тѣ кабалы, записавъ одданы Ивану Борисову сыну Секирину», XVI в. (там же, стр. 5).

§ 72. Если мы сопоставим наименования с прозвищными отчествами с наименованиями с прозвищными отчествами отцов, дедов и т. д., то найдем здесь именования, относящиеся к одному и тому же лицу. Например:

«Окул Васильев сын Деревлев», 1504 г. (Ак. феод. земл., стр. 63) и «Окул Васильев сын Деревлева», около 1495—1496-х годов (там же, стр. 61, 64, 161); «Андрей Тимофеев сын Рчинов», 1495—1511 гг. (там же, стр. 77; 1504 г., стр. 163) и «Андрей Тимофеев сын Рчинова», 1498—1499 гг. (стр. 65); 1505—1507 гг. (стр. 60); 1508—1509 гг. (стр. 161); «Борис Дмитриев сын Косачов», до 1509 г. (стр. 12); 1517 г. (стр. 166) и «Борис Дмитриев сын Косачова», 1519 г. (стр. 122).

«Семен Лызло Михайлов сын Бартенев», 1507 г. (стр. 99) и «Семен Лызло Михайлов сын Бартенева», 1507 г. (стр. 39, 100) и подобные.

Подобные расхождения часто имеют место в одной и той же грамоте. Особенно это относится к подписям (см. § 52). Позднée таких расхождений становится еще больше.

Общее направление развития этих колебаний довольно ясно: побеждают формы на *-ов*. Это и вполне понятно, если учесть следующие обстоятельства. Среди патронимических форм эти формы были наиболее сильными: все отчества кончаются на *-ов*, все прозвищные отчества оканчивались на *-ов*. Отсюда исходила грамматическая аналогия: тенденция к грамматической ассимиляции форм на *-ова*, *-ина*. Однако не одно это обусловливало вытеснение форм на *-ова* формами на *-ов*, в основе ассимиляции лежал смысловой фактор: наименование стремилось стать единым, все-

ми своими частями связанным с именем. Это стремление к единству, подкрепляемое силой грамматической аналогии, вело к осознанию форм на *-ова* не как слов, указывающих на определенного предка (это правило нарушалось с самого начала, так как предки были разные), а предка вообще, т. е. фамилии. Окончательное изменение форм на *-ова* в *-ов* — последний этап в формировании фамилий.

Формирование фамилий происходило не во всех наименованиях одновременно. В формах типа «*Иван Иванов сын Сергеева*» позднée: необходимость различения отчеств и прозвищных отчеств или отчеств отца обусловливала стремление к дифференциации этих форм. Иначе складывались обстоятельства в именованиях типа *Федор Иванович Сабурова:* между словами *Иванович Сабурова* не так ясны уже, во-первых, и грамматические отношения, а кроме того, отчество обособлялось с помощью специальных словообразовательных средств — суффиксов *-ов*, *-ич*.

§ 73. В «Актах феодального землевладения» встречаются такие наименования различных представителей одного рода:

1-е поколение «Иван Перепеча Мартьемьянов сын Посульщикова»;

2-е поколение «Борис Иванов сын Перепечин»;

3-е поколение «Федор Борисов сын Перепечина» (стр. 143—144).

Спрашивается, будет ли являться фамилией форма «Перепечина» в последнем из этих наименований, где она представляет собой повторение части наименования, употреблявшейся в наименованиях представителей предшествующего поколения?

Полагаем, что форма «Перепечина» в наименовании представителей третьего поколения фамилией еще не является. Возможность стать фамилией эта форма может получить только в наименованиях лиц следующего — четвертого — поколения, так как в наименованиях представителей третьего поколения она еще не утратила реального значения и смысловой связи и грамматической зависимости от отчества. Наименование «Федор Борисов сын Перепечина» может быть передано и так: «Федор Бориса Перепечина», где связь слова «Перепечина» с предшествующим словом вскрывается заметнее. Окажись у Федора, кроме личного имени, еще прозвище,— в наименовании

его сына могло не оказаться не только отчества Федора — «Борисов», но и отчества его отца («Перепечина»), т. е. случилось бы то же, что случилось с составами наименования его деда — «Мартьемьянов Посулыщикова» в наименовании его отца: они оба утратились бы; срвн.: «Борис Иванов сын Перепечин».

Приведенный материал показывает, что употребление прозвищного отчества или христианского отчества отца в двух поколениях еще недостаточно для того, чтобы слова эти стали фамилиями. Прозвищное отчество или христианское отчество отца может стать фамилией лишь в четвертом поколении, т. е. при третьем последовательном употреблении указанных слов из поколения в поколение (см. примеры ниже).

И действительно, если прозвищное отчество или отчество отца оказывается повторенным в четвертом поколении, дальше оно становится постоянной частью наименований представителей данного рода.

У «Михайла Векентия», происходившего из рода Добрынских и получившего второе имя, может быть, при пострижении в Троицкий монастырь (Врем., 9, 98) был сын «Федор Михайлов сын Викентьева», 1496 г. (Ак. феод. земл., стр. 55). Внуки Федора — дети его сыновей Василия Угрима и Тимофея Тучко (Врем., 9, стр. 167) именуются так: «Потап Угримов сын Векентьев», «Елизар Тучков сын Векентьев», «Михайло, да Микита, да Меншик Тучковы дети Векентьева» (Тетр. двор., стр. 189, л. 140). Один из сыновей Потапа — Гаврила именуется: «Гаврилу Потапьевичу Векентьеву», 1602 г. (Ак. феод. земл., стр. 268). Таким образом, форма, восходящая к первоначальному отчеству «Векентьев», употребляется подряд у представителей четырех поколений. Во втором поколении — это отчество, в третьем — отчество отца, в четвертом — отчество деда и в пятом — отчество прадеда. Начиная с четвертого поколения, форма *Векентьев* утрачивает связь с отчеством. Она становится самостоятельной и согласуется с именем называемого лица, т. е. приобретает значение фамилии. И все-таки это еще не вполне современная фамилия, так как в именованиях последующих поколений она может оказаться смененной новым прозвищным отчеством. Мы не располагаем такими данными в отношении представителей данного рода. Подобная смена показана на примере истории другого рода — Карповых (см. в § 59).

§ 74. Приведем примеры появления некоторых фамилий

Морозовы — Шеины — Салтыковы

Морозовы

Иван Семенович Мороз

Михаил[1] — Лев[2] — дети Ивана Мороза

Внуки Ивана Мороза — 2-е поколение	Правнуки — 3-е поколение	Праправнуки — 4-е поколение	5-е поколение	6-е поколение
Василий[3] Слепой	Григорий[6]	Иван[14, 15]	Семен[17]	
		Василий[13]	Григорий[18]	Лев[21]
			Володимер[19]	
		Яков[16]	Петр[19]	
			Михаил[20]	
Игнатий[4]	Тимофей[7]			
	Михаил Салтык			
	Петр			
Давыд	Иван[11]			
	Дмитрей[12]			
Василий[5] Шея	Дмитрий			
Борис	Федор Брюхо[8]			
	Василий Тучко[9]			
	Семен Брюхо[10]			

[1] В 1382 г. Дмитрий Иванович Донской «посла на Тферь бояр своих, Семена Тимофѣевича да Михаила Морозова, по Киприяна по митрополита, зовя его к себѣ на Москву» (Моск. лет. св., стр. 210).

[2] «Левъ Морозов» убит во время «Донского побоища», 1380 г. (там же, стр. 204) — сыновья.

[3] «Василий Михайлович(ь)» (Слепой) (Ак. с.-в. Р., № 163, указ. 684).

[4] «Игнатеи Михайлович(ь) (там же).

[5] «Васил/ь/евꙋ женꙋ Михайловичꙗ» (Шеи) (там же, № 341, указ. 684) — внуки.

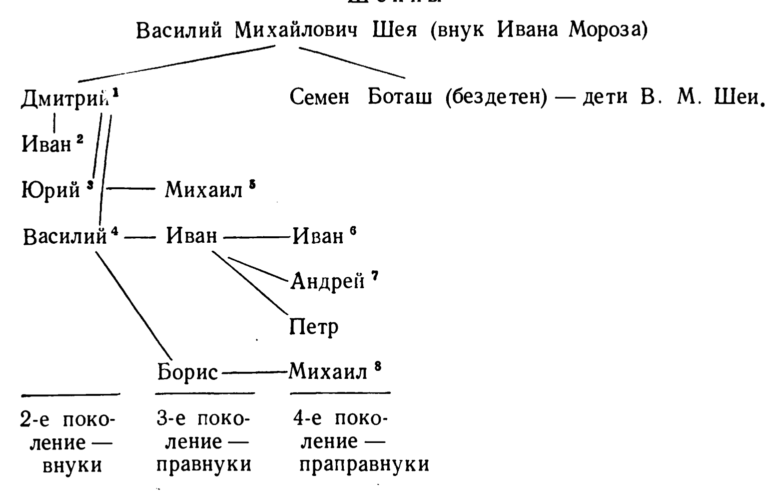
[6] «Ковшъ болшои, венец оу нег(о) писан, имѧ Григор(ь)ю Васил(ь)евича Морозова», 1521 г. (Дух. и дог. гр., стр. 411).

[7] «Тимофѣи Игнатьевичь Морозов» (Скряба), 1483 г. (Ак.с.-в. Р., стр. 380).

[8] «Федор Борисович(ь) Морозов», около 1472—1488 гг. (Ак.с.-в. Р., стр. 305, № 415).

[9] «Василей Борисович(ь) (Тучко)», 1547 г. (стр. 523, № 612)

Шеины



[10] «Семену Борисовичю» (Брюхо) (там же, стр. 524, № 612).

[11] «Иван Давыдов» (Мурадин) (около 1490—1495 гг.) (там же, стр. 435, № 557).

[12] «Дмитреи Д(а)в(ы)дович(ь)», 1485—1490 гг. (там же, стр. 398) — третье поколение, правнуки.

[13] «Письма Василья Григорьевича Морозова», 1519 г. (Ак. феод. земл., стр. 42).

[14] «по Иване Григорьевиче Морозова», 1557—1558 гг. (там же, стр. 59).

[15] «перед Иваном Григорьевичем Морозовым», около XVII в. (Дух. и дог. грам., стр. 473—474).

[16] «да Яковли Григорiева с(ы)на Морозова деревни», 1504 г. (Дух. и дог. грам., стр. 381).— четвертое поколение, праправнуки.

[17] «Семен Иванович Морозов» (Тетр. двор., стр. 113).

[18] «Григорий Васильевич Морозов» — боярин (Тыс. кн., стр. 54).

[19] «Володимер да Петр Васильевичи Морозовы» (Тыс. кн., стр. 55).

[20] «Михайло Яковлевич Морозов» (Тыс. кн., стр. 54) (Тетр. двор., стр. 112) — пятое поколение.

[21] «Лев Григорьев сын Морозов» (Тетр. двор., стр. 124) — шестое поколение.

[1] «Дмитрей Васил(ь)евич(ь) Шеин», 1505 г. (несколько раз — Ак.с.-в.Р., стр. 582, (№ 158) — сын Василия Шеи.

[2] «Иван Дмитриевич Шеин», боярин (Тыс. кн., Счетное дело 9).

[3] «Село Елдегино, что было Юрья Шеина, село Симоновское Васильевское Шеина», 1572 г, (Арх. Стр., II, стр. 443).

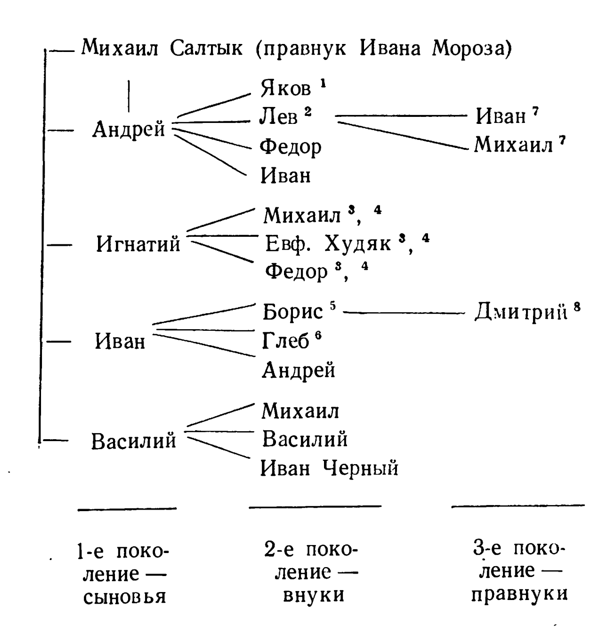
[4] См. предыдущий пример — внуки.

[5] «Михайло Юрьев сын Шеин» (Тетр. двор., стр. 124) — правнук.

[6] «Иван Кляпик Иванов сын Шеин» (Тетр. двор., стр. 94).

[7] «Андрей Иванов сын Шеин» (Тыс. кн., стр. 128); «От Андрея от Шеина» (Посл. Ив. Гр., 1574 г., соч. 202).

Салтыковы



---

[8] «Михайло Борисович Шеин», боярин, 1608 г. (Туп., стр. 892); «Михаилу Борисовичю Шеину», боярин, 1629 (Арх. Стр., II, стр. 726) — 4-е поколение, праправнуки.

[1] «Яков Андреевич Салтыков» (Тетр. двор., стр. 112, также — 113).

[2] «Лев Ондреевич Салтыков» (Тыс. кн., стр. 55, Тетр. двор., стр. 113, 114).

[3] «Михайло, да Худяк, да Федор Игнатьевы дети Салтыкова» (Тетр. двор., стр. 187).

[4] «Михайло да Худяк да Федор Игнать(евы) дети Салтыкова» (Тыс. кн., стр. 60).

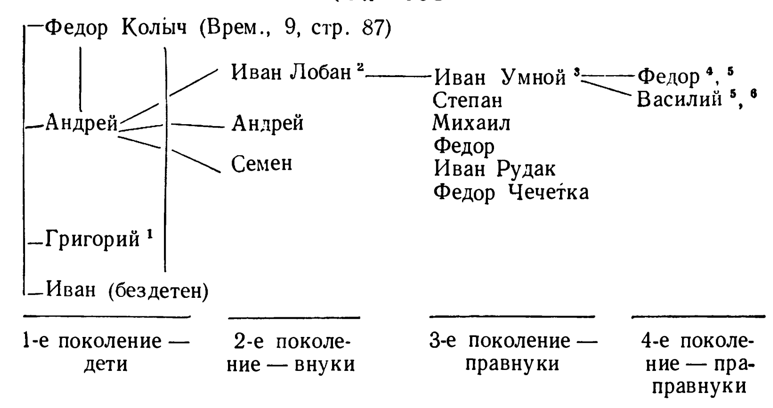
[5] «Борис Иванов сын Салтыков» (Тетр. двор., стр. 187, также — Тыс. кн., стр. 56).

[6] «Глеб Иванов сын Салтыков» (Тыс. кн., стр. 78) — внуки.

[7] «Михайло да Иван Львовы дети Салтыкова» (Тетр. двор., стр. 124).

[8] «Дмитрей Борисов сын Салтыков» (Тетр. двор., стр. 187) — правнуки.

Колычевы



§ 75. В фамилии превращались и прежние звания князей, выходцев из западной Руси. К числу таких фамилий принадлежит фамилия Бельский. Бельские — выходцы из Литвы в связи с преследованием там православия.

В летописных строках о том, что «в лето 6990 (1482) прибежал из Литвы к великому князю Ивану Васильевичу от короля Казимира князь Федор Иванович Бѣльскыи, а жены с собою не успѣлъ взяти», слово «Бельский» еще не является фамилией. Оно указывает лишь на место владений, оставленных князем. То же — в следующей грамоте великого князя Ивана Васильевича, который «пожаловал кн/ѧ/зя Ѳеодора Ивановича Бѣлског/о/, дал... ему въ

[1] «Григорей Федорович Колычов», 1450—1470 гг. (Ак. с.-в. Р., стр. 209).

[2] «Иванъ Лобанъ Ондрѣевичъ Колычовъ», помещик, 1495 г. (Туп., стр. 285); «Лобанъ Колычовъ», посол Московский в Крым, 1492 г. (Туп., стр. 285); «Ив. Андр. Колычову» (Ак. с.-в. Р., Примечание, стр. 629, № 527, 1516 г.).

[3] «Иван Умной Иванович Колычов», окольничий (Тыс. кн., стр. 55); «Иванъ Ивановичъ Колычовъ Умной», окольничий, около 1578 г. (Туп., стр. 464); «Иванъ Умной Ивановъ с. Лобанова Колычова», московский боярин, 1537 г., Летоп., VIII, 294 (Туп., стр. 464).

[4] «Федор Иванович Умного Колычов», окольничий (Тыс. кн., стр. 113); «Федор Иванович Умного», боярин там же); «Наказ боярина Федора Умного Колычова, послан в Слободу...» (Дух. и дог. гр., стр. 447, опись 1611 г.).

[5] «Федор да Василей Ивановы дети Умного Колычова» (Тыс. кн., стр. 198).

[6] «Василей Ивановичъ Умной Колычовъ, 1571 г. (Туп., стр. 464).

вотчину гору да Луx с волостьми, да волости Вичюгу, да Кинешму, да Чихачев» (Дух. и дог. гр., стр. 357).

Однако в именованиях сына Федора Ивановича — Дмитрея Феодоровича, служившего великим князьям московским, «Бельский» является уже только родовым прозванием, так как Дмитрий никогда владетелем Бельской земли не был: «А на уде были... бояре князь Дмитрей Федорович Бельской», 1525 г. (Ак. феод. земл., стр. 22). С него начинается перечень бояр в «Тысячной книге...» «Князь Дмитрей Федорович Бельской» (стр. 54).

Тем более сказанное относится к сыну Дмитрия и внуку Федора — Ивану Дмитриевичу Бельскому (глава боярской думы), воеводе и князю также времен Ивана Грозного, с наименования которого начинается, в частности, «Тетрадь дворовая»: «Князь Иван Дмитриевич Бельской» (стр. 111). С него же начинается перечень «князи служилые»: «князь Иван Дмитриевич Бельской. Боярин» (стр. 117).

В связи с этим весьма интересен титул И. Д. Бельского в послании к Сигизмунду II Августу: «от его царского величества совету боярина и воеводы навышшаго и наместника Володимерского и державицы Галичского и Луховского и Кинешемского князя Ивана Дмитреевича Литовского и Белского», где «Белского», а тем более Литовского—воспоминание о прежних владениях деда» (Посл. Ив. Гр., стр. 241).

§ 76. Процесс образования фамилий в русском литературном языке к началу XVIII века закончился. Он закончился вместе с прекращением именоваться прозвищами. Происходили некоторые процессы в истории отдельных фамилий. Общее направление их — тенденция к унификации общей формы, т. е. устойчивому употреблению одной из форм.

Получает распространение форма «Долгорукой». Так именуют себя сподвижники Петра: «Яков Долгорукой», 1720 г. (Ак. Петра, стр. 338); «Григорей Долгорукой», 1720 г. (там же), Василий: «Маеор Долгорукой», 1708 г. (Прим., стр. 650, 657, 681, 684, 687). Так и в именованиях других лиц: «господин Долгорукой» (стр. 673, 674); родительный падеж: «Юрья Долгорукова» (там же, стр. 695), «под князя Долгорукова» (стр. 659), а также «Долгоруково» (там же, стр. 674) и «Долгорукого» (там же, стр. 674, 675). В дательном падеже «маеору Долгорукому» (стр. 673), в творительном падеже: «Долгоруким» (стр. 703), но и: «к маеору князю Долгорукову» (стр. 879).

В конце XVIII — начале XIX в. один из представителей той же фамилии именовал себя «Юрий Долгоруков» — собственноручная подпись, 1809 г. (Моск. сук. дв., стр. 32; 1813 г., стр. 34 дважды, 1815 г., стр. 38). Так в основном и в документах: например, в документе 1794 г. встречаем формы: «А ежели он, князь Долгоруков...» (стр. 23), «от него князя Долгорукова» (стр. 23), «Юрья Володимировича Долгорукова» (стр. 22), «Юрию Володимировичу Долгорукову» (стр. 21), «князю Долгорукову» (стр. 23, дважды, 24). Из другого документа 1809 г.: «с князем Долгоруковым» и (несколькими строками выше) — «Долгоруким» (там же, стр. 25, 31), «Долгоруков» и «Долгорукий» (стр. 30), «Долгорукову» (стр. 30) и «Долгорукому» (стр. 25).

Таким образом, на протяжении всего XVIII в. фамилия оказывается неустойчивой.

Среди сподвижников Петра I были Толстые. Один из них подписывался: «Раб твой Иван Толстой», 1708 г. (Ак. Петра, стр. 737, 738, 739) и «Толстой» (стр. 747), другой: «Петръ Талъстой», 1721 г., 1722 г. (стр. 242, 384); в родительном падеже: «Толстова» (стр. 163). Здесь колебаний не наблюдаем. Прилагательное сохранило свои формы. Но известна и фамилия «Толстов».

Список источников и принятых сокращений

1. Туп. — Н. М. Т у п и к о в, Словарь древнерусских личных собственных имен, «Записки отделения русской и славянской археологии», том VI, Спб., 1903.

2. Ак. Калач. — Акты, относящиеся до юридического быта древней России, изд. археографической комиссии, под ред. Н. Калачева, том I, Спб., 1857.

3. Срезн. — И. И. С р е з н е в с к и й, Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I, Спб., 1893; т. II, 1902; т. III, 1903.

4. Зап. кн. — «Записная книга крепостным актам XV—XVI вв., явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву», изд. археогр. комиссии, Спб., 1898.

5. Новг. каб. кн. — «Новгородские записные кабальные книги 100—104 и 111» годов, изд. АН СССР, М.—Л., 1938.

6. Яковлев — А. Я к о в л е в, Холопство и холопы в Московском государстве XVII в., изд. АН СССР, М.—Л., 1943.

7. Дух. и дог. гр. — «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.», изд. АН СССР, М.—Л., 1950.

8. Лет. арх. ком. — «Летопись занятий археографической комиссии. 1888—1894 годы», вып. 11-й, Спб., 1903.

9. Самокв. — «Московский архив министерства юстиции. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. Управляющий архивом Д. Я. Самоквасов», том II, М., 1909.

10. Переп. кн. — «Писцовая и переписная книга XVII века по Нижнему Новгороду». Русская историч. библиотека, том 17, Спб., 1898.

11. Ак. с.-в. Р. — «Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV—начала XVI в.», том. I, изд. АН СССР, М., 1952.

12. Ак. феод. земл. — «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв.», ч. 1, изд. АН СССР, М., 1951.

13. Кн. ключ. — Книга ключей и долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в., изд. АН СССР, М.—Л., 1948.

14. Врем. — «Временник императорского Московского общества истории и древностей российских», кн. 1—4, М., 1849; кн. 5—8, М., 1850; кн. 9—11, М., 1851; кн. 12—15, М., 1852.

15. Весел. — С. Б. Веселовский, Феодальное землевладение в северо-восточной Руси, т. I, изд. АН СССР, М.—Л., 1947.

16. Котош. — Гр. Котошихин, О России в царствование Алексея Михайловича, изд. 4-е, Спб., 1906.

17. Тыс. кн., Тетр. двор. — «Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в.», изд. АН СССР, М.—Л., 1950.

18. Тетр. двор.— «Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в.», изд. АН СССР, М.— Л., 1950.

19. Посл. Ив. Гр. — «Послания Ивана Грозного», изд. АН СССР, М.—Л., 1951.

20. Моск. лет. св. — «Полное собрание русских летописей», Московский летописный свод конца XV в., т. 25, изд. АН СССР, М.—Л., 1949.

21. Арх. Стр. — «Архив П. М. Строева», т. I, Пг., 1915; т. II, Пг., 1917.

22. Ак. Шуйск. — «Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606—1610 гг.)», М., 1914.

23. Арз. ак. — «Арзамасские поместные акты (1578—1618 гг.)», М., 1915.

24. Ак. Петра — «Законодательные акты Петра I», изд. АН СССР, М.—Л., 1945.

25. Моск. сук. дв. — «Московский суконный двор». Труды Историко-археографического института, т. XIII, Крепостная мануфактура в России, часть V, изд. АН СССР, Л., 1934.

26. Р. и ст. биб. — «Русская историческая библиотека», том 28. Приходно-расходные книги Московских приказов, кн. 1, М., 1912.

27. Тип. лет. — «Полное собрание русских летописей, т. 24. Типографская летопись, изд. Археогр. комиссии, Пг., 1921.

28. Дом. быт — И. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., ч I, изд. 4-ое, М., 1918.

29. Каз. писц. кн.— Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565—68 гг. и 1646 г. АН СССР. Труды историко-археографического института, вып. 2. Л. 1932.

30. Родосл. — см. Врем., 9.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3
Глава I. **Введение** 5
Глава II. **Об отношении русских имен к греческим в русском языке XV—XVII вв.** 11
Глава III. **Прозвища** 29
1. О сравнительной древности прозвищ 29
2. Связь древнерусских прозвищ с современными русскими прозвищами. Прозвища в современном русском языке 34
Глава IV. **Отчества** 39
1. Собственно-отчества 47
2. Прозвищные отчества 54
Глава V. **Развитие отчеств** 63
1. Состав древнерусского наименования 63
2. Развитие прозвищных отчеств 71
Глава VI. **Родовые прозвания** 91
Глава VII. **Фамилии** 109
Список источников и принятых сокращений 126

Василий Константинович Чичагов
ИЗ ИСТОРИИ РУССКИХ ИМЕН, ОТЧЕСТВ И ФАМИЛИЙ

Редактор *Г. П. Смолицкая*
Технический редактор *Л. Д. Шварцбрейм*. Корректоры *С. Б. Березина* и *Т. И. Крысанова*

Сдано в набор 4/VI 1959 г. Подписано к печати 13/VIII 1959 г. 84×108 1/32.
Печ. л. 8 (6,56). Уч.-изд. л. 6,52. Тираж 58 тыс. экз. А06092.

Учпедгиз. Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Московского городского совнархоза, Москва, Ж-54, Валовая, 28.
Заказ № 3216. Цена 1 руб. 75 коп.